

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER LIBRARY

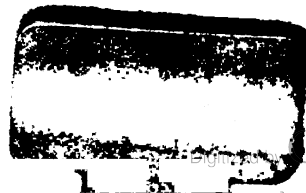

HX 7813 0

Prov 205.41

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

42 624/66

10, 38
И. Е. Тимошенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПЕРВОИСТОЧНИКИ И ПРОТОТИПЫ
ТРЕХЪ-СОТЪ
РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ И ПОГОВОРКЪ.

ГЛАВНЫЕ ОТДѢЛЫ:

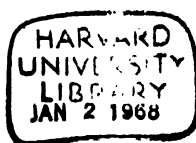
Гомеръ, Эсопъ, трагики, аттическая комедія, Платонъ,
Аристотель, римская литература, Плутархъ, Лу-
кианъ, греческіе пареміографы и сборники
византійскихъ пословицъ.

КІЕВЪ.

Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40-й.
1897.

Prov 205.41

✓

Дозволено цензурою. Київъ, 3-го Апрѣля 1897 года.

67 * 2, (SLL)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Введеніе. Пословица, какъ выразительница народнаго характера. Пословицы заимствованныя; общія всѣмъ народамъ; сходныя по содержанию и по формѣ. Сходство русскихъ пословицъ съ древне-греческими и византійскими. Литературныя связи Руси съ Византіею. Какіе древніе авторы были извѣстны на Руси? Литература предмета: книга Ив. Снегирева и ея значеніе; византійскія пословицы. Задача настоящей книги. Какимъ путемъ классическія пословицы проникли къ намъ? Устная передача; литературная традиція; древне-русскіе сборники и школьныя книги, какъ проводники пословицъ. Ограниченіе предмета. Хронологическій порядокъ въ изложеніи. Главные источники. Краткій обзоръ греческой пареміографіи: зачатки ея; дошедшіе до насъ сборники Зеновія, Діогеніана и Плутарха; Appendix proverbiolum; сборники Григорія Кипрскаго, Макарія, Апостоля и Арсенія; Эсоповы пословицы и Mantissa proverbiolum. Византійская пареміографія: сборникъ Плянуда и изданіе Крумбахера. Лексикографы. Римскія пословицы. Adagia Еразма Роттердамскаго.

I. *Гомеръ.* 1. Глазь народа—глазь Божій.—2. Кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего и не хочетъ.—3. Въ комъ стыдъ, въ томъ и страхъ.—4. Чтoby мнѣ сквозь землю провалиться!—5. Душа въ пятки ушла.—6. Осинаго гнѣзда не тронь.—7. Сказано—сдѣлано.—8. Напрасно землю тяготишь.—9. Говорить на вѣтеръ.—10. Бѣда на бѣдѣ.—11. Омовеніе рукъ.—12. Плыть по теченію; нестись на всѣхъ парусахъ.—13. Языкъ сидитъ за костянымъ частоколомъ.—14. Помереть со смѣху.—15. Черный, какъ смоль; бѣлъ, какъ снѣгъ; слаще меду; каменное, желѣзное сердце.—16. О литературныхъ пословицахъ. Сардоническій смѣхъ.

II. *Гесиодъ*. 17. Жнешь, гдѣ не сѣялъ.—18. Дары и мудрыхъ ослѣпляютъ.

III. *Солонъ*. 19. Много будешь знать, скоро состарѣешься.

IV. *Хилонъ*. 20. О покойникѣ худа не молви.

V. *Эсонъ*. 11. Отогрѣлъ змѣю на пазухой.—22. Собака на снѣгъ.—23. Свои грѣхи за собою, чужіе предъ собою.—24. Лебединая пѣсня.—25. Черепашка съ зайцемъ навпередки пошла.—26. Волка въ пастухи поставили.—27. Что мучить, то и учить.—28. Собака скоро рождаетъ, да слѣпыхъ.—29. Не ноги кормятъ брюхо, а брюхо—ноги.—30. Одна ласточка не дѣлаетъ весны.—31. Плясать по чужой дудкѣ.—32. Гора мышь родила.—33. Онъ изъ песку веревки вьетъ.

VI. *Алкѣй*. 34. Вся правда въ винѣ.—35. Знать звѣря по когтямъ.

VII. *Пивагоръ*. 36. Огня ножомъ не разгребай; „не вкушай чернохвостыхъ“; черезъ вѣсы (коромысло) не переступай.

VIII. *Гиппонактъ*. 37. Дважды жена мила, бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ.

IX. *Теогонидъ*. 38. Ошибаться—человѣческое дѣло.—39. Онъ самъ для себя цѣпи куетъ.—40. Чужую пашню пашетъ, а своя въ залежи.

X. *Епихармъ*. 41. Рука руку мостъ.—42. Изъ одного дерева и крестъ, и лопата.

XI. *Кратинъ*. 43. На безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Гома дворянинъ.—44. Глупъ, какъ баранъ (кротокъ, какъ овца).—45. Старъ да малъ—дважды глупъ.

XII. *Ферекратъ*. 46. Съ одного вола двѣ шкуры драть.

XIII. *Пиндаръ*. 47. Лучше жить въ зависти, чѣмъ въ жалости.

XIV. *Эсхилъ*. 48. Трудно противу рожна прати.—49. Не плюй въ колодезь, случится напиться.—50. Закусить удила.—51. Смѣлымъ Богъ владѣть.

XV. *Софоклъ*. 52. Писать на водѣ.—53. Спать соловьинымъ сномъ.

XVI. *Еврипидъ*. 54. Дай Богъ, чтобы земля на немъ легкимъ пухомъ лежала!—55. Другъ познается въ бѣдѣ.—56. Плохое начало не къ доброму концу.—57. У дурака дурацкая и рѣчь.—58. „Другіе помыслы мудрейшіе суть первыхъ“.

XVII. *Анонимъ* (неизвѣстный авторъ трагедій). 59. Кого Богъ хочетъ погубить, у того умъ отнимаетъ.

XVIII. *Геродотъ*. 60. Глазъ вѣрнѣе уха.—61. Долгія руки.—62. Царское око (царское ухо).

XIX. *Фукидидъ*. 63. Хотя покою, готовься къ бою.

XX. *Аристофанъ*. 64. Ловить рыбу въ мутной водѣ.—65. Журавль въ небѣ не добыча.—66. Кто заварилъ кашу, тотъ и расхлебывай (самъ

накрошилъ, самъ и выхлебай).—67. Сулить золотыя горы.—68. Птичье молоко.—69. Собачья смерть.—70. Сквозь огонь и воду.—71. Онъ самъ своей тѣни боится.—72. Не имѣть ни кола, ни двора.—73. Это ясно и для слѣпаго.—74. Казать фигу.

XXI. *Архипъ*. 75. Хорошо море съ берегу.

XXII. *Ксенофонтъ*. 76. Деньги четвериками мѣрять.

XXIII. *Амфидъ*. 77. Гдѣ больно, тамъ рука.

XXIV. *Феофилъ*. 78. Пѣть старую пѣсню.

XXV. *Платонъ*. 79. Какъ посѣнешь, такъ пожнешь.—80. Изъ огня да въ полымя.—81. Доброе начало—половина дѣла.—82. Живи не какъ хочется, а какъ можется.—83. Лучше въ обидѣ быть, нежели въ обидчикахъ.—84. Подливать масло въ огонь (тушить масломъ огонь).—85. Бабьи сказки.—86. Рѣшетомъ воду носить.—87. Утереть кому носъ.—88. Подобный подобнаго любить.—89. Просьба паньска ривно з наказомъ хѳдить.

XXVI. *Хэрилъ*. 90. Капля по каплѣ и камень долбитъ.

XXVII. *Доріонъ*. 91. Буря въ стаканѣ воды.

XXVIII. *Аристотель*. 92. Корень ученія горекъ, но плоды его сладки.—93. Клинь клиномъ выбивать.—94. Драть съ живаго и съ мертваго.—95. Изъ двухъ золъ выбирай меньшее.—96. Привычка—вторая природа.—97. Чтобы узнать человѣка, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть.—98 и 99. Отъ хозяйскаго глаза и конь добрѣетъ; гдѣ хозяинъ ходитъ, тамъ и хлѣбъ родится.—100. Горе сдружаетъ людей.

XXIX. *Менандръ*. 101, 102, 103. Поговорки про женщинъ: лучше жить со змѣею, чѣмъ со злою женою: отъ пожара, отъ потопа, отъ злой жены, Боже, охрани; не вѣрь женѣ.—104. Богъ другаго любя прибегать.—105. Спать на одно ухо, на оба уха.—106. Слово—воробей, вылетитъ—не поймаешь.—107. Слѣпой рокъ; слѣное счастье; колесо фортуны; счастье дороже ума.—108. Золотой молотокъ и желѣзные ворота прокуетъ (стрѣлять серебряною дробью).—109. Бесѣды злыя тлятъ обычаи благіе.—110. Когда дубъ въ дребезги упадетъ, кто хочетъ щепки подбираетъ.—111. Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастьми.

XXX. *Филемонъ*. 112. Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.—113. Сколько головъ, столько умовъ.

XXXI. *Аполлодоръ Каристійскій*. 114. Держать волка за уши.

XXXII. *Посидиппъ*. 115. Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ горя не видалъ.

XXXIII. *Анонимъ* (неизвѣстный авторъ комедіи). 116. Пристало, какъ къ коровѣ сѣдло.—117. Любовь начинается съ глазъ.—118. Мы умолчимъ, такъ каменья возопіютъ.

XXXIV. *Каллимахъ*. 119. Суму нищаго не наполнишь.

XXXV. *Теокритъ*. 120. Плевать въ пазуху.—121. Подергиванье бровей и чесанье глазъ.—122. Любовь слѣпа.—123. Кости да кожа.—124. Виноватаго Богъ найдетъ.—125. Лѣнивому всегда праздникъ.

XXXVI. *Апій*. 126. Всякъ своего счастья кузнецъ.

XXXVII. *Нэвій*. 127. Неправедное стяжаніе прахъ.

XXXVIII. *Плаутъ*. 128. На языкѣ медокъ, а на сердцѣ ледокъ.—129. Легокъ волкъ на поминѣ.—130. Письмо, словно куры набродили.—131. У него глаза въ затылкѣ.—132. Какъ бѣшеная собака.—133. Ученаго учить—только портить.—134. Ни живъ, ни мертвъ.—135. Худа тамышь, которая одну лазею знаетъ.—136. Рубашка ближе къ плечамъ, чѣмъ кафтанъ.

XXXIX. *Енній*. 137. Висѣтъ на волоскѣ, на тонкой ниткѣ.

XL. *Катонъ Старшій*. 138. У брюха нѣтъ уха (брюхо злодѣй: стараго добра не помнитъ).—139. Домовитый больше продаетъ, чѣмъ покупаетъ.

XLI. *Теренцій*. 140. Не къ добру курица пѣтухомъ запѣла.—141. Горохъ на спинѣ молотить.—142. Растравлять старую рану.—143. Самъ накрошилъ, самъ и выхлебай (см. № 66).

XLII. *Варронъ*. 144. Чим горшокъ накупивъ, тим буде смердіти.—145. Жизнь чоловіка, якъ бульба на воді.—146. Снова, ситце на колючку нависится.—147. Друзей у богатыхъ, что мякины около зерна.

XLIII. *Цицеронъ*. 148. Отъ младыхъ ногтей.—149. Какъ съ неба свалился.—150. Бумага все терпитъ.—Съ молокомъ матери всосать.—152. Мыши изъ дому выбираются (предъ несчастьемъ).

XLIV. *Д. Лаберій*. 153. Сидѣтъ на двухъ стульяхъ.

XLV. *П. Суръ*. 154. За двумя зайцами погонишься, и одного не поймаешь.—155. Кто сразу дав, той два рази дав.—156. Гдѣ дымъ, тамъ и огонь.—158. Добрая слава вѣрнѣ богатства.—159. Даръ принялъ тотъ, кто достойному далъ.—160. Кто даетъ, давать учить.—161. Убогій во многомъ нуждается, а скупой во всемъ.—162. Бѣшеному и дитяти ножа не давати.

XLVI. *Вергилій*. 164. Любовь преодолеваетъ все; терпѣніе и трудъ все перетрутъ.—164. Доить козла.—165. Крадетъ волкъ и считанную овцу.

XLVII. *Горацій*. 166. Ни задавиться, ни зарѣзаться нечѣмъ.—167. Гоня природу въ дверь, она вернется въ окно.—168. Голая истина.

XLVIII. *Проперцій*. 169. Далеко изъ очей, далеко изъ сердца.

XLIX. *Овидій*. 170. Въ маѣ жениться—вѣкъ маяться.—171. Запутаться въ собственныхъ сѣтяхъ.—172. Ржа желѣзо ѣсть, а печаль сердце.—173. Изъ чернаго дѣлать бѣлое.

L. *Сенека*. 174. И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбръ.—175. Вѣкъ живи, вѣкъ учись.—176. У смерти на глазахъ всѣ равны.—177. Сколько рабовъ, столько враговъ.—178. Онъ трехъ словъ не въ состояніи связать.

LI. *Валерій Максимъ*. 179. „Не свыше сапога“.

LII. *Петроній*. 180. Коли не по коню, такъ по оглоблямъ.—181. Большому кораблю большое плаваніе.—182. Разбить горшокъ.—183. Какъ мокрая мышъ.—184. Рыба хочетъ плавать.—185. Солнышко на всѣхъ равно свѣтитъ.

LIII. *Плینی Старшій*. 186. Нѣтъ худа безъ добра.—187. Ежеднѣнь не будешь умень.—188. Нѣтъ такой плохой книги, которая въ какомъ нибудь отношеніи не была бы полезна.

LIV. *Венеціанскія схолии къ Гомеру*. 189. Въ слѣпомъ царствѣ кривой—король.—190. Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ.

LV. *Фэдръ*. 191. Князья бьются, а у бояръ шеи болятъ.

LVI. *Персій*. 192. Изъ одного тѣста.—193. Умъ борода не ждетъ.

LVII. *Квинтилианъ*. 164. Лживому надо памятку быть.

LVIII. *Тацитъ*. 195. Блистать своимъ отсутствіемъ.

LIX. *Плутархъ*. 196. Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкъ.—197. Коня въ рати узнаешь, а друга въ бѣдѣ.—198. И во снѣ не видываль.—199. Мертвая собака не кусаетъ.—200. На чужой совѣтъ до зову не ходи; пока позовутъ, погоди.—201. Рожь сѣять въ песокъ, а овесъ въ грязь.—202. Ни конь безъ узды, ни богатство безъ ума.—203. Не люби друга потаковщика, люби встрѣчника.

LX. *Светоній*. 204. Шерсть стриги, а шкуры не дери.—205. Волкъ и каждый годъ линяетъ, да обычая не мѣняетъ.

LXI. *Авлъ Геллій*. 206. Спѣши, да не торопись (тише ѣдешь, дальше будешь).—207. Пускать пыль въ глаза.

LXII. *Павсаній*. 208. За чужимъ кануномъ своихъ родителей поминать.

LXIII. *Фестъ*. 209. Житье, что гороху при дорогѣ.

LXIV. *Дукіанъ*. 210. Дай, Боже, нашему теляти волка поймать!—212. Нѣмъ, какъ рыба; трусливъ, какъ заяцъ; (слѣпъ, какъ кротъ; голубиная кротость; слонъ слономъ; глухъ, какъ тетеревъ; гордъ, какъ павлинъ; болтливая сорока).—213. Некогда даже за ухомъ почесаться.—216. Водить кого за носъ.—217. Въ ушахъ звенить—кто нибудь поминаетъ.—218. Одною ногою стоять въ могилѣ.

LXV. *Диогенъ Лаертскій*. 219. Старая крыса ловушку обходить.

LXVI. *Зеновій*. 220. Не гоняется слонъ за мышью.—221. Лукъ семь недугъ лѣчить.—222. Что городъ, то норовъ.—223. Брось дѣло съ камнемъ въ воду.—224. Заячій сонъ.—225. Гороховое чучело.—226. Разводить бобы.—227. Кровавыми слезами восплакаться.—228. Бездонная бочка.

LXVII. *Диогеніанъ*. 229. Не учи рыбу плавать.—230. Кривое веретено не выправишь.—231. И глупый ино молвить слово въ ладъ.—232. Голь, какъ колъ; голь, какъ пестъ.—233. За царя Гороха.

LXVIII. *Импер. Антонинъ Пій*. 234. Кто первѣе, тотъ правѣе.

LXIX. *Авенэй*. 235. Вино старику ноги подымаетъ.

LXX. *Лампридій*. 236. Чего себѣ не хочешь, того и другому не твори.

LXXI. *Астримсихъ*. 237. Заяцъ дорогу перебѣжить—къ несчастью.

LXXII. *Блаж. Иеронимъ*. 238. Даровому коню въ зубы не смотреть.—239. Одна паршивая овца все стадо испортить.—240. На всякій горшокъ найдется крышка.—240а. На крѣпкій сукъ надобенъ острый топоръ.

LXXIII. *Блаж. Августинъ*. 241. Строить воздушные замки.—242. Куда голова, туда и животы.

LXXIV. *Макробій*. 243. Воронъ ворону глаза не выклюнетъ.

LXXV. *Климакъ*. 244. Здоровому врачъ не надобенъ.—245. Огонь да вода супостаты.—246. Поглядимъ, откуда вѣтеръ подуетъ.—247. Беречь, какъ зѣницу ока.

LXXVI. *Глика*. 248. Зловѣщій воронъ.—249. Сѣй слезами радостью пожнетъ.—250. Какъ постелешь, такъ и поспишь.

LXXII. *Никита Акоминатъ*. 251. Рога приставить.

LXXVIII. *Плянудъ и кодексы Крумбахера*. 252. Собаку съѣлъ, только хвостомъ подавился.—253. Пани, якъ дурни; що хотять те й роблять.—254. На дурака у Бога милости много (дураку законъ не писанъ).—255. Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь.—256. Кверху плевать, свою бороду заплевать.—257. Глупый да малый всегда говорить правду.—258. Не шепчи глухому, не мигай слѣпому.—259. „Печь хлѣбъ въ печкѣ сосѣда“.—260. Не давай денегъ, не теряй дружбы: гдѣ любить, тутъ не учащая.—261. Любить, какъ собака рѣдку.—262. „Гдѣ поютъ много пѣтуховъ, тамъ поздно встаютъ“.—263. Много народу, да мало людей.—264. Какъ кошка съ собакой (дружны).—265. Скупой собираетъ, а чортъ калиту шьетъ.—266. Не вороши, такъ и не воняетъ.—267. Отъ худаго должника и мякиной бери.—268. Кто не слушается отца-матери, послушается телячьей шкуры.—269. Кабы мнѣ тотъ разумъ напередъ, что приходитъ опосля!—270. Лучше съ умнымъ потерять,

чѣмъ съ глупымъ найти.—271. Лучше съ умнымъ въ аду, чѣмъ съ глупымъ въ раю.—272. Есть старый—убилъ бы его; нѣтъ стараго—купилъ бы его.—273. Мірѣ по слюнѣкѣ плюнетъ, такъ море.—274. Ълъ ли, не ѡлъ ли, а за обѣдъ почтутъ.—275. Волка ноги кормятъ.—276. Лежи, когда Богъ убилъ.—277. Пѣшій конному не товарищъ.—278. Длинная нитка—лѣнивая швея.—279. Какъ чорта ни крести, онъ все кричитъ: пусти.—280. Кто до денегъ охочъ, тотъ не спитъ и ночь.—281. По ранѣ и пластырь.—282. Перековалъ лемехъ на свайку.—283. Первую дочь бери по матери, а вторую по сестрѣ.—284. Такая красава, что на дворѣ выйдетъ—три дня собаки лаютъ.—285. Дуракъ въ воду камень закинетъ, десятеро умныхъ не вытащатъ.—286. Государево добро на водѣ не тонетъ.—287. Слѣпой слѣпому путь кажетъ.—288. Битая посуда два вѣка живетъ.—289. Ино сладко проглотишь, да горько выплюнешъ.—290. Плохо не клади—вора въ грѣхъ не вводи.—291. Ласковое телѣ двухъ матокъ сосетъ.

LXXIX. *Апостолій и Арсеній.* 292. „Лѣнивый и въ домѣ своемъ смокнетъ“.—293. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ столкнется.—294. И камень лежа мохомъ обростаетъ.—295. Рыба отъ головы тухнетъ.—296. Орелъ мухъ не ловитъ.—297. Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай.—298. Крокодиловы слезы.

LXXX. *Θома Кемпійскій.* 299. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

LXXXI. *Еразмъ Роттердамскій.* 300. Где добре пиво, не треба ѣ вѣхы.

LXXXII. *Схоластическія пословицы.* 301. Кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ.—302. Лучше споткнуться ногою, нежели словомъ.—303. Иному не можетъ быть благу, кто себѣ золь.—304. О чемъ хочешь, чтобы другіе молчали, прежде самъ умолчи.—305. Стригъ чортъ свинью: визгу много, а шерсти нѣтъ.—306. Правда шутки не любить.—307. Не принять горькаго, не видать сладкаго.—308. На ретивую лошадь не кнутъ, а вожжи.—309. Въ тихую погоду и баба править.—310. Позднему гости кости.—311. Лучше поздно, чѣмъ никогда.—312. Куй желѣзо, пока горячо.—313. Рыжій да красный человѣкъ опасный.—314. Яблочко отъ яблони недалеко откатывается.—315. Старую собаку трудно къ цѣпи приучить.—316. Коли нѣтъ кота въ дому, играютъ мыши по столу.—317. Нѣтъ правила безъ исключенія.—318. На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ.—319. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.—320. Отъ смерти нѣтъ зелья.—321. Изъ большой тучи да малая капля.—322. Когда меня любишь, и собачку мою люби.—323. У бабы волосъ долотъ, а умъ коротокъ.—324. Повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сло-

мѣть.—325. Чѣй хлѣбъ ѣмъ, того и вѣмъ.—326. Лакома кошка до рыбки, да въ воду лѣзть не хочется.—327. Не разгрызть орѣха, не съѣсть ядра.—328. Ни рыба, ни мясо.—329. Съ волками жить, поволчьи выть.—330. Не все то золото, что блеститъ.—331. Кто другому яму роетъ, самъ въ нее ввалится.

Прибавленіе 1 (ходячія латинскія поговорки). *Прибавленіе 2* (пословицы Евстаѣя).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ русскихъ пословицъ изъ греческихъ и латинскихъ источниковъ, главнымъ образомъ, путемъ литературной традиціи, представляетъ интересъ въ виду новости предмета, можно сказать, совершенно неизвѣстнаго въ литературѣ: если не считать нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ этому вопросу въ книгѣ *Снегирева*, о которой будетъ сказано ниже, то настоящая книга представляетъ первую попытку изслѣдовать прототипы и оригиналы русскихъ пословицъ, находящіяся въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, а также въ сборникахъ древнихъ и средневѣковыхъ пареміографовъ. Какъ первый опытъ разработки этого обширнаго матеріала, предлагаемая книга, безъ сомнѣнія, не свободна отъ промаховъ, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ располагалъ далеко не всѣми необходимыми научными пособіями. Она написана въ послѣдніе два-три года урывками среди обязательныхъ занятій и предназначается не для специалистовъ, а вообще для читателей, интересующихся научными вопросами и любителей пословицъ. Поэтому, не смотря на ученый характеръ и сухость предмета, авторъ старался изложить его доступнымъ языкомъ. При всемъ томъ онъ надѣется, что собранный имъ матеріалъ окажется не бесполезнымъ для будущихъ изслѣдованій въ области русскихъ пословицъ.

Книга обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ просвѣщенному вниманію Г. Предсѣдателя Кіевского Отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики, Его Сіятельства Графа А. А. Мусина-Пушкина,

ХІІ

по предложенію котораго необходимы для напечатанія средства ассигнованы изъ суммъ Отдѣленія, о чемъ я съ признательностью долженъ упомянуть.

Считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, сочувствіе и содѣйствіе которыхъ дало мнѣ возможность исполнить настоящую работу: директору Кіевской 2-й гимназій А. А. Попову, директору 5-й гимназій В. И. Петру, профессору А. И. Сонни, И. С. Бернштейну (въ Варшавѣ), А. О. Семенову, В. П. Науменко, Н. С. Коджебашу, Ф. А. Дроздовскому и другимъ лицамъ, ссудившимъ меня тою или другою книгою.

Ив. Тимошенко.

*Кіевъ, 30 го марта
1897 года.*

ВВЕДЕНИЕ.

Говорятъ, что пословицы лучше, чѣмъ какой либо другой видъ народной словесности, выражаютъ міровоззрѣніе народа, его религіозныя, нравственныя и юридическія понятія; что это живые памятники, характеризующіе народъ, какъ личность, и наравнѣ съ былинами и пѣснями представляющіе духъ или характеръ народный въ его первобытномъ, естественномъ видѣ, въ которомъ цивилизація еще не наложила на народъ своей нивелирующей руки, ослабляющей его самобытность и сглаживающей его индивидуальныя особенности. Значеніе пословицы, какъ выразительницы народнаго характера, доказывается тѣмъ, что при переводѣ на другой языкъ пословицы часто теряютъ всю свою соль, а иногда и смыслъ, потому что ихъ складываетъ народъ примѣнительно къ своимъ понятіямъ, обычаямъ и отношеніямъ, которые не всегда встрѣчаются у другаго народа.

Правильность этихъ положеній едва ли можно оспаривать; но ошибочно было бы думать, что пословицы, какъ и всѣ словесныя произведенія народа, имѣющаго свою исторію и, слѣдовательно, входившаго въ различныя сношенія съ другими народами, совершенно самобытны и не заключаютъ въ себѣ элементовъ, привнесенныхъ извнѣ. Выдѣленіе этихъ элементовъ и вообще указаніе и объясненіе тождественныхъ, или даже только сходныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ этой отрасли литературы у разныхъ народовъ, представляетъ для историка большой интересъ, такъ какъ можетъ пролить новый свѣтъ на международныя связи и сношенія, о которыхъ исторія имѣетъ неясныя или недостаточныя свѣдѣнія.

Впрочемъ, сходство и даже тожество мысли или понятій, выражаемыхъ въ пословицахъ у разныхъ народовъ *въ различной формѣ*, не представляетъ еще ничего удивительнаго и замѣчательнаго, такъ какъ основныя понятія нравственности, идеи добра и зла, предписанія здраваго смысла и выводы изъ эмпирическихъ наблюденій природы и нравовъ животныхъ болѣе или менѣе одинаковы у всѣхъ народовъ ¹⁾. Больше вниманія заслуживаютъ тѣ поговорки, которыя основываются на первобытныхъ воззрѣнїяхъ и повѣрьяхъ, общихъ индоевропейскимъ народамъ, потому что съ затемнѣнїемъ первобытныхъ вѣрованій и вымиранїемъ предрасудковъ поговорки эти теряютъ смыслъ и становятся непонятными ²⁾.

Для насъ, ~~при изслѣдованїи~~ литературныхъ источниковъ русскихъ пословицъ главный интересъ представляютъ тѣ изъ нихъ, которыхъ сходство съ иностранными пословицами не ограничивается содержанїемъ, но, при тожествѣ содержанія, состоитъ и въ *сходствѣ формы*, ила самаго способа выраженія; такія явленія не могутъ быть объяснены случайнымъ совпаденїемъ, и для объясненія ихъ нужно обращаться къ исторїи и литературѣ и искать его въ международныхъ сношенїяхъ, въ культурныхъ влїянїяхъ и въ литературныхъ связяхъ.

Особенно разительное сходство имѣютъ многія русскія пословицы съ древне-греческими и византійскими. Это явленіе легко объясняется сношенїями древней Руси съ Византїей и знакомствомъ русскихъ съ произведенїями духовной и свѣтской литературы грековъ; огромное влїяніе, оказанное Византїей на славянскій и въ частности на русскій міръ въ области религіи, духовной литературы и искусства, отразилось и на произведенїяхъ народнаго духа,—на народныхъ сказанїяхъ, пѣсняхъ и, наконецъ, на пословицахъ; латинскія же proverbia проникли къ намъ, вѣроятно, чрезъ Польшу и Кіевъ. Мы не будемъ

¹⁾ О. Буслаевъ. Историч. очеркъ русск. нар. словесности и искусства, т. I Спб. 1861, стр. 39: „пословица, какъ выраженіе общаго здраваго смысла, можетъ повторяться одна и таже у многихъ народовъ, безъ всякаго намѣреннаго заимствованія“.

²⁾ См. №№ 120, 129, 221 и др. Интересно отмѣтить, напр., что нѣкоторыя изъ Поговорныхъ собола существуютъ и теперь въ числѣ славянскихъ (малорусскихъ и чешскихъ) повѣрій, см. № 36.

касаться обширнаго вопроса о литературныхъ связяхъ нашихъ съ Византіей, которыя поддерживались особенно при посредствѣ южно-славянской письменности, а позднѣе—Аеонской горы, и о непосредственныхъ заимствованіяхъ изъ византійской литературы, сохранившей многое изъ классическаго періода, а также о развившихся позднѣе литературныхъ сношеніяхъ съ западною Европой при посредствѣ польской литературы. Для нашей цѣли важнѣе и интереснѣе были бы свѣдѣнія о томъ, какія именно произведетія древне-греческой и римской литературы были извѣстны (въ подлинникѣ, или въ переводахъ) въ древней Руси; но этотъ вопросъ, кажется, менѣе разработанъ. Мы имѣемъ на этотъ счетъ самыя скудныя, отрывочныя указанія. Намъ извѣстно, напр., что въ Ипатьевской лѣтописи упоминается *Омиръ*; было высказано даже мнѣніе, что авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ былъ хорошо знакомъ съ Гомеромъ и Еврипидомъ¹⁾. Далѣе, басни Эсopa сдѣлались извѣстны въ Россіи въ началѣ XVII вѣка вмѣстѣ съ біографіей Эсopa, составленной Максимомъ Пянудомъ; эта біографія съ приложеніемъ сборника стиховъ и изрѣченій Фалеса, Пяттака, Софокла, Еврипида и особенно Менандра въ теченіи XVII вѣка охотно переписывалась и читалась, а въ XVIII вѣкѣ обратилась въ народную лубочную книгу. О другихъ классическихъ авторахъ почти ничего неизвѣстно. Такія же скудныя свѣдѣнія мы имѣемъ и о сочиненіяхъ церковныхъ писателей, именно, по вопросу о томъ, когда они впервые сдѣлались извѣстны на Руси; а между тѣмъ, для выясненія исторіи нѣкоторыхъ нашихъ пословицъ важно знать, когда были принесены къ намъ сочиненія Климента Александрійскаго и нѣкоторыхъ западныхъ писателей, особенно, блаж. Іеронима и Августина, такъ какъ эти сочиненія, наполненныя цитатами классическихъ писателей, представляютъ одинъ изъ главныхъ путей, которыми древнія пословицы и пословичныя выраженія проникли въ русскій языкъ. Определенныя указанія существуютъ относительно сочиненій Григорія Богослова (Назіанзіна) и Іоанна Дамаскина²⁾. Впрочемъ, отсутствіе ука-

¹⁾ См. А. Н. Пыпина „Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ (Ученыя Записки 2 отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. IV 1858, стр. 93).

²⁾ Древнѣйшій переводъ нѣкоторыхъ „Словъ“ Григорія сдѣланъ еще въ X вѣкѣ (по А. Будиловичу „Изсѣдованіе языка XIII словъ Григорія Богослова“, Спб. 1871, стр. 152),

заній на переводы другихъ писателей не означаетъ, что эти писатели были неизвѣстны на Руси: они, безъ сомнѣнія, были доступны нашимъ ученымъ пастырямъ Церкви и вообще образованнымъ людямъ въ подлинникъ; иначе трудно объяснить, какимъ образомъ пословицы, находящіяся, напр., въ сочиненіяхъ блж. Іеронима и заимствованныя имъ изъ народнаго языка, или чаще изъ древнихъ авторовъ, перешли въ русскій языкъ ¹⁾).

Вообще нужно сказать, что вопросъ о происхожденіи многихъ нашихъ пословицъ изъ греческихъ и латинскихъ источниковъ совершенно не разработанъ. Извѣстный нашъ пареміологъ, *Ив. Снегиревъ*, занимался историческимъ объясненіемъ русскихъ пословицъ и коснулся также вопроса о заимствованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ классическихъ авторовъ. Но его замѣчательная книга — „Рус(с)кіе въ своихъ пословицахъ“ (М. 1831) написана въ то время, когда еще не было полного изданія греческихъ пареміографовъ ²⁾. Нашъ почтенный пареміологъ располагалъ превосходнымъ въ свое время, но теперь уже устарѣвшимъ сборникомъ *Еразма Роттердамскаго*, котораго „*Adagia*“, или „*Adagiorum chiliades*“ въ первый разъ были напечатаны въ 1500 году; да онъ и не имѣлъ въ виду специально изслѣдовать вопросъ о родствѣ нашихъ пословицъ съ греческими и латинскими и коснулся его лишь мимоходомъ. Далѣе, греческая пареміографія теперь уже не исчерпывается пословицами и изрѣченіями, собранными Зеновіемъ, Діогеніаномъ и другими древними пареміографами, вошедшими въ Геттингенскій Корпусъ: за послѣднія два десятилѣтія найдены и обнародованы рукописные сборники *византийскихъ* пословицъ, представляющихъ для насъ, русскихъ большой интересъ ³⁾. Такимъ

или въ XI вѣкѣ (по *Филарету* „Обзоръ русской дух. литературы“ Спб. 1884, стр. 11); сочиненія Іоанна Дамаскина (не всѣ, а только нѣкоторыя) переведены на славянскій языкъ Іоанномъ, епархомъ Болгарскимъ, въ X вѣкѣ, а позднѣйшій переводъ принадлежитъ князю Курбскому, слѣдов., относится къ XVI вѣку.

¹⁾ Не забудемъ, что многіе письменные памятники погибли въ смутныя времена, напр. во время татарскаго погрома.

²⁾ Изданіе *Th. Gaisford*-а вышло въ 1836 г., а Геттингенскій Корпусъ *E. L. Leutsch*-а и *F. G. Schneidewin*-а въ 1839—51 г.

³⁾ Мы разумѣемъ труды *Крумбахера*, *Куртца* и другихъ. См. нашу статью „Византийскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ“ въ Русск. Филол. Вѣстникѣ 1894 и

образомъ, и самое полное, Геттингенское изданіе оказывается теперь неудовлетворительнымъ, и въ Германіи уже готовится изданіе новаго свода греческихъ пареміографовъ. Что касается латинскихъ пословицъ, то литература ихъ въ послѣднее время обогатилась прекрасною книгою *A. Otto „Die Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarter der Römer“*. Leipz. 1890 ¹⁾). Впрочемъ, въ этой области, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ родахъ литературы, римляне создали мало самобытнаго и подверглись сильному вліянію Греціи.

Кромѣ нѣсколькихъ страницъ упомянутой книги нашего соотечественника, на русскомъ языкѣ, сколько намъ извѣстно, ничего не было написано о древне-греческихъ и латинскихъ пословицахъ и въ частности по вопросу о родствѣ ихъ съ русскими. Заграницей же наши пословицы, кажется, совсѣмъ неизвѣстны; если русскій языкъ, по своей трудности, почти не изучается иностранцами, то языкъ русскихъ пословицъ представляетъ для нихъ, вѣроятно, непреодолимые трудности. Вообще можно сказать, что богатая сокровищница русскихъ пословицъ далеко еще не изслѣдована съ культурно-исторической точки зрѣнія и не выяснено происхожденіе многихъ изъ нихъ путемъ сравненія съ пословицами другихъ народовъ.

Въ предлагаемой книгѣ мы сравниваемъ русскія и отчасти славянскія пословицы съ древнѣйшими ихъ образцами или прототипами, находящимися въ греческой и римской литературахъ, надѣясь установить одинъ малоизвѣстный, но неподлежащій сомнѣнію фактъ, что многія наши пословицы и поговорки представляютъ или буквальный переводъ, или передѣлку греческихъ и латинскихъ изрѣченій ²⁾). Это изслѣдованіе показываетъ, что литературныя связи наши съ Византіей были

1895 г., въ которой мы старались доказать, что славяне и особенно русскіе имѣютъ наибольшее право (послѣ ново-грековъ) на родство съ Византіей въ области пословицы.

¹⁾ Дополненіемъ къ книгѣ Отто служатъ *Nachträge u. Ergänzungen v. V. Szeliński* (Iena 1892) и статьи *K. Веймана* и проф. *А. Н. Сонни* въ *Archiv für lat. Lexicogr. u. Gramm.* Leipz. 1892, 1 и 1894, 1 и 4.

²⁾ Прихвѣръ передѣлки представляютъ № 19, 45, 49, 116, 203, 233, 294 и друг. Иногда сходство формы бываетъ замаскировано до неузнаваемости: старая одежда въ теченіи вѣковъ изнашивается и нѣсколько разъ, быть можетъ, перекраивается, при чемъ и внутреннее содержаніе или смыслъ измѣняется (см. № 282). Кромѣ массы заимствованныхъ посло-

обширнѣе и интимнѣе, чѣмъ можно было думать; пословица прибавляетъ еще одно звено, соединяющее насъ съ греческимъ и вообще классическимъ міромъ.

Какимъ путемъ та или другая классическая пословица перешла къ намъ, путемъ ли устной, или литературной передачи, прямо ли отъ грековъ, или чрезъ посредство другихъ народовъ,—отвѣта на эти вопросы читатель не найдетъ въ нашей книгѣ; да едва ли и возможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ увѣренностью отвѣчать на нихъ. Устный способъ передачи, конечно, имѣлъ мѣсто при частыхъ международныхъ сношеніяхъ, какъ допускаетъ КрUMBACHERъ, объясняя переходъ пословицъ изъ Византіи въ Россію непосредственными торговыми сношеніями¹⁾; очень вѣроятно также, что нѣкоторыя древнія пословицы, особенно изъ разряда простонародныхъ (*δημώδης*, *vulgar proverbium*), перешли къ намъ раньше, чѣмъ были фиксированы письменно позднѣйшими пареміографами. Но все же устному способу передачи, который не поддается никакому изслѣдованію и изученію, едва ли можно придавать большое значеніе сравнительно съ литературной традиціей.

Наша древне-русская литература чрезвычайно богата разнаго рода сборниками компилятивнаго характера (мы разумѣемъ „Цвѣтники“, „Пчелы“, „Зерцала“, „Измарагды“, „Маргариты“, „Азбуковники“). Въ сборники эти, составлявшіе любимое чтеніе древнерусскихъ читателей, вносились извлеченія изъ Св. Писанія, отцевъ Церкви, византійскихъ писателей, древнихъ греческихъ и римскихъ философовъ и поэтовъ. Компиляторскія наклонности нашихъ древнихъ грамотѣевъ хорошо характеризуетъ *Даніилъ Заточникъ*, авторъ „Моленія“, па-

вицъ и несомнѣнно родственныхъ съ древними образцами, многія изъ приведенныхъ нами русскихъ поговорокъ и сравненій не болѣе, какъ простыя аналогіи, свидѣтельствующія лишь о сходствѣ въ складѣ рѣчи или способѣ выраженія нашего и классическихъ языковъ; аналогія интересна только для филологовъ, но иногда путемъ сравненія аналогичныхъ явленій выясняется происхожденіе и смыслъ нѣкоторыхъ темныхъ поговорокъ (№№ 72 и 225).

¹⁾ „Ebenso und noch leichter mögen Fragmente der byzantinisch-griechischen Sprichweisheit auf dem natürlichen Wege der Tradition durch Schiffer und Kaufleute nach Russland gedrungen sein.“ *K. Krumbacher*, Eine Sammlung byzant. Sprichwörter (Sitzungsber. d. Kön. bayer. Akad. d. Wissensch. Philosoph.-philol. Classe. 1887. S. 65).

матника XII или XIII вѣка, изобилующаго пословицами; онъ говоритъ о себѣ: *Азъ бо аще не во акинехъ растохъ ни у философовъ учихся. но быхъ падая аки пчела по книгамъ по различнымъ цветомъ. оттуда избираю сладость словесную* (по изд. Ундольскаго). Особымъ предпочтеніемъ въ этихъ сборникахъ пользовались „анофеевмата“, или „словеса“, т. е. замѣчательныя изрѣченія и остроумныя отвѣты философовъ, царей, воеводъ и т. п. Многія изъ этихъ изрѣченій, по словамъ Снегирева (Русскіе въ своихъ пословицахъ, I стр. 70), проникли въ народъ и перешли въ народныя пословицы. Здѣсь мы приведемъ выдержку изъ той же книги Снегирева (стр. 103): „При постепенномъ въ Россіи просвѣщеніи, которое мало измѣняло народность до Петра I, языкъ Славяно-рус(с)кій, сперва по греческой, а потомъ по Латинской грамматикѣ образованный (?), не могъ не сродниться съ Греческими и Латинскими словами, оборотами и пословицами, кои изучались въ школахъ и передавались въ народъ; ибо во всѣхъ почти азбукахъ, грамматикахъ и словаряхъ того времени, по обычаю школьному, для назиданія юношества, помѣщались мудрыя изрѣченія и пословицы Греческихъ и Римскихъ писателей, къ коимъ присоединялись и новѣйшія съ речами, по большей части придуманныя Польскими Езуитами“. Итакъ, древне-русскіе сборники, а также школьныя книги нужно считать главными проводниками, при помощи которыхъ древнія пословицы проникли въ народъ¹⁾.

Но этотъ обширный матеріалъ древне-русской письменности, требующій спеціальнаго изученія, какъ ни важенъ онъ для выясненія ли-

¹⁾ Доказательствомъ того, что нѣкоторыя пословицы прямо изъ древнихъ текстовъ перенесены въ русскіе сборники, служатъ примѣры двухъ пословицъ (№№ 98 и 99), которыя приводятся у Даля рядомъ, такъ, какъ онѣ стоятъ въ текстѣ Аристотеля. Мы хотимъ сказать не то, что Даль взялъ ихъ у Аристотеля (нашъ почтенный пареміографъ, конечно, и не подозревалъ существованія подобнаго текста), а то, что порядокъ этотъ соблюдался (вѣроятно) по традиціи во всѣхъ сборникахъ искони, т. е. со времени первой, такъ сказать, пересадки обѣихъ этихъ сентенцій съ греческой на славянскую, или прямо на русскую почву. Другое объясненіе трудно придумать. Подобный примѣръ см. подъ № 229. Двѣ наши пословицы №№ 270 и 271, греческіе оригиналы которыхъ находятся въ сборникѣ Плянуда (изд. Kurtz) почти рядомъ (подъ №№ 117 и 119), у Даля на стр. 479 приводятся также одна возлѣ другой. Нѣкоторыя древнія поговорки перешли только въ нашъ литературный языкъ, но не сдѣлались достояніемъ народа; о нихъ см. подъ № 16.

тературной исторіи перешедшихъ къ намъ древнихъ пословицъ, совершенно не входитъ въ настоящія рамки нашего изслѣдованія: мы ограничиваемъ свой предметъ предѣлами греческой и римской литературы, — именно, сравненіемъ русскихъ пословицъ, собранныхъ Далемъ, съ соотвѣтствующими имъ мѣстами греческихъ и латинскихъ писателей, изслѣдованіе же посредствующихъ формъ пословицъ, если таковыя существуютъ въ древнихъ памятникахъ русской письменности, повторяемъ, не входитъ въ нашу задачу¹⁾. Очень возможно и даже вѣроятно, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ нами русскихъ пословицъ заимствованы не изъ древнихъ литературъ, а у новѣйшихъ народовъ, имѣющихъ ту же пословицу, особенно, у сосѣднихъ съ нами нѣмцевъ; но, можетъ быть, и нѣмцы кое-что позаимствовали у насъ: категорическое рѣшеніе подобныхъ вопросовъ весьма трудно. Гораздо больше правъ считаться посредниками въ этомъ отношеніи имѣютъ родственные намъ славянскіе народы, особенно тѣ изъ нихъ, которые, подобно русскимъ, вошли въ кругъ религіознаго и литературнаго вліянія Византіи.

Въ изложеніи своего предмета мы предпочли хронологическій порядокъ систематическому и алфавитному: въ книгѣ, посвященной *исторіи* русскихъ пословицъ, такой порядокъ является болѣе естественнымъ и удобнымъ. Читатель замѣтитъ, что чѣмъ древнѣе источникъ какого нибудь изрѣченія, тѣмъ, говоря вообще, менѣе ясны слѣды или признаки происшедшей изъ него русской пословицы; у Гомера, напр., позднѣйшія поговорки, большею частью, находятся только въ зачаточномъ состояніи; у Эсопа самой пословицы еще нѣтъ: она служитъ только темой для басни, или же представляетъ выводъ изъ нея, но уже въ древней комедіи, затѣмъ у трагиковъ, далѣе — у Аристофана, Платона, Аристотеля, Менандра и т. д. чаще и чаще встрѣчаются пословицы, буквально соотвѣтствующія нашимъ.

Главные источники, изъ которыхъ мы черпали рѣпа шапц, слѣд.:

1) В. Далъ Пословицы русскаго народа. М. 1862; его же Толковый Словарь живаго великорусскаго языка. I—IV. Спб. 1880—82 г.

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторыя указанія на древне-русскіе источники даются подъ №№ 38, 35, 59, 101—103, 111, 148, 164, 190 и 285.

2) *Mudroslovi narodu slovanskeho ve prislovich. Fr. L. Čelakovsky. V Praze 1852.*

3) *Corpus paroemiographorum graecorum Ed. Leutsch et Schneidewin. I—II. Gottingae. 1839—1851.*

4) *A. Otto Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer. Leipz. 1890.*

5) Греческіе и латинскіе авторы.

Для читателей—неспециалистовъ предпосылаемъ краткія свѣдѣнія о греческихъ пареміографахъ ¹⁾).

Занятія пареміографіей начались у грековъ приблизительно за 350 лѣтъ до Р. Хр.: именно, философъ Аристотель, по свидѣтельству своего біографа (*Diog. Laert. V I § 26*), первый составилъ сборникъ пословицъ, отъ котораго, впрочемъ, не осталось, почти никакихъ слѣдовъ у позднѣйшихъ писателей. За Аристотелемъ слѣдуетъ длинный рядъ пареміографовъ, упоминаемыхъ лексикографами; сочиненія ихъ, озаглавливаемые, большею частью, *περί παροιμιῶν*, не дошли до насъ; но слѣды ихъ болѣе или менѣе явственныя сохранились въ позднѣйшихъ сборникахъ. Изъ нихъ назовемъ только ученика Аристотелева *Θεοφράστα* и извѣстнаго критикой гомеровскихъ поэмъ *Аристарха* Византійскаго; кромѣ того, слѣдуетъ еще упомянуть имена малознакомыхъ *Луцилла* изъ города *Taggha* на о. Критѣ и *Дидима* изъ Александріи, потому что изъ ихъ сборниковъ черпали позднѣйшіе пареміографы. Далѣе, подъ именемъ *Платарха* теперь существуетъ два небольшихъ сборника: одинъ, содержащій 131 пословицу подъ заглавіемъ: *Πλουτάρχου παροιμίαι, αἷς Ἀλεξανδρεῖς ἐχρῶντο*, изданъ въ первый разъ *Гроновіемъ* изъ флорентинской рукописи (въ *Thesaur. antiqq. Graec.*); другой—всего 52 нумера изданъ *Boissonade*-омъ по

¹⁾ Очеркъ исторіи греческой пареміографіи даетъ *F. G. Schneidewin* въ *Corp. paroem. gr. I praef. I—XXXIX*. Извлечение изъ этой статьи см. у *Pauly Realencyclor. d. class. Alterthumswiss. VI 1* (1852) S. 132—135. О позднѣйшихъ пареміографахъ см. *K. Krumbacher's Gesch. der Byzant. Litter. Münch. 1891, §§ 152, 153*. Данныя для исторіи латинскихъ пословицъ см. въ упомянутой книгѣ *A. Otto*.

парижской рукописи подъ заглавіемъ: Πλούταρχου ἐκλογὴ περὶ τῶν ἀδυνάτων. Оба эти сборника помѣщены въ I томѣ Геттингенскаго Корпуса, но ученые не сомнѣваются въ томъ, что авторъ ихъ—какойнибудь александріецъ—лишь воспользовался именемъ Плутарха, чтобы придать авторитетъ своему произведенію ¹⁾).

Первые дошедшіе до насъ болѣе значительные сборники, *Зеновія* и *Діогеніана*, относятся ко II вѣку по Р. Хр. Зеновій, по показанію Свиды, былъ софистъ, жившій при Гадріанѣ и преподававшій въ Римѣ; между его сочиненіями Свида упоминаетъ греческій переводъ исторіи Саллюстія и извлеченіе изъ сборниковъ вышеупомянутыхъ Дидима и Луцилла въ трехъ книгахъ ²⁾); послѣднее дошло до насъ въ числѣ 552 номеровъ пословицъ подъ заглавіемъ: Ζηνοβίου ἐπιτομὴ ἐκ τῶν Ταραταίου καὶ Διδύμου παροιμιῶν συντεθεῖσα κατὰ στοιχεῖον и напечатано въ первый разъ во Флоренціи въ 1497, потомъ въ Венеціи у Альда въ 1505 г., позднѣе въ Антверпенѣ въ 1612 г. въ сборникѣ *Андрея Шотта* и, наконецъ, вошло въ изданіе *Th. Gaisford*-а 1836 и въ *Corpus* Лейча и Шнейдевина (1839—51).—Другой собиратель пословицъ, *Діогеніанъ* изъ Гераклеи, былъ также современникъ Гадріана (*Suid.* I p. 1373 sq.); его сборникъ, содержащій 776 номеровъ, напечатанъ въ первый разъ *А. Шоттомъ* въ Антверпенѣ (1612 г.) подъ заглавіемъ: Παροιμίαι δημώδεις ἐκ τῆς Διογενεῖανου συναγωγῆς, а потомъ помѣщенъ въ I томѣ и въ сокращенномъ видѣ ³⁾ во II томѣ Геттингенскаго Корпуса ⁴⁾). Къ сборникамъ Зеновія и Діогеніана примыкаетъ въ видѣ извлеченія сборникъ неизвѣстнаго автора, изданный по тремъ рукописямъ: ватиканской, англійской и парижской (*Appendix proverbiorum Vaticana, Bodleiana, Coislina*), всего 443 номера; онъ вошелъ также въ I томъ Геттингенскаго изданія.

¹⁾ Иначе думаетъ *O. Crusius* *Ad Plut. de provv. Alex. libellum comment.* Tübing. 1895.

²⁾ *Suid.* I 2 p. 722 (ed. Bernh.). Впрочемъ, схолиастъ Аристофана (*Nub.* 133) авторомъ этого извлеченія ошибочно считаетъ не *Зеновія*, а *Зенодота*, какъ принималъ и Еразмъ.

³⁾ *Diogeniani Epitome e codice Vindobonensi*, всего 300 номеровъ.

⁴⁾ Новый взглядъ на эти сборники, основанный на критическомъ изученіи кодексовъ Зеновія, даетъ *O. Crusius* въ *Analecta crit. ad paroemiogr. graecos.* Lips. 1883.

Перечисленными сборниками исчерпывается собственно древняя пареміографія; остальные писатели, занимавшіеся собираніемъ и объясненіемъ древнихъ пословицъ и изрѣченій (Григорій, Макарій, Апостолій и Арсеній), принадлежатъ уже позднѣйшему времени, именно, XIII—XV вѣкамъ.

Григорій Кипрскій, Патріархъ константинопольскій (1283—1289)¹⁾, оставилъ намъ небольшой сборникъ пословицъ (305 номеровъ), который изданъ *Пантиномъ* въ Лейденѣ (Lugduni Batavorum) въ 1619 г., а потомъ вошелъ въ I томъ изданія Лейча-Шнейдевина. Кромѣ того, во II томѣ того же изданія помѣщены пословицы Григорія Кипрскаго по Лейденскому (243 №№), Московскому (423) и Ватиканскому (97) кодексамъ.

*Макарій Хрисокефалъ*²⁾, Митрополитъ филадельфійскій, жилъ въ срединѣ XIV вѣка. Кромѣ многочисленныхъ богословскихъ трактатовъ, онъ оставилъ объемистый сборникъ сентенцій и изрѣченій разныхъ авторовъ, подъ заглавіемъ *Родωνία* (розовый садъ), въ которомъ особый отдѣлъ образуетъ алфавитный сборникъ пословицъ (*Παρροιμαὶ κατὰ στοιχεῖον*), всего 796 номеровъ; онѣ вошли во II томъ Геттингенскаго Корпуса.

Михаилъ Апостолій, жившій въ XV вѣкѣ, составилъ сборникъ пословицъ, который съ присоединеніемъ къ нему множества сентенцій и изрѣченій знаменитыхъ мужей древности, по своимъ размѣрамъ превосходитъ всѣ дошедшіе до насъ сборники. Но смерть помѣшала ему обработать собранный имъ матеріалъ.

Его сынъ Аристовулъ, позднѣе Архіепископъ *Арсеній*, привелъ въ порядокъ и дополнилъ собранный отцомъ матеріалъ и подъ заглавіемъ *Ἰωνία* (фіалковый цвѣтникъ, въ pendant къ *Родωνία*) посвятилъ Папѣ Льву X. Одинъ отдѣлъ этого сборника, содержавшій *ἀπορρέματα*, издалъ самъ авторъ (s. l. et a.); остальной матеріалъ, долго остававшійся въ рукописяхъ, изданъ былъ сперва въ латинскомъ переводѣ

¹⁾ Объ его литературной дѣятельности вообще см. *K. Krumbacher Gesch. d. Byz. Litt.* § 97.

²⁾ Прозвище произошло отъ того, что онъ изъ сочиненій отцовъ церкви экцерпировалъ такъ называемыя *υρῶν καφάλια*.

Пантина (Lugd. Bat. 1619); греческій же текстъ, слишкомъ 200 лѣтъ спустя послѣ этого, издалъ по списку московской рукописи *Chr. Walz* (Arsenii Violetum, Stuttg. 1832), а потомъ *Лейчъ* напечаталъ въ II томѣ Геттингенскаго изданія въ связи со сборникомъ Апостолія прямо съ автографа Арсенія, хранящагося въ парижской библіотекѣ, при чемъ матеріалъ, принадлежащій собственно Апостолію, расположенъ подъ 1771 номеромъ, а прибавленія, сдѣланныя Арсеніемъ, внесены для отличія мелкимъ шрифтомъ и не имѣютъ отдѣльной нумераціи.

Чтобы исчерпать содержаніе Геттингенскаго Корпуса, упомянемъ еще помѣщенные во II томѣ Эсоповы пословицы (всего 17 номеровъ) и особое добавленіе (*Mantissa proverbiorum*), куда вошли изрѣченія, которыя, какъ оказалось при сравненіи различныхъ кодексовъ Апостолія и Арсенія, не попали въ печатныя изданія, всего 251 номеръ.

Выше мы упомянули уже о недавно открытыхъ рукописныхъ сборникахъ *Византійскихъ* пословицъ, изъ которыхъ наиболѣе значительный (275 номеровъ) принадлежитъ монаху *Максиму Плянуду* жившему въ XIII—XIV в. и извѣстному въ исторіи Византійской литературы своими разнообразными сочиненіями и переводами римскихъ авторовъ на греческій языкъ; (о Плянудѣ, какъ объ авторѣ біографіи Эсопа, упомянуто нами выше). Сборникъ этотъ издалъ въ первый разъ *Пиколомини* въ 1879 г., а чрезъ 7 лѣтъ, въ 1886 г. (въ Лейпцигѣ) *Эд. Куртцъ* съ переводомъ и комментариемъ. Другое изданіе Византійскихъ пословицъ скомбинировано изъ разныхъ кодексовъ (отчасти, впрочемъ, и раньше уже изданныхъ) *К. Крумбагеромъ* подъ заглавіемъ: *Mittelgriechische Sprichwörter* (Münch. 1893). Въ упомянутой статьѣ — „Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ“ мы разобрали тѣ номера въ изданіяхъ Куртца и Крумбагера, которые послужили прототипами русскихъ и вообще славянскихъ послобцъ. Чтобы обнять предметъ въ возможной полнотѣ, мы и въ настоящую книгу внесли изъ этой статьи разборъ византійскихъ пословицъ съ необходимыми измѣненіями и сокращеніями.

Кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, значительное число греческихъ пословицъ съ объясненіями находится у лексикографовъ: *Гесихія* (VI в.), *Фотія* (IX в.) и *Свиды* (X в.), а также у нѣкоторыхъ схола-

стовъ¹⁾. Нами просмотрѣнъ болѣе важный въ этомъ отношеніи лексиконъ Свида въ изд. *G. Bernhardt* (Halis et Brunsvigae 1852 sq.).

Литература *римскихъ пословицъ* очень скудна: римляне вообще имѣли гораздо меньше вкуса въ пословицахъ, чѣмъ греки. Впрочемъ, это замѣчаніе относится только къ образованнымъ римлянамъ: воспитанные на греческихъ образцахъ, они разучились употреблять и понимать свои родныя поговорки, въ которыхъ не могло быть недостатка у такого практическаго народа, какъ римляне; это показываетъ изобилующій чисто римскими поговорками языкъ Плавта, въ комедіяхъ котораго дѣйствуютъ люди низшихъ классовъ; но уже Теренцій, жившій немного позже Плавта и вращавшійся въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ греческое образованіе дѣлало болѣе и болѣе успѣховъ, предпочитаетъ греческія переводныя пословицы. Такимъ образомъ, становится понятнымъ, почему римляне не интересовались и не занимались собираніемъ и научнымъ изслѣдованіемъ своихъ пословицъ, если не считать отрывочныхъ замѣтокъ, встрѣчающихся у лексикографовъ и схолиастовъ временъ имперіи.

Затѣмъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ ничего не было сдѣлано для античной переіографіи; лишь на исходѣ XV столѣтія (въ 1500 г.) явилось знаменитое сочиненіе *Дезидерія Еразма Роттердамскаго*, который предпринялъ представить сводъ греческихъ и римскихъ пословицъ съ надлежащими объясненіями. При громадной начитанности въ древнихъ авторахъ и обширномъ знаніи предмета, Еразмъ достигъ того, что его *Adagia*, выдержавшія множество изданій (въ Парижѣ, Базелѣ и Венеціи) и постоянно пополнявшіяся (съ 800 нумеровъ сборникъ этотъ возросъ до 4000 слишкомъ), на долгое время сдѣлались незамѣнимымъ сочиненіемъ и до сихъ поръ не утратили своего значенія. Болѣе точную оцѣнку этого сборника, а также списокъ многочисленныхъ послѣдователей Еразма и новѣйшихъ сборниковъ и трактатовъ по предмету римскихъ пословицъ можно найти въ выше упомянутой книгѣ *A. Otto* (Einleit. XXXVIII—XLI).

¹⁾ Напр., у *Евстація* (XII в.), автора комментаріевъ къ Гомеру и другимъ авторамъ, см. въ концѣ книги прибавленіе 2.

І. Гомеръ.

Homerus omnem poësin suam ita
sententiis farsit, ut singula ejus απο-
φθέγματα vice proverbiorum fungantur.

Macrob. sat. V 16, 6.

1. Гласъ народа — гласъ Божій. Зародышъ пословицы находится уже у Гомера, который происхожденіе народной молвы приписываетъ Зевсу (Hom. Od. I 282 ἢ ὅσσαν ἀκούσης ἐκ Διός, cf. II 216), именно, благодаря ея таинственному началу и быстрому распространению, и называетъ ее „вѣстницей Зевса“ (Hom. II. II 94 Διὸς ἄγγελος). Гесіодъ называетъ молву богиней, никогда не умирающей совершенно, если она живетъ въ устахъ народа: Φήμη δ' οὐτις πάμπαν ἀπόλλυται, ἦντινα πολλοὶ Λαοὶ φημιξωσι θεός νο τίς ἐστι καὶ αὐτή (Hesiod. Opp. 763). Такой же взглядъ на молву, какъ на слово или голосъ божества былъ усвоенъ и трагиками, о чемъ свидѣлствуютъ слѣдующія мѣста у Софокла: εἴτε τοῦ θεῶν φήμην ἀκούσας (Soph. Oed. R. 42) — „слышалъ ли ты голосъ какого либо божества“, Ὅξεῖα γάρ σου βᾶεις ὥς θεοῦ τινος δι᾽ ἧλδ' Ἀχαιοὺς πάντας, ὥς οἶχει θανόν (Soph. Aj. 998): „быстрая молва о тебѣ, точно голосъ какого либо божества, распространилась у всѣхъ Ахейцевъ, что ты погибъ“. Вообще съ словами φήμη и φάτις греки соединяли значеніе молвы и вмѣстѣ съ тѣмъ божественнаго голоса или откровенія; персонифицированная Φήμη имѣла даже храмы и алтари, и ей приносились жер-

твы, какъ величайшей богинѣ¹⁾. Латинское слово *fata*, безъ сомнѣнія, имѣло первоначально то же значеніе, что *φῆμη*, но затѣмъ представленіе о молвѣ, какъ о божественномъ голосѣ, кажется, утратилось у римлянъ; по крайней мѣрѣ, въ литературѣ римской нѣтъ ясныхъ слѣдовъ этого представленія; Плутархъ въ рассказѣ о Камиллѣ, построившемъ въ Римѣ храмъ Молвѣ²⁾, исходилъ, кажется, изъ чисто греческихъ понятій. Впрочемъ, греческое воззрѣніе, какъ оно выразилось у Гомера и трагиковъ, не могло остаться безъ вліянія на понятія, распространившіяся въ Римѣ позднѣе, особенно въ римскихъ школахъ, и, дѣйствительно, въ реторическомъ сочиненіи старшаго Сенеки встрѣчается сентенція въ смыслѣ греческихъ изреченій: *crede mihi, sacra populi lingua* (Sen. contr. I 1, 10 ed. Müll. 1887 p. 21). Что касается латинской сентенціи—*vox populi, vox Dei*, послужившей оригиналомъ нашей поговорки, то хотя она, безъ сомнѣнія, и возникла изъ классическихъ представленій о молвѣ, но сама не принадлежитъ античной древности; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ литературныхъ преданій, которыя бы говорили въ пользу ея древности; мы знаемъ только, что она существовала въ VIII вѣкѣ, такъ какъ приводится *Алмуиномъ*³⁾, но, повидимому, еще въ началѣ XVI вѣка не получила proverbіальнаго значенія, потому что не встрѣчается у Еразма въ числѣ его „*Adagia*“. Еще менѣе авторитета имѣетъ греческая версія: Βοὴ λαοῦ, βoή θεοῦ.

2. Наша пословица—кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего и не хочетъ⁴⁾ представляетъ довольно точный переводъ греческой—*Εἰπὼν ἃ θέλει, ἀντάκουσεν ἃ μὴ θέλει*, сохранившейся въ Append. proov. II 17 (—сборникъ неизвѣстнаго автора, помѣщенномъ въ концѣ I тома Геттингенскаго Корпуса), а также въ позднѣйшемъ сборникѣ Макарія (III 49). Кромѣ того, мы имѣемъ вариантъ пословицы—

¹⁾ Классическое мѣсто о значеніи греческой *Φῆμη* мы имѣемъ у оратора Эхина (in Timarch. cap. 27, p. 18 и de fals. legat. cap. 47, p. 47 ed. Steph.).

²⁾ Plut. vit. Cam. 30 и de fort. Roman. 5.

³⁾ Именно, въ его „*Capitulare admonitionis ad Carolum*“, см. *L. Czapinski Księga przysłów, sentencji i wyrazów łacinskih*. Warszawa. 1892, p. 523.

⁴⁾ Даль IV 579; чешскую, польскую и сербскую параллели см. у. Челяковского 73

Εἰπέ ἃ θέλεις καὶ ἀκούσεις ἃ μὴ θέλεις въ небольшомъ сборникѣ, посвященъ ния Эсопа и напечатанномъ съ московской рукописи XV вѣка проф. В. К. Ернштедтомъ въ Ж. М. Н. Пр., 1893, 4. Первые слѣды этой пословицы очень древни и находятся уже у Гомера, Гесиода и Алкѣя, именно, въ Иліадѣ встрѣчается слѣдующая сентенція: Ὀπποῖον κ' εἴπῃσθα ἔπος, τοῖόν κ' ἐπακούσῃς (Hom. II. XX 250)— „что человѣку измолвишь, то отъ него и услышишь“ (Гифд.). Гесиодовскій стихъ все еще довольно далекъ отъ нашей пословицы: Εἰ δὲ κακὸν εἴπῃς, τάχα κ' αὐτὸς μεῖζον ἀκούσῃς (Hes. opp. 721, cf. Eurip. Alc. 704 sq.)— „если скажешь кому дурное слово, то и самъ, пожалуй, еще больше отъ него услышишь“. За то изрѣченіе Алкѣя, уцѣлѣвшее между его фрагментами,— Αἶ κ' εἴπῃς, τὰ θέλεις (ἢ κεν) ἀκούσῃς, τὰ κεν οὐ θέλεις (Alc. frgm. 82 Bergk, Poet. lyr. Gr. III p. 953) можетъ считаться настоящимъ прототипомъ нашей пословицы¹⁾. Что у римлянъ греческая поговорка была въ употребленіи, свидѣлствуютъ мѣста изъ Теренція и другихъ авторовъ, собранныя въ книгѣ А. Отто (№ 205, p. 45; cf. Erasmi. adag. I 1, 27). Наша пословица могла быть заимствована или изъ греческихъ источниковъ, или же изъ сочиненій блаж. Иеронима, въ которыхъ нѣсколько разъ встрѣчается это „vulgare proverbium“: *cum dixeris quod vis, audies quod non vis*²⁾.

3. Пословица—въ комъ стыдъ, въ томъ и страхъ³⁾ буквально (но въ обратномъ порядкѣ) соответствуетъ греческой пословицѣ—Ἰνα δέος, ἔνθα αἰδώς⁴⁾, „гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ“, которая принадле-

¹⁾ Явные намеки на ту же сентенцію содержатся въ словахъ, приписываемыхъ Хилонѣ одному изъ семи мудрецовъ: μὴ καχολογεῖν τοὺς πλησίον. εἰ δὲ μὴ, ἀκούσεσθαι ἐφ' οἷς λυπήσεσθαι (Diog. Laërt. I 3, 69) и въ одномъ изъ фрагментовъ Софокла: Φιλεῖ δὲ πολλὴν γλῶσσαν ἐκχέας μίτην ἄκων ἀκούειν οὐδ' ἐκὼν εἶπεν λόγους (Soph. frgm. 668 Dind. 262 Ahrens).

²⁾ Hieronym. apol. adv. libr. Ruf. III 42 p. 568, ed. Vallarsi; dial. adv. Pelag. I 25 p. 721.

³⁾ Даль IV 263 съ вариантами: *идѣ страхъ, тамъ и Богъ; кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится*. Срвн. Ев. Лук, 18,2.

⁴⁾ Diogen. V 30; Apost. IX 6 въ метрической формѣ: ἵνα γὰρ δέος, ἔνθα καὶ αἰδώς. Еразмъ (adag. I 2, 64) замѣчаетъ: „провербальное выраженіе, и теперь существующее въ въ народѣ... Дѣйствительно, значительная часть людей страхомъ наказанія (formidine fustis) удерживается отъ преступленій“.

жить въ очень древнимъ: сопоставленіе αἰδώς καὶ δέος встрѣчается уже у Гомера (Π. XV 657 Ἰσχε γὰρ αἰδώς καὶ δέος, cf. Soph. Aj. 1075 sq.). Самая пословица нѣкоторыми приписывается *Стасину* (Mantis. proov. I 71), одному изъ поэтовъ, принадлежащихъ къ гомерическому циклу. Платонъ приводитъ ее, цитируя неизвестнаго поэта, также и Плутархъ ¹⁾. Изъ римскихъ авторовъ подобная сентенція находится у Публилія Сира: *Ubique pudor est, semper ibi sancta est fides* (P. Syri sent. 637 ed. Meyer).

4. Наша поговорка—чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться! (Даль III 488) оказывается очень древнею, какъ свидѣтельствуешь рядъ авторовъ, греческихъ и римскихъ, начиная съ Гомера: τότε μοι χάνοι εὐρεῖα χθών (Hom Π. IV 182, cf. XVII 416); *sed mihi vel tellus optem prius ima dehiscat* (Verg. Aen. IV 24, cf. X 674); *hiscere nempe tibi terra roganda foret* (Ov. her. VI 144, cf. met. I 546); Квинтиліанъ въ числѣ разныхъ фигуръ, придуманныхъ ораторами для выраженія аффектовъ, приводитъ восклицаніе: *Magnae nunc hiscite terrae* (Quintil. IX 2, 26). Оставляя въ сторонѣ другихъ авторовъ, мы приведемъ еще слова Лукіана, у котораго встрѣчается эта поговорка, именно, при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ и у насъ она была бы какъ нельзя болѣе кстати; вотъ это мѣсто: „во время этого чтенія я обливался потомъ отъ стыда и, какъ говоритъ пословица, желалъ провалиться сквозь землю, видя, что присутствующіе смѣются при каждомъ словѣ ²⁾).

5. Душа въ пятки ушла (Даль 280)—поговорка, означающая состояніе человѣка, у котораго, подъ вліяніемъ сильнаго страха, мысли и чувства сосредоточиваются въ одномъ стремленіи—бѣжать, и вся жизненная энергія обнаруживается въ ногахъ,—ведетъ начало отъ Гомера: говоря о впечатлѣніи, произведенномъ на грековъ появленіемъ Гектора, который сравнивается со львомъ, наводящимъ ужасъ на охотниковъ, не ожидавшихъ съ нимъ встрѣчи, Гомеръ прибавляетъ:

¹⁾ Pl.t. Euthyphr. 12 B; Plut. vit. Cleom. 9; de cohib. ira 11.

²⁾ Τοῦτων—ἀναγινωσκομένων μεταξύ ἑδρῶς τε μοι περιεχεῖτο ὑπ' αἰδοῦς, καὶ τοῦτο δὴ τὸ τοῦ λόγου χανεῖν μοι τὴν γῆν εὐχόμεν ἄρῶν τοὺς παρόντας γελῶντας ἐφ' ἐλάχιστῳ. Luc. conv. 28, cf. Piscat. 38 κατὰ γῆς δύναι εὐχόμεν.

Τάρβησαν, πᾶσιν δὲ παρὰ ποσὶ κάππεσε θυμός (Il. XV 280)— „дрогнули все, и у каждого въ ноги отважность упала“ (Гнѣд.). Гомерическое выраженіе, представляющее опытъ фیزیологическаго объясненія чувства внезапнаго страха, собственно не было пословицей; въ римской литературѣ и у новѣйшихъ народовъ тоже, кажется, нѣтъ подобнаго выраженія¹⁾; нужно поэтому думать, что наша поговорка взята прямо изъ Гомера. Неупотребительное у насъ аналогичное выраженіе— „душа въ носъ ушла“, о напряженномъ ожиданіи, находится у Петронія (sat. 62)—*mihi anima in naso esse* и въ такъ называемыхъ Ἀνακρεόντεια (Poet. Iyr. Gr. Bergk III p. 1060. Анакреонт 29): *κραδίη δὲ ῥινὸς ἄχρις ἀνέβαινε*.

6. Осиного гнѣздо не тронь (Даль II 716); греки также говорили: σφηκιὰν ἱρεθίσας (ἐκίνησας)— „ты потревожилъ (тронулъ) осинное гнѣздо“, съ объясненіемъ ἐπὶ τῶν ἑαυτοῖς κακὰ κινούντων, т. е. „о тѣхъ, кто самъ на себя накликаетъ бѣду“ (Masar. VII 94; Apost.—Arg. XV 84 b). Болѣе древнія указанія на пословицу находятся у Аристофана:

ἐπεὶ θέλω ᾧ σωφρόνως ὥσπερ κόρη καθῆσθαι,
 λυποῦσα μηδὲν ἔνθαδ' ἰ, κινῶσα μηδὲ κάρφος,
 ἦν μὴ τις ὥσπερ σφηκιὰν βλίττῃ με κἀρεθίζῃ,

т. е. „я хочу сидѣть скромно, какъ дѣвица, не огорчая никого и не трогая даже соломинки, если не будутъ вынимать изъ меня меду и тревожить, какъ осинное гнѣздо“²⁾ Что у Аристофана имѣется въ виду именно пословица, подтверждаетъ схолиастъ³⁾. Изъ римскихъ писателей у Плавта встрѣчается подобное же выраженіе: *inritabis crabrones* (Plaut. Amphitr. 707)— „ты потревожишь шершней“. Первоначаль-

¹⁾ *Faesi* къ приведенному мѣсту Гомера замѣчаетъ только: „Ausmalung des deutschen: der Muth entfiel, entsank ihnen“.

²⁾ Arist. Lysistr. 473 sqq; cf. Vesp. 229 διαστῶν σφηκιὰ и Plut. de amic. mult. 7 ἐχθρῶν σφηκίαις περιπεσεῖν.

³⁾ Schol. in Arist. Lys. 475 τὸ δὲ σφηκιὰν βλίττειν καὶ ἐρεθίζειν παροιμιᾶκῶς λέγεται περὶ τῶν αὐτοῖς κακὸν τι παρὰ γνώμην ἀβούλως κτωμένων. Насколько у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ толкователей утратилось пониманіе античныхъ пословицъ, показываемъ Свида, который при объясненіи приведеннаго стиха Аристофана замѣчаетъ: Σφηκιὰ, εἶδος ζώου (Suid. II 2, p. 999).

нымъ источникомъ греческой пословицы, безъ сомнѣнія, послужило известное мѣсто въ Иліадѣ Гомера, гдѣ дается мастерское описаніе Миридонянъ, высылавшихъ густой толпою изъ кораблей и спѣшившихъ на бой съ Троянцами, подобно осамъ; потревоженнымъ въ своемъ гнѣздѣ и безстрашно устремившимся на защиту своихъ дѣтей (Hom. II. XVI 257—267).

7. Сказано—сдѣлано, говоримъ мы, когда за словомъ немедленно слѣдуетъ дѣло. Нѣкоторые мѣста у древнихъ авторовъ даютъ намъ возможность прослѣдить происхожденіе нашей поговорки, которая, зародившись у Гомера, прошла чрезъ сочиненія нѣсколькихъ греческихъ и римскихъ писателей и отъ римлянъ перешла въ новѣйшіе языки. Гомеръ употребляетъ еще полное выраженіе: Αὐτίχ' ἔπειθ' ἄμα μῦθος ἔην, τετέλεστο δὲ ἔργον (II. XIX 242)—„скоро, какъ было сказано слово, исполнено дѣло“ (Гвѣд.); но уже у Пиндара и затѣмъ у Геродота встрѣчается зевгматическое соединеніе обихъ существительныхъ съ однимъ глаголомъ, а именно, у Пиндара (Pyth. IV 104—105 ed. Schneidew): οὐτε ἔργον οὐτ' ἔπος εὐτράπελον κεῖνοισιν εἰπὼν, у Геродота наоборотъ: ἄμα ἔπος τε καὶ ἔργον ἐποίησε (Herod. III 135, cf. I 90). По опущеніи глагола, изъ такихъ выраженій образовалась греческая поговорка, означающая быстроту въ исполненіи слова: ἄμ' ἔπος, ἄμ' ἔργον¹⁾. Латинская версія—*dictum factum* встрѣчается нѣсколько разъ въ комедіяхъ Теренція (Andr. 381, Heaut. 760 и 904; cf. Cic. Philipp. X 9, 19 nostra dicta facta) и отсюда, вѣроятно, перешла въ новѣйшіе языки; франц. *C'est dit, c'est fait*, нѣм. *Gesagt, gethan*.

8. Наше выраженіе—*напрасно землю тяготить* (Даль IV 466), употребляемое для обозначенія бесполезнаго человѣка, не ведетъ ли начало отъ гомеровскаго ἐτώσιον ἄχθος ἀρούρης (II. XVIII 104; Od. XX 379)—„бесполезное бремя земли“? Что это было у грековъ про-вербiальнымъ выраженіемъ, видно изъ Платона и Лукіана (Plat. Theaet. 176 D γῆς—ἄχθη, Lucian. Icarom. 29 и apol. 14). Въ одномъ изъ фрагментовъ, приписываемыхъ Софоклу (Ahrens 765), также

¹⁾ Zenob. I 77; Diogen. II 24; Suid. I p. 256; Macar. I 94; Apost. II 77.

встрѣчается βάρος περισσόν γῆς-- „лишнее бремя земли.“ Наконецъ, у пареміографовъ γῆς βάρος природится какъ пословица, примѣняемая, именно, къ бесполезнымъ людямъ (ἐπὶ τῶν ἀχρήστων, ἐπὶ τῶν εἰς μηδὲν συντελούντων ¹⁾).

9. Говорить на вѣтеръ (т. е. попусту); собака лаетъ, вѣтеръ носитъ (Даль II 553), говоримъ мы о пустыхъ рѣчахъ. Что вѣтеръ уносить безслѣдно пустыя или оскорбительныя слова, такое представленіе существовало въ глубокой древности: слѣды его восходятъ до временъ Гомера и Теогида. У Гомера Евріалъ, извиняясь предъ Одиссеемъ въ необдуманно сказанномъ словѣ, говоритъ: ἐπος δ' εἰ πέρ τι βέβαχται Δεινόν, ἄραρ τὸ φέροισιν ἀναρπάξασαι ἄελλαι (Od. VIII 408)— „и если сказалъ я дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣетъ“ (Жуковск.). Въ числѣ изрѣченій, приписываемыхъ Теогиду, встрѣчается слѣдующее: Τῶν δὲ κακῶν ἄνεμοι δεῖλὰ φέρουσιν ἔπη ²⁾. Позднѣе у грековъ, безъ сомнѣнія, на основаніи гомерическаго представленія, образовалась поговорка: ἀνέμῳ διαλέγῃ (Zenob. I 38) — „на вѣтеръ говоришь“, которая, вѣроятно, имѣется въ виду въ словахъ Ап. Павла: ἔσσεθε γὰρ εἰς ἄερα λαλοῦντες (I къ Коринѳ. 14,9). Многочисленныя мѣста изъ римскихъ поэтовъ, доказывающія, что римляне хорошо усвоили древне-греческое представленіе, приведены у А. Отто № 1864; нѣкоторыя изъ нихъ довольно точно соотвѣтствуютъ русскимъ поговоркамъ, напр. *inania venti verba ferunt* (Ov. met. VIII 134), т. е. „пустыя рѣчи вѣтеръ уносить“.

10. Что бѣда никогда не приходитъ одна, объ этомъ говорятъ многія русскія пословицы, напр. *бѣда ѣдетъ, бѣду везетъ; бѣда на бѣдѣ, бѣдой погоняетъ* и др. (Даль I 154); всѣ онѣ выражаютъ понятіе непрерывнаго ряда бѣдъ. Тоже выражается греческими пословицами: κακὸν ἐπὶ κακῷ или κακὸν κακῷ ἔπεται (Mascag. V 100; VI 11), первичные типы которыхъ находятся у Гомера; именно, въ Иліадѣ встрѣчаются слѣдующія два мѣста; πάντῃ δὲ κακὸν κακῷ ἐστήρικτο

¹⁾ Diogen. III 90; Suid. I p. 1103; Greg. Cypr. II 2; Mascag. II 98; Apost. V 41 f.

²⁾ Theogn. 1168 въ изд. Th. Bergk Poet. Iyr. Gr. Lips. II 1866 p. 555.

(II. XVI 111) собств: „бѣда въ бѣду упиралась“, какъ будто плотно сомкнутый рядъ воиновъ (cf. *ibid.* v. 215); *δέχεται κακὸν ἐκ κακοῦ αἰεί* (Hom. II. XIX 290): „бѣда за бѣдой слѣдуетъ непрерывно“. Аналогичныя выраженія находятся у трагиковъ, затѣмъ у Геродота и Эліана¹⁾. Столь распространенная греческая сентенція не могла остаться неизвѣстной римлянамъ; наиболее подходящее выраженіе находится у Теренція: *aliud ex alio malum* (Ter. Eup. 987), т. е. „одна бѣда за другою“.

11. *Омовеніе рукъ* русскій народъ считаетъ необходимымъ не только предъ молитвой и вообще священнодѣйствіемъ, но и предъ ѣдой: *не умывъ рукъ, за столъ не садятся*²⁾. Поэтому, выраженіе — съ неумытыми руками приступать къ дѣлу, или грязными руками прикасаться къ чему въ фигуральномъ смыслѣ у насъ употребляется для означенія невѣжества и неуваженія къ дѣлу. Такія понятія очень древни и восходятъ ко временамъ Гомера и Гесіода, которые считали грѣхонъ совершать жертвенное возліяніе богамъ неумытыми руками: *Ἥρσσι δ' ἀνίπτοισιν Διὶ λείβειν αἶδοπα οἶνον Ἀζομαι* (Hom. II. VI 266); *Μηδὲ ποτ' ἐξ ἡρῶς Διὶ λείβειν αἶδοπα οἶνον* *Ἥρσιν ἀνίπτοισιν μηδ' ἄλλοις ἀθανάτοισιν* (Hesiod. opp. 724 sq). У Гомера гостямъ, прежде чѣмъ они сядутъ за столъ, служанка, или герольдъ приноситъ воды для омовенія рукъ (*Χέρνιβα δ' ἀμφίπολος* etc.); также предъ молитвой умывали руки (Odys. II 261), безъ сомнѣнія, въ томъ убѣжденіи, что приближаться къ Богу нужно какъ съ чистыми руками, такъ и съ чистыми помыслами. Происшедшая отсюда поговорка — *ἀνίπτοις χερσὶν* (*ἄπτεσθαι*) у Diogen. I 43 и Apost. II 95 рано сдѣлалась извѣстна римлянамъ (Plaut. Poenul. 316 *inlutis manibus*) и позднѣе встрѣчается даже въ Дигестахъ Юстиніана³⁾. Еще болѣе распространена была у грековъ, а затѣмъ и у римлянъ аналогичная пословица: *ἀνίπτοις ποσὶν ἀναβαίνειν ἐπὶ τὸ στέγος* — „съ неумытыми ногами вступать въ

¹⁾ Eurip. Troad. 591; Soph. Ant. 590 (595); Herod. I 67; Aelian. V. H. III 43 (у обоихъ послѣднихъ авторовъ выраженіе *πῆμ' ἐπὶ πῆματι* взято изъ оракула).

²⁾ Даль IV 509; см. А. Аванасьева Поэт. возвр. слав. на прир. М. 1868, II 43.

³⁾ Dig. I 2, 1 *illotis, ita ut dixerim, manibus protinus materiam interpretationis tractare.*

домъ*, въ смыслѣ: безъ знанія и надлежащей подготовки приступать къ дѣлу (*ἐπὶ τῶν ἀμαθῶς ἐπὶ τινα ἔργα καὶ πράξεις ἀφικομένων*)¹⁾.

12. Плыветъ по теченію, говоримъ мы о человѣкѣ, который примѣняется къ обстоятельствамъ и не идетъ противъ господствующаго направленія; несетъ на всѣхъ парусахъ — о человѣкѣ, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ быстро стремится къ цѣли; тѣ же метафоры, происшедшія отъ обычнаго въ древности сравненія жизни съ мореплаваніемъ, были и у грековъ: *κατὰ ῥοὴν φέρεσθαι* (Diogen. V 82; Greg. Cyp. II 87; cf. Plat. ger. 492 C), *πλησίσιον φέρεσθαι* (Plut. Cat. maj. 3). У Лукіана оба выраженія соединены: *κατὰ ῥοὴν προχωρεῖ καὶ πλησίσιος ἐπὶ τὴν νίκην φέρεται* (Lucian. Iur. trag. 50). И эти метафоры, по всей вѣроятности, заимствованы изъ гомерическаго языка, хотя у Гомера подобныя выраженія встрѣчаются только въ собственномъ смыслѣ (напр. II. XII 33, Od. V 327 и др. *Πλησίσιος* чисто гомерическій эпитетъ, но страдательное значеніе придано ему позднѣе). У римлянъ также были метафоры: плыть на всѣхъ парусахъ (*plenis* или *plenissimis velis navigare* у Cic. pro domo sua X 24 и Petron. 45) и плыть противъ теченія (*adverso flumine*). Сенека говоритъ, что жить противъ природы значить тоже, что плыть на веслахъ противъ теченія (Sen. ep. 122, 19).

13. Слѣдующее выраженіе, повидимому, заимствовано прямо изъ гомерическаго языка: *языкъ сидитъ за костянымъ частоколомъ* (Даль IV 695); не есть ли это гомеровское *ἔρχος ὀδόντων*? И намъ кажется, что, согласно съ русской метафорой, подъ пресловутой „оградой зубовъ“ нужно разумѣть не губы (защиту зубовъ), какъ нѣкоторые понимаютъ, а ограду, состоящую изъ зубовъ, т. е. рядъ зубовъ, при открытыхъ губахъ говорящаго человѣка представляющійся въ видѣ частокола²⁾. Кромѣ того, по смыслу нашихъ поговорокъ, зубы и губы разсматриваются какъ *запоры* для болтливаго языка и глупыхъ рѣчей:

¹⁾ Zenob. I 95; Append. provv. I 29; Suid. I p. 440; Apost. III 20; Lucian. rhet. praec. 14, Pseudol. 4 и Demon. 4; A. Gell. N. A. I 9, 8 nunc autem—repente *pedibus inlotis* ad philosophos devertunt; cf. XVIII 5, 14; Macrobian. sat. I 24, 12.

²⁾ Cf. K. Ameis Anh. zu Hom. Odys. I 64.

зубы да зубы—два запора; въ зубахъ не удержишь, а въ губахъ не удержишь (Челяк. 79; Даль I 718); то же понятіе заключается и въ гомерическомъ выраженіи¹⁾.

14. Нѣкоторыя гомерическія выраженія перешли къ римлянамъ и затѣмъ въ новѣйшіе языки, напр. помереть со смѣху, γέλφ ἐχθανεῖν (Hom. Od. XVIII 100), встрѣчается у Теренція (*Risu—emoriri* Ter. Eun. 432) и существуетъ у нѣмцевъ и французовъ (*Vor Lachen sterben, mourir de rire*), вмѣсто чего у другихъ латинскихъ писателей говорится: допнуть со смѣху—*risu rumpi* или *dirumpi*. Наши выраженія животики надорвать, бока надсадить можно сравнить съ лат. *risu dissolvere ilia sua* (Petron. 24).

15. Нѣкоторыя proverbіальныя сравненія, общія греческому и русскому языкамъ, ведутъ начало отъ Гомера. Сравненія эти, возникшія изъ наблюденія свойствъ предметовъ и животныхъ, существуютъ у всѣхъ народовъ. Все таки интересно отмѣтить нѣкоторыя древнія сравненія, разительно сходныя съ русскими, напр.

а) черный, какъ смоль: (νέφος) μελάντερον ἢ τε πίσσα (Hom. II. IV 277); *coelum pice nigrius* (Ovid. her. 18,7); *Nigrrior—pice sanguis* (Ov. art. am. II 658, cf. metam. XI 42 и Martial. I 115,4). У другихъ латинскихъ авторовъ говорится: черный, какъ уголь: Там *excoctam reddam atque atram quam carbost* (Ter. Ad. 849), или черный, какъ воронъ: *niger tanquam corvus* (Petron. 43).

б) блѣзъ, какъ снѣгъ или блѣзъ снѣга: (ἵπποι) λευκότεροι χιόνος (Hom. II. X 437), у римскихъ авторовъ: *candidior nive*²⁾.

в) слаще меду: Τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδῇ (Hom. II. I 249)—„и съ его языка текла рѣчь слаще меду“. У Дала (IV 222) приводится поговорка: слово твое слаще меду. Лат. *melle dulcior* встрѣчается у Плавта (Asin. 614, Trucul. 371), Цицерона (Cato M. de sen. 10, 3), Овидія (trist. V 4, 29) и другихъ. Вмѣсто греческаго выраженія ὕψος γλυκίων μέλιτος, принадлежащаго

¹⁾ Homerus—petulantiae verborum coercendae vallum esse oppositum dentium luculente dixit. A. Gell N. A. I 15, 3.

²⁾ Catull. 80, 2; Ov. her. 16, 249; am. III 5, 11; met. VIII 373; cf. Mart. I 115, 2.

Москву, у насъ говорится: *сонъ милѣ отца и матери* (Даль IV 276).

г) Сравненіе безчувственного человѣка, или сердца человѣческаго съ камнемъ (или кремнемъ) также ведетъ начало отъ Гомера: σοὶ δ' αἰεὶ κραδίη στερεωτέρη ἐστὶ λίθοιο (Hom. Od. XXIII 103, cf. XIX 163 и II. XVI 34); встрѣчается и у Платона: λίθος-μῆτε ὧτα μῆτ' ἐγκέφαλον ἔχων (Plat. Hipp. maj. 292 D): „камень, не имѣющій ни ушей, ни мозга“, также у Лукіана: λίθος, οὐκ ἄνθρωπος ἐστὶ (dial. meretr. XII 2). Сравненіе человѣка въ томъ же смыслѣ съ желѣзомъ, если не считать гомерическаго выраженія, уподобляющаго непреклонное сердце топору (II. III 60), впервые встрѣчается у Пиндара: ἐξ ἀδάμαντος ἢ σιδάρου κεχάλκευται μέλαιναν καρδίαν (Pind. frgm. 100 Bergk I p. 327), затѣмъ у трагиковъ: Σιδηρόφρων τε καὶ πέτρας εἰργασμένος (Aeschyl. Prometh. 242), ὡς ἄρ' ἦσθα πέτρος ἢ σίδαρος (Eurip. Med. 1279). Римскіе поэты часто прибѣгаютъ къ подобнымъ метафорамъ, приписывая человѣку свойства камня (кремня) и желѣза, напр. Ter. Hecyr. 214 me lapidem non hominem putas; Verg. Aen. VI 471 quam si dura silex; Tibull. I 10, 59 Ah lapis est ferrumque, suam quicumque puellam Verberat; Prop. I 16, 30 ferro durior et chalybe; Ov. met. XIV 719 Durior et ferro—Et saxo; trist. III 11, 3 Natus es e scopulis. Даже прозаики употребляютъ иногда подобныя выраженія, напр. Cic. in Cat. IV 2 § 3; Plin. ep. II 3, 7.

Другія сравненія, не принадлежащія Гомеру, приведены ниже подъ №№ 44, 132, 145, особ. 212.

16. Нѣкоторыя античныя пословицы и выраженія, заимствованныя изъ мифологіи и исторіи древнихъ народовъ, вошли въ нашъ литературный языкъ, но не проникли въ народъ, потому ли, что не успѣли проникнуть, или потому, что оказываются непригодными и излишними для народа; таковы, напр., поговорки: Ахиллесова пята, очистить Ахилесовы конюшни (въ смыслѣ: совершить трудный подвигъ), сидѣть на двухъ стульяхъ (№ 153), любовь все побѣждаетъ¹⁾, науки юношей питаютъ²⁾ и многія другія. Впрочемъ,

¹⁾ Omnia vincit amor Verg. ecl. 10, 69.

²⁾ Ломоносовъ изъ Cic. pro Arch. poet. 7, 16.

нѣкоторыя историческія имена, напримѣръ, Креза и даже гомеровскаго Ира извѣстны въ русскихъ поговоркахъ: *богатъ какъ Креза, а живетъ какъ пещъ* (Даль 89), *Иръ Крезу не товарищъ* (Даль 56). Кромѣ того, въ нашемъ литературномъ языкѣ находятся во всеобщемъ употребленіи латинскія формулы и поговорки, оставшіяся непереуведенными, напр. *beati possidentes, deus ex machina, tres faciunt collegium* и другія, литературные источники которыхъ мы указали въ концѣ зниги (прибавл. 1). Латинская сентенція—*ubi bene, ibi patria*, заимствованная изъ греческихъ источниковъ и уже сроднившаяся съ русскимъ литературнымъ языкомъ, къ чести русскаго народа, осталась ему совершенно чуждой. Также выраженіе—*золотой вѣкъ*, означающее первобытную счастлиаую эпоху, удержалось только въ литературѣ, потому что самой идеи золотого вѣка, столь распространенной и общей въ древнемъ мірѣ, нашъ народъ не имѣетъ, и въ этомъ сказывается глубокая разниа между современнымъ и античнымъ челоукомъ: послѣдній былъ обращенъ лицомъ къ прошедшему, въ которомъ онъ видѣлъ идеаль жизни, и тыломъ къ будущему, которое представлялось ему мрачнымъ и неутѣшительнымъ (не только здѣсь, но и въ загробной жизни): *впереди и въ прошедшемъ, позади и въ будущемъ* для грека были синонимы¹⁾. У насъ, наоборотъ, прошедшее позади, а будущее впереди: *заднее Божье, а переднее Государево; задняго не поминать, но впередъ не грѣши* (Даль 112). Эта коренная разниа между античнымъ и нашимъ воззрѣніемъ—очень интересное явленіе, на которое, кажется, не обращено вниманіа; достаточно сказать, что для древняго грека, при его взглядѣ на прошедшее и будущее, идея историческаго прогресса должна была казаться абсурдомъ.

¹⁾ Греч. *πρό, πρόσθεν, προπαρόθεν* впереди и въ прошедшемъ (Ном. II. I 70 *πρό τ' ἐόντα*—*προεληλυότα praeteriti*); *ὀπίω, ὀπίσθε* позади и въ будущемъ; cf. *πρόσω καί ὀπίσω* (II. I 348; III 109; XVIII 250; Odys. XXIV 452 и *Aeneis* примѣч. къ этому мѣсту). Что прошлое время было лучше, а настоящее всегда хуже прошлаго,—это любимая сентенція древнихъ: *Ἀεὶ τὰ πέρσσι βέλτιον* (Diogen. II 54 и др.); *Cotidie est deterior posterior dies* P. Syri sent. 103; *Tempus sed tacitum subruit, horaque Semper praeteritā deterior subit* (Sen. Hippol. 775); cf. Hor. carm. III 6, 46 sqq.

Здѣсь мы остановимся на одномъ изъ литературныхъ провербійныхъ выраженій—*сардоническій смѣхъ* (Даль IV 141), которое вошло въ русскій и вообще въ новѣйшіе языки съ греческаго. Σαρδώνιος γέλως приводится у всѣхъ почти пареміографовъ¹⁾ и встрѣчается у Платона, Цицерона (въ греч. транскрипціи), Плутарха, Лукиана²⁾ и другихъ писателей; но за первоначальный источникъ его признается загадочное мѣсто въ Одиссеѣ Гомера (XX 302): μεῖδῃσέ δὲ θυμῷ Σαρδάνιον (σαρδόνιον) μάλα τοῖον.—Что касается значенія этого выраженія, то толкованія древнихъ нѣсколько отступаютъ отъ современнаго пониманія его въ смыслѣ *язвительнаго смѣха*: греческіе пареміографы объясняютъ сардоническій смѣхъ въ смыслѣ *притворнаго, неискренняго смѣха* (ὁ προσποιητὸς καὶ μὴ ἐκ χαירוῦστος καρδίας); по другой версіи это выраженіе означало *смѣхъ отчаянія* и примѣнялось къ тѣмъ, которые смѣются надъ собственнымъ несчастьемъ, или даже въ минуту собственной гибели (ἐπὶ τῶν ἐπὶ κακῷ γελώντων, ἐπὶ τῶν ἐπ' ὀλέθρῳ τῷ σφῶν αὐτῶν γελώντων). Но у самого Гомера (въ Иліадѣ) есть одно мѣсто, на основаніи котораго, по нашему мнѣнію, можно составить опредѣленное понятіе о значеніи загадочнаго выраженія, а именно: ἡ δ' ἐγέλασσε Χειλεσιν οὐδὲ μέτωπον ἐπ' ὄφρ' οἱ κυανέησιν Ἴανθῃ (Hom. II. XV 101),—рѣчь идетъ здѣсь о разгнѣванной Герѣ: „она-жъ улыбалась устами, Но чело у нее между черныхъ бровей не свѣтлѣло“ (Гнѣвичъ). Схолиастъ замѣчаетъ къ этому мѣсту: Οὗτος ὁ γέλως Σαρδώνιος καλεῖται, ὅτ' ἂν τις μὴ ἐκ διαθέσεως γελᾷ. Итакъ, „сардоническій смѣхъ“, по смыслу древнѣйшихъ источниковъ,—это смѣхъ однѣми губами (отъ растяженія которыхъ обнажаются зубы), при чемъ на лицѣ сохраняется мрачное и злобное выраженіе (Cf. μειδίδων βλοσυροῖσι προσώπασι Hom. II. VII 212)³⁾. Пониманіе „сардоническаго смѣха“ въ смыслѣ ѣдкаго, язви-

¹⁾ Zenob. V 85; Diog. VIII 5; Suid. II 2 p. 682; Greg. Cyrp. III 67; Macar. VII 59; Apost. XV 35.

²⁾ Plat. rep. 337 A; Cic. fam. III 25, 1; Plut. vit. G. Gracc. 12; de superst. 9; Luc. Asin. 24; Iup. trag. 16.

³⁾ Такое пониманіе не противорѣчитъ этимологическому производству слова, и его можно согласить съ наблюденіями ботаниковъ надъ дѣйствіемъ „сардонической травы“ на

тельного смѣха произошло, вѣроятно, отъ смѣшенія гомеровскаго выраженія съ позднѣйшимъ (хотя тоже древнимъ) *саркастическимъ смѣхомъ*. — Что касается происхожденія и этимологіи загадочнаго слова, то еще древніе придумали нѣсколько совершенно различныхъ толкованій¹⁾, изъ которыхъ мы отмѣтимъ главнѣйшія. Всѣ они связываютъ гомеровское изрѣченіе съ названіемъ острова Сардиніи (ἡ Σαρδῶν): рассказываютъ, будто населявшіе этотъ островъ карфагенскіе колонисты приносили въ жертву (по нѣкоторымъ источникамъ — *лобанили*²⁾) стариковъ или родителей, достигшихъ свыше 70-и лѣтняго возраста (по другой версіи въ жертву приносились плѣнники); при этомъ слезы и печаль, какъ признакъ малодушія, были предосудительны; напротивъ, радость и смѣхъ считались доказательствомъ мужества и доблести; отсюда будтобы и произошло названіе *сардоническаго смѣха*. Другіе говорятъ, что въ Сардиніи, какъ и въ Карфагенѣ, человѣческую жертву клали въ объятія раскаленной статуи божества; корчась отъ боли съ оскалившимися зубами приносимый въ жертву представлялъ подобіе смѣющагося человѣка (Erasm. adag. III 5, 1). Наконецъ, по третьему толкованію названіе это произошло отъ произрастающаго въ Сардиніи ядовитаго растенія, похожаго на сельдерей и горькаго на вкусъ (βοτάνη σελίνου παραπλησία, родъ *ранункула*, *Sardonia herba*); говорятъ, что отъ употребленія въ пищу этого растенія люди подвергаются судорожному смѣху (правильнѣе — судорогамъ лица, похожимъ на смѣхъ) и даже умираютъ. Существованіе подобнаго растенія на о. Сардиніи удостоверяется Плиніемъ, Павсаніемъ и позднѣйшими писателями³⁾. —

организмъ человѣка (разумѣемъ судорожное сокращеніе мускуловъ губъ и щекъ), о чемъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ Эти толкованія находятся у Зеновія, Свида, Апостолія, также въ схолияхъ къ Одиссеѣ и Платону. Специальное сочиненіе объ этомъ предметѣ *L. Mercklin-a* „Die Talossage und das Sardonsische Lachen“ (Petersb. 1851) намъ извѣстно лишь по заглавію; впрочемъ, мы вовсе не имѣли въ виду излагать вопросъ въ полномъ его объемѣ, а хотѣли намѣтить лишь нѣкоторые его пункты.

²⁾ Τιμαίος δὲ (φησι) τοὺς ἰκανὸν βεβιωκότας χρόνον ἐν Σαρδοῖ, συνωθευμένους σχίζαις ὑπὸ τῶν οἴων εἰς ὃν ἐμελλον θάπτεσθαι βόθρον γελᾶν (Suid. II 2, p. 683); ἔπειτα ἕκαστος αὐτῶν σχίζαν ἔχων τύπτει τὸν ἑαυτοῦ πατέρα (Schol. ad. Plat.); cf. Aelian. var. hist. IV 1.

³⁾ Plin. h. n. XX 45; Paus. X 17, 13; см. еще у *Leutsch-a* (Corp. paroem. Graec II p. 638) цитату изъ сочиненія Павла Эгискаго (греч. врача VII вѣка).

Новѣйшіе ученые большею частью принимаютъ производство гомерическаго слова отъ корня *сар* (усил. *сарδ*, какъ *tend-ere*, *τείνειν*), *σαίρω*, *σείσθρα* въ значеніи обнажать (скалить) зубы,—производство, извѣстное уже и древнимъ (*ἀπὸ τοῦ σείσθρῆναι τοὺς ὀδοῦσι*—Zelob., Suid. cf. Soph. frgm. 714 Ahrens ed. F. Didot p. 370).—Въ заключеніе замѣтимъ, что если толкованія древнихъ, берущія за исходной пунктъ названіе о. Сардиніи (которое, мимоходомъ сказать, и не встрѣчается у Гомера), признаются теперь не идущими къ дѣлу произвольными измышленіями¹⁾, то, съ другой стороны, и за правильность этимологій—*сар*, *σαίρω*—нельзя ручаться²⁾.

Когда эта статья была уже окончена, намъ попалась книга К. Корневэна „Ядовитыя растенія“ (съ франц. Спб. 1895). Вотъ что въ ней сказано о занимающемъ насъ предметѣ (стр. 134): „*Ranunculus sceleratus* L. (herbe Sardonique) растетъ въ низкихъ равнинахъ, въ топкихъ мѣстностяхъ, по краямъ лужъ... (стр. 135). Симптоматологія. Вслѣдъ за раздраженіемъ пищеварительнаго канала появляются признаки нервнаго характера... Замѣчаются судорожныя подергиванія ушей, губъ и щекъ“. Если эти симптомы имѣютъ сходство съ тѣми сокращеніями мускуловъ, которыя происходятъ у насъ во время смѣха, то очень вѣроятно, что „сардоническій смѣхъ“ произошелъ отъ *Sardonia herba*; но чтобы установить связь между „сардоническимъ смѣхомъ“ и о. Сардиніей, нужно еще доказать, что названіе растенія произошло отъ названія острова.

II. Гесіодъ.

17. Жнешъ, гдѣ не спялъ (Даль 672), говоритъ мы охотнику пользоваться плодами чужихъ рукъ, заимствовавъ это выраженіе изъ Евангелія (Лук. 19, 21 *θερίσεις, δ' οὐκ ἔσπερας*, срв. Матѣ. 25, 24);

¹⁾ „Beide Erklärungen... scheinen rein fingierte Angaben zu enthalten, welche nur einer hermeneutischen Verlegenheit ihren Ursprung verdanken“. *Faesi* zu Odyss. XX 302.

²⁾ По поводу этой этимологій *Th. Benfey* (Griech. Wurzellex. Berl. 1839. I 424) замѣчаетъ: „Ich wage weder zu entscheiden, noch eine neue Etymologie hinzufügen“.

но евангельское изрѣченіе представляет старинную поговорку, очень распространенную у грековъ—ἀλλέτριον ἀμᾶς θέρος¹⁾, „жнешь чужую жатву“, начало которой восходитъ къ отдаленной древности: уже Аристофанъ знаетъ ее (τάλλέτριον ἀμῶν θέρος Arist. Equ. 392), но древнѣйшимъ источникомъ пословицы служить еогонія Гесіода, гдѣ встрѣчается стихъ: ἀλλέτριον χίματον σφετέρην ἐς γαστέρ' ἀμῶνται (Hesiod. Theog. 599), т. е. „чужой трудъ они пожинаютъ для собственного чрева“.

18. У грековъ была довольно распространенная поговорка: Δῶρα θεοὺς πείθει· καὶ αἰδοίους βασιλῆας—„дары прельщаютъ боговъ и почтенныхъ царей²⁾“. Стихъ этотъ съ легкимъ измѣненіемъ приводитъ Платонъ, но безъ указанія имени автора (Plat. rep. III p. 390 E); только у позднѣйшихъ писателей встрѣчается указаніе, что стихъ этотъ принадлежитъ Гесіоду (Suid. и Масар. III 43), и на этомъ основаніи въ новѣйшихъ изданіяхъ онъ помѣщается въ числѣ фрагментовъ Гесіода³⁾. Но у Макарія въ сказанномъ мѣстѣ, также въ лексиконѣ Свиды (II 2 p. 251), наконецъ, въ небольшомъ сборникѣ московской синодальной бібліотеки XV вѣка, напечатанномъ проф. Ернштедтомъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1893, кн. 4), находится только вариантъ: Δῶρα καὶ θεοὺς πείθει (или ἐπεισε) въ соотвѣтствіи съ Eurip. Med. 964: πείθειν δῶρα καὶ θεοὺς λόγος (scil. ἐστίν). Другой вариантъ приведенъ проф. Ернштедтомъ изъ Nosti fr. 8 (Kinkel p. 56): Δῶρα γὰρ ἀνθρώπων νόον ἥπαφεν ἡδὲ καὶ ἔργα⁴⁾, по конъектурѣ Наука: δῶρα γὰρ ἀθανάτων νόον ἥπαφεν ἡδ' ἀνθρώπων—„дары ослѣпляютъ (обманываютъ) умъ боговъ бессмертныхъ и людей“, что соотвѣтствуетъ одному мѣсту у Овидія: *Munera (crede mihi) capiunt hominesque deosque* (Ov. art. am. III 653). Но ни одинъ изъ этихъ вариантовъ

¹⁾ Diog. II 75; Suid. I 238; Macar. I 81; Apost. II 37 и 51; параллельныя выраженія см. у Diog. II 62; Greg. Cyr. I 55; Macar. I 78; Apost. II 24 и 29.

²⁾ Diog. IV 21; Suid. I p. 1448; Greg. Cyr. II 18, cod. Mosq. II 83; Apost. VI 42.

³⁾ Hesiod. frgm. CXXVII ed. *Lehrs*; Epic. Gr. frgm. ed. *Kinkel* Lips. 1877, fr. 236 p. 175.

⁴⁾ Такъ и у Климента Александрійскаго: Strom. VI 2, p. 264 Sylb.

пословицы съ ея языческимъ политеизмомъ не могъ перейти къ намъ безъ поправки, которая бы сдѣлала ее болѣе удобною для заимствования; такую поправку мы находимъ въ Коаленовомъ кодексѣ XIV вѣка, представляющемъ сокращеніе лексикона Свида и напечатанномъ впервые Gaisford-омъ: здѣсь рядомъ съ обыкновенной редакціей пословицы прибавленъ варіантъ: δῶρα καὶ σοφοὺς (вмѣсто θεοὺς) παρῆ-παφεν¹⁾, что буквально соотвѣтствуетъ нашей пословицѣ: *дары и мудрыхъ осмѣляютъ* (Даль II 363); книжный характеръ этой пословицы, свидѣтельствующій, что источникъ ея не народная мудрость, а ученая цитата, ясно виденъ въ сравненіи съ чисто народной редакціей той же пословицы: *подарки глаза запорашиваютъ*²⁾.

III. Солонъ.

19. Одна изъ древнихъ гномъ, приписываемыхъ Солону, нѣсколько напоминаетъ нашу поговорку: много будешь знать—скоро состарѣешься (Даль 627); мы разумѣемъ его знаменитое изрѣченіе: Ἡγήσῃω δ' αἰεὶ πολλὰ διδασκόμενος (Th. Bergk Poet. lyr. Gr. II p. 427): „я старѣю, постоянно приобрѣтая новыя знанія“. Что русская поговорка, иронически относящаяся къ молодымъ людямъ, желающимъ знать вещи, не соотвѣтствующія ихъ возрасту, представляетъ передѣлку греческой³⁾, этого, конечно, нельзя утверждать; но нѣкоторое основаніе для такого предположенія мы усматриваемъ въ большомъ распространеніи и популярности греческой сентенціи: литературныхъ источниковъ, изъ которыхъ могло быть сдѣлано заимствование, очень много⁴⁾. Изъ латинскихъ авторовъ Цицеронъ пользуется изрѣченіемъ

¹⁾ Cf. Schneidew. not. crit. ad Diogen. IV 21. Поправка сдѣлана, можетъ быть, на основаніи Второзак. 16, 19, или Сир. 20, 29.

²⁾ Даль III 162. Славянскія паралели (чешск., польск. и серб.) приведены у Челяк. 48.

³⁾ Если мы вмѣсто темпоральной допустимъ условную или причинную связь между предложеніями, то получится почти тотъ же оборотъ мысли, что и въ нашей поговоркѣ: πολλὰ διδασκόμενος (τάχα) ἡγήσῃω (—σῃ, —σει).

⁴⁾ Напр. Plat. Anterast. p. 133 C; rep. VII p. 536 D; Lach. pp. 188 B, 189 A; далѣе Plut. Sol. 2; Dio Chrysost. or. 18 и пареміографы: Zenob. III 4; Diogen. III 80; Suid. I 1102; Greg. Cypr. cod. Leid. I 79, cod. Mosq. II 69; Apost. V 40.

Солона (de sen. 8 § 26 и 14 § 50), также Валерій Максимъ (VIII 7, 14) и другіе. Что греческая пословица въ русской передѣлкѣ получила ироническій характеръ, это вполне соответствуетъ понятіямъ народа, который, называя ученіе свѣтомъ, а неученіе тьмою, въ тоже время не жалуется большой учености и многознанія, противоположаемыхъ природному уму и смысленности¹⁾, въ соответствии съ другимъ знаменитымъ изрѣченіемъ, приписываемымъ философу Гераклиту: *πολύμαθίη νόον οὐ διδάσκει*²⁾.

IV. Хилонъ.

20. Въ нашей и, вѣроятно, въ другихъ литературахъ очень распространена латинская поговорка—*de mortuis aut bene, aut nihil* (*nil nisi bene*), авторъ которой неизвѣстенъ; не можетъ она похвалиться и древностью, такъ какъ не встрѣчается въ римской литературѣ и неизвѣстна даже Еразму, который популяризировалъ греческія сентенціи на Западѣ въ своихъ латинскихъ версіяхъ. Но благодаря своей общей распространенности, латинская поговорка вытѣснила національныя соотвѣтствующія поговорки, которыя, можетъ быть, и существуютъ, въ родѣ нѣмецкой—*Di Toten soll man ruhen lassen* „мертвыхъ нужно оставлять въ покоѣ“ (срвн. русск. *костями не шевели*, Даль IV 645), но очень мало извѣстны въ литературномъ языкѣ. Впрочемъ, мы имѣемъ поговорку—*о покойникѣ худа не молви* (Даль III 249, также *покойника не поминай лихомъ* III 280), которая представляетъ буквальное воспроизведеніе греческой—*τὸν τεθνῆχῃτα μὴ χαχολογεῖν*., считающейся въ числѣ сентенцій Хилона, одного изъ семи мудрецовъ (Diog. Laert. I 3, 70). Извѣстно, что Солону, другому греческому мудрецу, приписывается даже законъ, запрещающій

¹⁾ Наука учитъ только умнаго; не нуженъ ученый, а нуженъ смысленный; съ его ученіемъ немногъ, да съ разумъ теердъ и т. п. (Даль 452, 460; II 341).

²⁾ A. Gell. N. A. praef. 12; Diog. Laert. IX 1.1; Stob. anthol. ed. Wachsm. II 229.

дурно отзываться объ умершихъ: Επαινεῖται δὲ τοῦ Σόλωνος καὶ ὁ κωλύων νόμος τὸν τεθνηκότα κακῶς ἀγορεύειν (Plut. vit. Solon. 21).

V. Эсопъ.

21. Ототрѣлъ змѣю за пазухой, или выкормилъ змѣйку на свою шейку¹⁾, говоримъ мы, разумѣя подъ змѣей человѣка, который за благодаренія плотить черною ноблагодарностью. Происхожденіе нашей поговорки изъ греческихъ источниковъ не подлежитъ сомнѣнію, но литературная традиція ея неполна и неудовлетворительна. У пареміографовъ ея нѣтъ, только Апостолій приводитъ сентенцію: ὄφιν τρέφειν καὶ πονηρὸν εὐεργετεῖν ταῦτόν ἐστιν. οὐδετέρου γὰρ ἡ χάρις εὖ νοῖαν γεννᾷ (Apost. Arsen. XIII 79 а) и приписываетъ ее Плутарху; но если Плутархъ и писалъ что нибудь подобное, то писалъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ извѣстной басни Эсопа—Ὀδοιπόρος καὶ Ἑχίς²⁾, и такимъ образомъ первоисточникъ нашей пословицы восходитъ къ глубокой древности: Эсопъ считался современникомъ Солона, а первое письменное изложеніе его басенъ было сдѣлано за 300 лѣтъ до Р. Хр. Что изъ Эсоповой басни рано возникли proverbialныя выраженія, показываютъ слѣдующіе стихи Теогида, жившаго однимъ столѣтіемъ позже Эсопа:

ἔρρε, θεοσίην τ' ἐχθρὲ καὶ ἀνθρώποισιν ἄπιστε,
ψυχρὸν δς ἐν κόλπῳ ποικίλον εἶχες ὄφιν,

по конъектурѣ Бергка:

ψυχρὸν σ' ἐν κόλπῳ ποικίλον εἶχον ὄφιν

(Theogn. 601 sq. Bergk II p. 525), т. е. „прочь, ненавистный богамъ и вѣроломный въ глазахъ людей! Какъ пеструю холодную змѣю, я отогрѣлъ тебя за пазухой“. Кромѣ того, слѣды греческой пословицы можно найти въ испорченномъ текстѣ ямбографа III вѣка до Р. Хр. *Герода* или *Геронда* (VI 102 ed. Bueschel.)³⁾. Но у римскихъ

¹⁾ Даль I 710, ср. выраженіе *запашушная змѣя* у Даля I 690.

²⁾ Fabulae Aesopicae ed. ster. Lips. 1829. № 130, cf. Phaedri fab. IV 18 Homo et Colubra.

³⁾ Cf. C. Weyman Zu d. Sprichwörtern . . d. Römer. Archiv f. lat. Lex. u. Gramm. 1892, 1.

писателей мы находимъ вполне сложившуюся поговорку, именно у Цицерона: *in sinu-viperam venenatam ac pestiferam habere* и Петронія: *viperam sub ala nutricas*¹⁾, но наша поговорка все-таки ближе къ своему первоисточнику, такъ что ее можно передать словами самого баснописца: ἐδέρμανεν ἔχιν ἐν τῷ ἑαυτοῦ κόλπῳ, у Фэдра; *colubram—sinu fovit*.

22. Собака на снѣгѣ, полнѣе: какъ собака на снѣгѣ: и сама не пстѣ, и другимъ не даетъ (Даль 91 и 746). Греки въ томъ же смыслѣ говорили: κῶων ἐπὶ (ἐν) φῑτνῳ—„собака у ясель“, или „въ ясляхъ“. Первоначальный источникъ пословицы—басня Эсопа подъ тѣмъ же заглавіемъ—Κῶων ἐν φῑτνῳ (ed. ster. 1829 № 404); затѣмъ она встрѣчается у Лукіана (Tim. 14; adv. ind. 30) и въ сборникахъ пареміографовъ²⁾. У римлянъ не было этой пословицы: по крайней мѣрѣ, она не встрѣчается у латинскихъ писателей; латинская версія—*canis in praesepi* принадлежитъ Еразму (adag. I 10, 13). Изъ новыхъ народовъ ее сохранили, кромѣ русскихъ, чехи, поляки и болгары (Челяк. 55). Французы въ томъ же смыслѣ говорятъ: *le chien du jardinier*.

23. Наша пословица—*свои грѣхи за собою, чужіе передъ собою* (Даль I 413) какъ будто прямо взята изъ Сенеки: *aliena vitia in oculis habemus, a tergo nostra sunt* (Sen. de ira II 28, 8). Источникъ пословицы—извѣстный апологъ Эсопа о двухъ сумкахъ (Πῆραι δύο № 407) слѣдующаго содержанія: „каждый человѣкъ носитъ двѣ сумки, одну спереди, другую сзади; и та и другая наполнена пороками, но передняя чужими, а задняя своими; и потому люди не видятъ собственныхъ пороковъ, но отлично замѣчаютъ чужіе“³⁾. У римскихъ поэтовъ нерѣдко встрѣчается намекъ на тѣже сумки, напр. Catull 22, 21 *sed non videmus, manticae quod in tergo est*⁴⁾. Иначе выражается таже мысль въ Евангеліи Матѣ. 7, 5; Лук. 6, 42.

¹⁾ Cic. de harusp. resp. 24, § 50; Petron. 77.

²⁾ Diog. Vind. II 83; Suid. I 1 p. 831 и II 463; Greg. Cyr. II 61; Macar. IV 43 и V 34; Apost. VIII 44.

³⁾ Phaedri fab. Lips. 1790 IV 9; Babr. fab. Boisson. Paris. 1844 № 66.

⁴⁾ Cf. Hor. sat II 3,299; Pers. IV 24 и Hieron. ep. 102,2.

24. Выраженіе—~~лебединая пѣсня~~ (*der Schwanengesang, le chant du cygne*) въ смыслѣ послѣдней, предсмертной пѣсни (Даль 539) вошло въ новѣйшіе языки съ греческаго: у грековъ была поговорка; *κίχνεον ᾄσμα*, или *κίχνεον μέλος*, употреблявшаяся въ томъ же смыслѣ¹⁾, у латинскихъ писателей *cygneus vox*. Поговорка возникла изъ повѣрья, будто лебеди поютъ передъ смертью; самое же повѣрье существовало уже въ глубокой древности: древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ находится въ баснѣ Эсопа—*Κίχνος* (ed. ster. 1829 № 288): *Τοὺς κίχνοὺς φασὶ παρὰ τὸν θάνατον ᾄδειν*, т. е. „говорятъ, что лебеди поютъ передъ смертью“; затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ свидѣтельствъ (въ хронологическомъ порядкѣ)—Эсхила (*Agam.* 1444), Платона (*Phaed.* XXXV p. 84 E и 85 B), Поливія (*XXX* 4, 7), Цицерона (*Tuscul.* I 30 § 73 и *de orat.* III 2 § 6), Овидія (*met.* XIV 430), Сенеки (*Hippolyt.* 302), Марціала (*XIII* 77), Плутарха (s. s. conv. sar. 18 p. 161 C), Апулея (*Florid.* III num. 17), Филострата (*Apoli.* *Τυαν.* III 49 ed. Кауэ. I p. 121), Эліана (*de nat. ap.* V 34) и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, напр. блж. Іеронима (ер. 60, 1)²⁾. Платонъ и за нимъ Цицеронъ (въ вышепоказанныхъ мѣстахъ) говорятъ, что лебедь, какъ птица, посвященная Аполлону, обладаетъ даромъ предвидѣнія будущаго и поетъ передъ смертью, предвкушая блаженство загробной жизни (*τὰ ἐν ᾄδου ἀγαθὰ*). Въ связи съ этимъ находится очень древнее вѣрованіе, будто человѣкъ передъ смертью получаетъ даръ предвидѣть и предсказывать будущее³⁾. Откуда и какимъ путемъ поговорка—*спѣть лебединую пѣсню* перешла къ намъ, неизвѣстно.

25. Черепаха съ зайцемъ въ спорѣ о быстротѣ ногъ одинаково фигурируютъ какъ въ нашей, такъ и въ греческой пословицѣ. У насъ говорится: *черепашка съ зайцемъ навывпередки пошла* (Даль 931),

¹⁾ Diogen. V 37 ἐπὶ τῶν ἐγγὺς θανάτου καὶ τὰ τελευταῖα φεγγομένων. Greg. Cyp. II 78; Масар. V 40; Apost. X 18.

²⁾ См. еще V. Szelinsky Nachträge und Ergänzungen zu Otto (Iena 1892), p. 7.

³⁾ Hom. II. XVI 851 sqq. XXII 355—360; Plat. apol. 30 p. 39 C; Cic de divin. I 30 § 64.

а греки, чтобы обозначить что нибудь невозможное, говорили: *πρότερον χελώνη παραδραμεῖται δασύποδα*, ¹⁾ т. е. „скорѣ черепаха обгонитъ зайца“. Что пословица произошла изъ басни Эсопа — *Χελώνη καὶ Λαγῶς* (Fab. Aesop. ed. ster. № 173), не подлежитъ сомнѣнію. Но литературная традиція пословицы, — мы разумѣемъ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы догадываться о томъ, какимъ путемъ она перешла къ намъ, неизвѣстна. Цитата изъ Либанія (греч. софиста IV в. по Р. Хр.), приводимая Шнейдевиномъ къ Diog. VII 57, по этому вопросу не имѣетъ для насъ никакого значенія. Можно замѣтить только, что по способу выраженія наша пословица приближается скорѣ къ первоначальному источнику, — Эсопу, у котораго черепаха сама вызывается на состязаніе съ зайцемъ (*ἐγὼ τὸν ταχὺν σε ἐν δρόμῳ νικήσω*), чѣмъ къ позднѣйшей редакціи, въ которой пословица приводится Діогеніаномъ и Апостолиемъ.

26. *Волка въ пастухи поставили; нанялся волкъ въ пастухи; волкъ овцу пасетъ* (Даль 634; I 236) — такія поговорки встрѣчаются уже въ древности и, какъ кажется, ведутъ начало изъ Эсоповой басни *Λύκος καὶ Ποιμήν* (№ 105), въ которой пастухъ, отправляясь въ городъ, поручилъ волку стеречь стадо. Отсюда, вѣроятно, произошли поговорки, употреблявшіяся для выраженія чего нибудь противуестественнаго, невозможнаго: *λύκος καὶ ὄν ποιμαίνει*, или *πρὶν γε λύκος ὄν ποιμαίνει*, „т. е. скорѣ волкъ будетъ пасти овцу“, или просто *λύκος ποιμήν* (Diog. V 96; VII 63; Apost. X 96 в). У римскихъ писателей также встрѣчаются подобныя выраженія, напр. у Плавта: *lupos apud oves linquere—custodes*, Цицерона: *o graecularum custodem ovium, ut ajunt, lupum* и Овидія: *credis ovile lupo*, „довѣряешь овчарню волку“ ²⁾.

27. Мысль, что бѣдствія и страданія служатъ для людей урокомъ и представляютъ хорошую школу, древніе выражали во многихъ сентенціяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ глубокой древ-

¹⁾ Diog. VII 57, cod. Vind. III 63; Suid. I p. 1177 и II 2, 493; Apost. XIV 88 cf. V 82.

²⁾ Plaut. Pseud. 140—141; Cic. Phil. III 11, 27; Ov. art. am. II 346.

ности. У насъ эта мысль выражается, между прочимъ, поговоркой: *что мучитъ, то и учитъ* (Даль 210), прототипы которой можно найти у Эсопа: *πολλάκις τὰ παθήματα τοῖς φρονίμοις γίνεταί μαθήματα*, (Aesop. fab. ed. ster. № 164), т. е. „страданія нерѣдко служатъ для умныхъ людей урокомъ“, далѣе—у Эсхила (Agam. 177), Геродота (I 207), Ксенофонта (Сугор. III 1, 17) и другихъ. Наша поговорка болѣе приближается къ сентенціямъ, встрѣчающимся въ византійскихъ источникахъ: въ стихотвореніи *Михаила I'мики* (XII в.) находится стихъ: *ἀφ' ὧν ἡμεῖς ἐπίδομον, ἐμάθομεν ἀρχοῦντως*¹⁾, т. е. „чѣмъ мы поучились, тѣмъ достаточно научились“, тоже у Apost. XIII 90 *Ἐξ ὧν ἐπαθεῖς, ἐμάθεῖς*, cf. Масар. III 44.

28. Въ басни Эсопа *Ἦς καὶ Κύων* (№ 186) собака хвастаетъ предъ свиньей тѣмъ, что она скоро производитъ дѣтенышей; на это свинья замѣчаетъ: „но за то ты рождаешь слѣпыхъ“. Нравоученіе басни: дѣла или вещи нужно цѣнить не по скорости, съ какою они произведены, а по ихъ законченности и степени совершенства. Отсюда произошла пословица—*κύων σπεύδουσα τοῦτ' ἀ τίχται*—„собака (сука) вслѣдствіе поспѣшности мечетъ слѣпыхъ“. Она встрѣчается у Аристофана²⁾ и Галена и вошла въ сборники Макарія, Апостолія и Еразма³⁾; далѣе, она находится у Плянуда (№ 51) и Крумбахера (№ 16) и до настоящаго времени сохранилась у грековъ въ нѣсколькихъ вариантахъ. У насъ также говорится: *собака скоро рождаетъ, да слѣпыхъ*, или: *наскоро слѣпыхъ рожаютъ* (Даль 614; IV 234), и малорусская пословица гласитъ: *кто скоро робить, той слѣпыхъ родить*⁴⁾. Народная мудрость осуждаетъ поспѣшность или торопливость, при которой неизбежны ошибки и результатомъ которой бываетъ незаконченное произведе-

¹⁾ K. Krumbachèr, Mittelngrich. Sprichw. S. 55 sq.

²⁾ Arist. Pax 1078 *χὴ κώδων ἀχαλανθὶς ἐπαγομένη τοῦτ' ἀ τίχται*, гдѣ, впрочемъ, подъ *ἀχαλανθὶς* нѣкоторые разумѣютъ какую-то птицу (щегленка?), см. Schol. и Suid. I 149 *εἶδος ὀρνέου· ἢ ὁ κύων* (!).

³⁾ Масар. V 32, гдѣ см. прим. Лейча съ цитатой изъ Галена; Apost. X 23; Erasmi. II 2, 35: *Canis festinans caecos parit catulos*.

⁴⁾ Челяк. 258; М. Номиса Українські приказки, прислів'я и таке инше. Спб. 1864 № 5575.

ніе, какимъ представляются слѣпорожденные. Что нынѣшніе греки сохранили пословицу—наслѣдіе своихъ предковъ, неудивительно; но могло ли у насъ. независимо отъ греческихъ источниковъ, возникнуть такое странное представленіе, по которому рожденіе слѣпыхъ является результатомъ поспѣшности?

29. Наша пословица—*не ноги кормятъ (носятъ) брюхо, а брюхо—ноги* (Даль 328) составлена по типу одной изъ пословицъ Плянуда: Ἡ κοιλία βαστάζει τὰ γόνατα (Planud. 182), т. е. „брюхо носить колѣни“; но первоначальный источникъ пословицы—басня Эсопа—Κοιλία καὶ Πίδες (№ 286), въ которой желудокъ и ноги спорятъ о силѣ, и когда ноги хвастали силою, говоря, что онѣ носятъ желудокъ, послѣдній возразилъ: „но если я не стану васъ кормить, то вы и себя самихъ не въ состояніи будете носить“. У другихъ пареміографовъ, кромѣ Плянуда, этой пословицы нѣтъ; встрѣчаются только родственныя по смыслу изрѣченія, напр., слѣдующіе стихи неизвѣстнаго поэта:

Ἀνδρὸς γέροντος αἱ γνάθοι βακτηρία¹⁾

и Πεινῶντος ἀνδρὸς ἰσχὺν τήντινήμενα²⁾.

Первый стихъ—„старика челюсти поддерживаютъ (челюсти—посохъ)“, если не обращать вниманія на превратное толкованіе пареміографовъ (ἐπὶ τῶν πρὸς τὸ γῆρας πολλὰ ἐσθιόντων Diog., также Suid. I 391, cf. Erasmod. II 6, 15), имѣетъ ясный смыслъ; пока челюсти (т. е. зубы) служатъ, старикъ держится на ногахъ. Со вторымъ стихомъ—„у голоднаго человѣка голени слабы“ можно сравнить новѣйшія поговорки (итальянскія, нѣмецкія и турецкія), приведенныя Крумбахеромъ (S. 254—255), выражающія ту же мысль аллегорически: „пустой мѣшокъ не стоитъ прямо“; и у насъ говорится: *пустъ мѣшокъ стоять не будетъ* (Даль III 561)

30. Пословица—Μία χελιδὼν ἔαρ οὐ ποιεῖ т. е. „одна ласточка не дѣлаетъ весны“ принадлежитъ къ очень распространеннымъ и ведетъ начало изъ классической древности. Она находится въ тѣсной

¹⁾ Diogen. I 78; Greg. Cyr. I 58; Macar. II 5.

²⁾ Macar. VII 16; Mant. provv. II 56.

связи съ содержаніемъ басни Эсопа—Νέος ἄσματος καὶ Χελιδών, въ которой разсказывается про расточительнаго юношу, промотавшаго отцовское имѣніе; когда у него остался одинъ плащъ, онъ и его продалъ, увидѣвъ первую ласточку, но надежда на скорое возвращеніе весны его обманула, и онъ жестоко поплатился, такъ какъ настали опять морозы, да и сама ласточка погибла (Fab. Aes. ed. ster. 1829 № 123). Пословица сама собою вытекаетъ изъ басни, или, можетъ быть, самая басня написана на тему, представляемую пословицей. Послѣдняя встрѣчается впервые у Кратина, писателя древней комедіи ¹⁾; ею объясняются слова Аристофана: δεῖσθαι δ' εἰσεν οἷον ὀλίγων χελιδόνων (Arist. Av. 1417)—„онъ, повидимому, нуждается не въ одной ласточкѣ (non paucis hirundinibus egere videtur“), т. е, онъ нуждается въ веснѣ или теплѣ: рѣчь идетъ о сикофантѣ, на которомъ старый хитонъ (ср. схолиіи къ этому мѣсту). Далѣе, пословицу приводятъ Аристотель (Ethic. Nicom. I cap. 6 или 7 § 16), Либаній, Юліанъ и другіе (см. Schneidew. ad. Zenob. V 12). Позднѣе она вошла во всѣ почти сборники (Zenob. V 12; Suid. II 845; Greg. Cyr. III 11; Масар. VI 1; Apost. XI 63). У римлянъ не было этой пословицы; латинская версія *una hirundo non facit ver* позднѣйшаго происхожденія (Erasm-adag. I 7, 93). Въ новогреческой пословицѣ мѣсто ласточки занимаетъ кукушка (Ktumbach. S. 206), но въ итальянской, венеціанской, испанской, нѣмецкой и въ многочисленныхъ славянскихъ (Челяк. 290; Ном. 5271) удержалась ласточка. Наша пословица—*одна ласточка не дѣлаетъ весны* имѣетъ книжный характеръ, но простой народъ знаетъ другую пословицу: *одной ласточкѣ (первой касаткѣ) не вѣрь* (Даль 733),—еще холодъ будетъ.

31. Наша поговорка—плясать по чьей либо (по чужой) дудкѣ (Даль I 514) означаетъ: дѣйствовать не по собственной волѣ, а по произволу другаго, вообще подчиняться кому, особенно по неволѣ. Нѣмцы также говорятъ: *Nach Iemandes Pfeife tanzen sollen*.

¹⁾ Bothe Poet. com. Gr. frgm. Paris 1855 p. 12; Th. Kock Com. att. frgm. Lips 1880. I p. 22.

Подобное выраженіе находится въ Евангеліи: ἡὐλῆσαμεν ὑμῖν, καὶ οὐκ ὤρχησασθε— „мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали“, т. е. не хотѣли внимать намъ и исполнять нашу волю¹⁾. Въ про- вербiальномъ характерѣ этого выраженія едвали можно сомнѣваться. Затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ литературныхъ слѣдовъ существова- нія пословицы, кромѣ одного разсказа у Геродота и басни Эсона, ко- торые могли послужить источникомъ этой пословицы. По словамъ Геродота, Киръ Старшій послѣ покоренія лидянъ, когда мало-азіятскіе греки, которыхъ онъ прежде тщетно пытался склонить на свою сторону, изъявили готовность также подчиниться ему на извѣстныхъ условіяхъ, разсказалъ имъ басню (λόγον=apologum, fabulam): одинъ флейтистъ, желая наловить рыбы, сталъ играть на флейтѣ въ ожиданіи, что рыба сама выйдетъ на берегъ; но обманувшись въ своей надеждѣ, онъ за- кинулъ сѣтъ и вытащилъ множество рыбы; видя, какъ она бьется въ сѣтяхъ, онъ сказалъ: „перестаньте плясать; когда я игралъ на флей- тѣ, вы не хотѣли послушать меня и выйти на берегъ, чтобы попля- сать“ (οὐδ' ἐμὲο ἀλλέοντος ἤθελετε ἐκβαίνειν ὀρχεόμενοι Herod. I 141). Басня эта приписывается Эсопу, у котораго она носитъ заглавіе Ἀλι- εὺς, а у Вабріа Ἀλιεύς ἀλλῶν, т. е. рыбаекъ, играющій на флейтѣ. Мѣсто, соотвѣтствующее евангельскому, у Эсона изложено такъ: ὅτε μὲν ἡὐλοῦν, οὐκ ὤρχεσθε (Fab. Aes. № 34; Vabr. fab. 9), что можно перевести кратко: „вы не хотѣли плясать по моей дудкѣ“ (когда я игралъ). Имѣетъ ли современная поговорка какую нибудь связь съ этими древнѣйшими источниками, трудно сказать за неимѣніемъ сви- дѣтельствъ въ другихъ, посредствующихъ литературныхъ источникахъ.

32. Пословица—гора мышъ родила²⁾, извѣстная и въ другихъ языкахъ, ведетъ начало изъ Эсоповой басни, которая, однако, намъ извѣстна только въ передѣлкѣ Фэдра: *Mons parturiens*³⁾. Самымъ

¹⁾ Ев. Мате. 11, 17; Лук. 7, 32; см. въ Толковомъ Евангеліи Архим. Мххила. М. 1877, т. I стр. 213 объясненіе Св. Іоанна Златоуста.

²⁾ У Дала 561 отмѣчена, какъ переводная; нѣм. *Der Berg hat eine Maus geboren*; франц. *C'est la montagne qui a entanté une souris*.

³⁾ *Mons parturibat, gemitus immanes ciens Eratque in terris maxima expec- tatio. At ille murem peperit. Phaedri fab. Lips. 1790, IV 22.*

раннимъ писателемъ, у котораго приводится пословица, является Гораций: *parturiunt montes, nascetur ridiculus mus* (Нор. ер. II 3, 139; но уже Порфиріонъ замѣчаетъ: *gracum hoc proverbium est ὠδινεν ὄρος, τὸ δ' ἔτεκε μῦν*. Въ такой же формѣ приводится пословица и у пареміографовъ: ὠδινεν ὄρος, εἴτα μῦν ἀπ'ἐτεκεν съ объясненіемъ: ὅταν ἐλπίσας τις μεγάλα μικροῖς ἐντίχη (Diog. VIII 75; Greg. Cyr. IV 5; Macar. VIII 94; Apost. XVIII 57); у Лукіана только: ὠδινεν ὄρος, у Аѳеня: ὠδινεν ὄρος, Ζεὺς δ' ἐφοβέτο, τὸ δ' ἔτεκεν μῦν ¹⁾. Интересный рассказъ мы находимъ у Плутарха: когда Агесилай съ наемнымъ войскомъ пріѣхалъ въ Египетъ на помощь царю Таху, государственные чины, при громадномъ стеченіи публики, собрались на берегъ для встрѣчи спартанскаго царя и знаменитаго полководца, наполнившаго міръ славою своихъ подвиговъ. И что же они увидѣли? Прежде всего ихъ поразило отсутствіе всякаго блеска и роскоши; затѣмъ они съ удивленіемъ увидѣли маленькаго и тщедушнаго старичка, въ плохомъ плащѣ лежавшаго просто на травѣ, и со смѣхомъ привели пословицу: ὠδινεν ὄρος, εἴτα μῦν ἀπ'ἐτεκεν (Plut. Ag. 36). Замѣтимъ еще, что пословицу цитируетъ по Горацию блж. Іеронимъ (adv. Iovinian. I 1 p. 238 Vall.).

33. Онъ изъ песку веревки вьетъ (Даль 89 и 456), говорится у насъ о скрагѣ, умѣющемъ изъ всего извлекать пользу. У грековъ также была поговорка: εἰς ἄμμου σχοινίον πλέκειν ²⁾. Кромѣ позднѣйшихъ пареміографовъ, поговорка встрѣчается въ небольшомъ сборникѣ пословицъ, приписываемыхъ Эсопу ³⁾ и, такимъ образомъ, начало ея относится къ отдаленной древности, если только эти пословицы принадлежатъ знаменитому баснописцу. Изъ римскихъ писателей поговорку эту приводятъ одинъ Колумелла, писавшій о сельскомъ хозяйствѣ въ I вѣкѣ по Р Хр.: *quod ajunt Graeci, ex incomprehensibili parvitate arenae funis effici non possit* ⁴⁾. Интересно, что витье вере-

¹⁾ Luc. Q. m. hist. conscrib. 23; Athen. XIV 616 D.

²⁾ Suid. I 2 p. 293; Greg Cyr. cod. Mosq. III 46; Macar. III 97 и Apost. VII 50.

³⁾ Aesop. provv. 10 въ Corp. paroem. Gr. II p. 229.

⁴⁾ Colum. de r. r. X praef. 4.

вокъ изъ песку извѣстно въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ, какъ задача, къ которой прибѣгаютъ чародѣи, и встрѣчается въ старинной повѣсти „объ Акирѣ премудромъ“, какъ задача, предложенная Акиру фараономъ¹⁾.

VI. Алкѣй.

34. Нѣкоторыя наши пословицы, касающіяся вина и его дѣйствія на человѣка, вполне соотвѣтствуютъ греческимъ. Древнѣйшая изъ нихъ—*вся правда въ винѣ* (Даль III 391), извѣстная и въ другихъ языкахъ, встрѣчается уже въ одномъ изъ фрагментовъ *Алкѣя*, жившаго за 600 лѣтъ до Р. Хр: *Οἶνος, ὃ φίλεται καὶ ἀλγίσει* (Alc. frgm. 57 Th. Bergk III 948). Подобныя выраженія можно указать у Теогида, Теокрита и другихъ (cf. Athen. II p. 37 E). Пареміографы даютъ два выраженія: *Οἶνος καὶ ἀλγίσει* съ объясненіемъ: *ἐπὶ τῶν ἐν μῆθρῃ ἀλγίσειαν λεγόντων*²⁾ и *Ἐν οἶνῳ ἀλγίσει* (Zenob. IV 5; Diog. IV 18 и Apost. VII 37). Изъ римскихъ авторовъ наиболѣе подходящее къ греческому выраженію находится у Плінія Старшаго: *vulgo veritas attributa vino est*. (Plin. H. N. XIX 28). Другія пословицы, имѣющія отношенія къ вину, см. подъ № № 196, 235 и 257.

35. Въ смыслѣ нашей пословицы—*знать звѣря по когтямъ* (Даль II 130, IV 540) греки говорили: *Ἐξ ὀνύχου* (ἐκ τῶν ὀνύχων) *τὸν λέοντα* (Diog. V 15; Масар. III 95; Apost. VI 93), т. е. „(знать) льва по когтямъ“. Глубокая древность этого изрѣченія засвидѣтельствована Плутархомъ, который приписываетъ его Алкѣю (Plut. de def. orac. 3; Alc. frgm. 112 Bergk p. 959). Кромѣ указанныхъ пареміографовъ, пословица приводится, или только подразумѣвается у нѣкоторыхъ авторовъ, напр. у Лукіана (Hermot. 55), Филострата, (Vit. Apoll. Туап. I 32, p. 40, ed. Kayser p. 33) и другихъ. Извѣстная латинская версія—*ex ungue leonem* позднѣйшаго происхожденія и не

¹⁾ А. Н. Пыпинъ Очеркъ лит. ист. стар. пов. и сказ. русскихъ въ Уч. Зап. 2 Отд. Имп. Ак. Н. 1858 кн. IV, стр. 82.

²⁾ Diog. VII 28; Greg. Cyr. III 23; Масар. VI 26; cf. Plat. Symp 217 E и Plut. vit. Artax. 15.

встрѣчается ни у классическихъ авторовъ, ни у Еразма въ числѣ его Adagia. Когда и какъ греческая поговорка перешла къ намъ, неизвѣстно; мы знаемъ только, что у Св. Димитрія Тунтало, русскаго писателя и проповѣдника XVII вѣка, она встрѣчается въ словѣ на Рождество Христово въ буквальномъ переводѣ съ греческаго: „И нѣгдѣ приповѣствуется: *отъ ногтій познается левъ*“¹⁾).

VII. Пифагоръ.

36. У нашихъ крестьянъ (на Югѣ Россіи) существуетъ повѣрье, по которому *огонь ножомъ разгребать грѣшно*, или вообще не слѣдуетъ, а почему не слѣдуетъ, остается невыясненнымъ: повидимому, сознаніе мотивовъ или оснований этого повѣрья утратилось. Нѣчто подобное мы находимъ у древнихъ грековъ и римлянъ. Въ числѣ разныхъ предписаній Пифагора, которыя у писателей называются то σύμβολα, то даже ἀινίγματα (загадки), находится слѣдующее: πῶρ μαχαίρα μὴ σκαλεῖν, т. е. „огня ножомъ не разгребать“. Изрѣченіе это приводитъ Плутархъ (4 раза), Лукіанъ, затѣмъ два біографа Пифагора—Диогенъ Лаертскій и Порфирій, далѣе—Аеенэй (собств. цитируемый имъ какой-то Деметрій Византійскій), блаж. Иеронимъ, Апостолій—Арсеній и, наконецъ, Еразмъ. Мы намѣренно пропустили древнѣйшаго автора, Горация, котораго трудно объяснитье мѣсто (sat. II 3, 275) стоитъ въ сторонѣ; но мы ниже возвратимся къ этому мѣсту. Плутархъ (vit. Num. 14), приведя нѣкоторыя изъ пифагорейскихъ правилъ, прибавляетъ, что смыслъ ихъ былъ скрытъ отъ толпы²⁾. Въ другомъ мѣстѣ³⁾ онъ объясняетъ: πῶρ σιδήρῳ μὴ σκαλεῖν· ἀντὶ τοῦ, θυμοῦμενον μὴ ἐρεδίζειν, т. е. „огня жельзомъ не разгребать въ смыслѣ: не раздражать разгнѣваннаго“. Это объясненіе было принято

¹⁾ *Ив. Снегиревъ* Русскіе въ своихъ пословицахъ, I 94; о сочиненіяхъ Св. Димитрія см. у Филарета Обзоръ русск. дух. лит. Сиб. 1884, стр. 263—265.

²⁾ Cf. Erasmi. adag. I 1, 2: Pythagorae symbola—oraculorum instar celebrata.

³⁾ De educ. puer. 17; ср. еще Quaest. Rom. 72 и De Is. et Os. 10.

всѣми послѣдующими выше перечисленными авторами¹⁾, за исключеніемъ Лукіана, который ограничивается ироническимъ упоминаніемъ загадочнаго изрѣченія (Luc. ver. hist. II 28). Обращаясь теперь къ упомянутому мѣсту Горация, мы видимъ, что здѣсь пифагорейское правило приведено далеко не въ томъ смыслѣ, какой придается ему позднѣйшими толкователями. Гораций (въ лицѣ Дамасиппа), бичуя разные общественные недуги, какъ особые виды безумія или помѣщательства, и описывая, между прочимъ, крайности, въ которыя впадаютъ влюбленные, ихъ причуды, ребячество и глупость, прибавляетъ: *Adde cruorem Stultitiae, atque ignem gladio scrutare*, т. е. „къ глупости прибавь еще кровь и огонь *резреби мечомъ*“ (?). Далѣе приводится примѣръ какого-то Марія, убившаго сначала свою возлюбленную, а затѣмъ покончившаго съ собою, и спрашивается: „развѣ это не сумасшедшій?“ Толкователи не сомнѣваются, что Гораций имѣлъ въ виду извѣстное правило Пифагора — πῶρ μαχαίρα μὴ σκαλεῖσθαι, и подъ *ignis* разумѣютъ пылъ страстей, а подъ *gladius*—убійство или пролитіе крови; такимъ образомъ, выраженіе—*ignem gladio scrutare* разсматривается какъ фигуральная замѣна предыдущаго выраженія—*adde cruorem stultitiae*²⁾. Можетъ быть, это толкованіе и правильно, но нельзя отрицать, что въ немъ чувствуется что-то недосказанное; во всякомъ случаѣ, традиціонное объясненіе—раздражать разгнѣваннаго, на основаніи гораціанскаго мѣста, должно быть отвергнуто, какъ неподходящее. Можетъ быть, во времена Горация смыслъ этой формулы былъ уже не совсѣмъ ясенъ. Не находится ли пифагорейское правило въ связи съ первобытными вѣрованіями, по которымъ огонь служилъ символомъ

¹⁾ Diog. Laert. VIII 1, § 17 sq. Porphy. de vita Pythag. 42; Athen. X p. 452 D; Hieronym. apol. adv. libr. Ruf. III 39 p. 566 Vall: *ignem gladio ne fodias*. Iratum videlicet et tumidum animum verbis maledicis ne lacessas. Apost. XI 5 a; Erasm. adag. I, 1, 2 p. 16. Впрочемъ Еразмъ смѣшиваетъ пифагорейское наставленіе съ пословицей Εἰς πῶρ χαίρειν (Plat legg. p. 780 C), да и послѣднюю неправильно объясняетъ въ смыслѣ *ignem dissecare* (Adag. I 4, 55), см. Schneidew. ad. Zenob. V 27.

²⁾ Но лучше въ этихъ двухъ выраженіяхъ допустить градацію: *cruor*—нанесеніе ранъ, а *ignem gladio scrutare*—убійство. Отъ такихъ неопредѣленныхъ объясненій, какое даетъ, напр., Orelli, мѣсто Горация нисколько не выигрываетъ въ ясности; нѣкоторые толкователи совсѣмъ обходятъ темное мѣсто.

жизни¹⁾. и запрещеніе приближать къ огню ножъ или мечъ—орудіе смерти („разгребать огонь ножомъ“) не есть ли фигурально выраженное запрещеніе убійства (можетъ быть, не только человѣка, но и животныхъ,—извѣстно, что пифагорейцы воздерживались отъ животной пищи, что находилось въ связи съ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ). Допустивъ это предположеніе, можно было бы установить связь между нашимъ повѣрьемъ и пифагорейскимъ правиломъ и понять, почему огонь ножомъ разгребать у насъ считается грѣхомъ.—Другое изъ предписаній Пифагора, не менѣе загадочное—*μὴ γεύεσθαι μελανούρων*—„не вкушай того, что имѣетъ черный хвостъ“, объясняемое Плутархомъ (de educ. puer. 17) въ смыслѣ: не имѣть общенія съ дурными людьми, встрѣчается въ числѣ чешскихъ поговорокъ, но въ другомъ смыслѣ: *Nezkoušej toho, co má ocas černý* (со злу konec bere) у Челяк. стр. 32. Еразмъ (I 1, 2 p. 15) приводитъ довольно темное толкованіе грамматика Трифона (временъ Августа), по которому *μὴ γεύεσθαι μελανούρων* значить *ψευδῆ λόγον μὴ προτεσθαι*, τὸ γὰρ ψεῦδος ἐν τοῖς ἐσχατοῖς μέρεσι (?) *μελαίνεται καὶ ἀμαυροῦται*. Онъ же упоминаетъ еще объ одномъ толкованіи, по которому подъ *μελάνουρος* будтобы разумѣется каракатица (*seria οὐπτία*), испускающая изъ хвоста черную жидкость. Но если ужъ искать „чернохвостыхъ“ въ мірѣ животныхъ или птицъ, то скорѣе всего можно остановиться на *аистѣ*, убійство котораго (и употребленіе въ пищу) и у нашихъ крестьянъ считается грѣхомъ, а въ древности въ нѣкоторыхъ странахъ каралось, какъ уголовное преступленіе (Plin. h. n. X 31).—Упомянемъ еще объ одномъ изъ символовъ Пифагора, именно: *Μὴ ζυγὸν ὑπερβαίνειν*—„не переступай вѣсовъ, или черезъ вѣсы“. Плутархъ (de educ. puer. 17) объясняетъ это изрѣченіе въ смыслѣ: не нарушай справедливости²⁾ (вѣсы—символь справедливости). Но *ζυγός* или *ζυγόν* первоначально означаетъ коро-

¹⁾ Слѣды этихъ вѣрованій остались въ русскомъ языкѣ: (*кресить* или *кресать*, значить добывать огонь, а въ Сл. о П. Иг.—оживлять, *воскрешать*). Сюда же относится старинное уподобленіе жизни горячей свѣчѣ въ нашихъ и въ нѣмецкихъ сказаніяхъ. *Θ. Бу-слаевъ*. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. М. 1848, стр. 68—69.

²⁾ Cf. Hieron. apol. adv. libr. Ruf. III 39, p. 566 Vall. *stateram ne transilias id est, ne praeterregiare iustitiam*.

мысло вѣсовъ (τάλαντον чашка вѣсовая), а у насъ въ Малороссіи, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ Россіи крестьяне считаютъ чуть не грѣхомъ переступить чрезъ лежащее на землѣ обыкновенное коромысло, посредствомъ котораго носятъ тяжести на плечахъ. Представляетъ ли этотъ предразсудокъ случайное совпаденіе съ пифагорейскимъ правиломъ, или мы имѣемъ здѣсь дѣло съ давно отдѣлившимися другъ отъ друга обломками одного общаго повѣрья, мы не беремся рѣшить.

VIII. Гиппонактъ.

37. Многія наши поговорки про женщинъ, особенно изъ разряда тѣхъ, въ которыхъ проявляется свойственная грекамъ *μισογύνεια*, заимствованы изъ новой комедіи (см. № 101 и слѣд.); но одна изъ нихъ принадлежитъ очень древнему ямбическому поэту, *Гиппонакту*, жившему за 540 лѣтъ до Р. Х. Въ числѣ его фрагментовъ сохранилось двестишіе:

Δύ' ἡμέραι γυναῖκός εἰσιν ἡδίσται,

ὅταν γαμῇ τις κἄκφερῃ τεθνηχόαν¹⁾,

т. е. „два дня жена наиболѣе намъ мила бываетъ: когда женишься и и когда выносятъ ее (изъ дому) мертвую“. Наша поговорка представляетъ довольно близкій переводъ греческаго оригинала: *дважды жена мила бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ* (Даль 399; I 548). Греческое двестишіе принадлежитъ къ очень рѣдкимъ въ литературѣ и извѣстно намъ только изъ двухъ сборниковъ—*Стобэя* (компилятора V вѣка по Р. Хр.) и Апостоля—*Арсенія*²⁾; изъ одного изъ этихъ сборниковъ заимствована наша поговорка, неизвѣстная, кажется, въ другихъ новѣйшихъ языкахъ.

IX. Теогнидъ.

38. Сознаніе слабости и ограниченности человѣческой природы, выразившееся въ извѣстной сентенціи—„ошибаться свойственно чело-

¹⁾ Hippon. fr. 29 (12) *Bergk Poetae lyr. Gr. II* (Lips. 1866) p. 760.

²⁾ Stob. Floril. 68, 8; Apost. VI 38 c.

вѣку“, или, какъ гласитъ русская поговорка, *ошибаться—человѣческое дѣло* (Даль II 653), замѣчается у очень древнихъ греческихъ писателей. Первые слѣды этой сентенціи находятся у Теогида, элегическаго поэта, жившаго за 500 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр: онъ выражаетъ ту мысль, что не возможно сохранить ни съ кѣмъ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеній, если сердиться за всякую ошибку друзей, „такъ какъ ошибки неизбѣжны между смертными“—*ἀμαρτολαὶ γὰρ ἐν ἀνθρώποισιν ἔπονται* Θεογν. 327. Bergk p. 507). Гораздо яснѣе та же мысль выражена у Софокла; *Ἀνθρώποισι γὰρ τοῖς πᾶσι κοινόν ἐστι τοῦ ἁμαρτάνειν* (Soph. Ant. 1023 sq.) и Еврипида: *ἀμαρτεῖν εἰκὸς ἀνθρώπους* (Eurip. Hippol. 615). Киръ у Ксенофонта въ томъ же смыслѣ говорить: *τὸ γὰρ ἁμαρτάνειν ἀνθρώπους ὄντας οὐδὲν οἶμαι θαυμαστόν* (Xen. Cyrop. V 4,19), а Лукіанъ приписываетъ подобную сентенцію своему другу, философу Демонакту: *ἦγεῖτο γὰρ ἀνθρώπου εἶναι τὸ ἁμαρτάνειν* (Luc. Demon. 7); наконецъ, у Герода, ямбическаго поэта III вѣка до Р. Хр., встрѣчается выраженіе: *ἀνθρώπος εἰμι, ἥμαρτον* (Herod. V 27 ed. Buechel.). Какъ видно, это была любимая у грековъ сентенція, но у насъ она болѣе извѣстна въ латинской версіи Цицерона; *cujusvis hominis est errare* (Cic. Phil. XII 2, 5). Приведенная выше русская поговорка буквально соотвѣтствуетъ латинской сентенціи—*errasse humanum est*, встрѣчающейся у блаж. Иеронима (epist. 57, 12), изъ сочиненій котораго заимствованы и другія русскія поговорки.

39. Наше выраженіе—*онъ самъ для себя куетъ цѣпи* можно сравнить съ однимъ древнимъ гексаметромъ, приписываемымъ Теогиду: *Ὀὔτος ἀνὴρ, φίλε Κύρνε, πέδας χαλκεύεται αὐτῷ* (Theogn. 539 Bergk II p. 421). Подобное выраженіе встрѣчается еще у Авзонія, римскаго поэта IV вѣка по Р. Хр: *sic vetus verbum jubet, Compedes, quas ipse fecit, ipsus ut gestet faber*¹⁾. Ср. № 192.

40. *Чужую машиню наметъ, а своя въ залежи* (Даль 682), говоримъ мы про человѣка, трудящагося за другихъ, а свое дѣло

¹⁾ Auson. Edyll. VII (Schenkl XXV) p. 115 ed Peiper.

оставляющего въ сторонѣ; разумѣется, нашу поговорку можно примѣнить и къ мужу, покидающему свою жену и ухаживающему за чужою женою, — такой именно смыслъ имѣетъ двѣ классическихкія поговорки, греческая и латинская. Первая принадлежитъ Теогниду:

Ἐχθαίρω — ἄνδρα μάργον,

Ὅς τὴν ἄλλοτρίην βούлет' ἄρουραν ἄροῦν

(Theogn. 581 sq. *Bergk* III p. 524) т. е. „ненавижу сластолюбца — мужа, готоваго пахать чужую пашню“ ¹⁾. Латинская поговорка, буквально соответствующая нашей, находится у Плавта: *Fundum alienum arat, incultum familiarem deserit* (Plaut Asin. 874), т. е. „чужую пашню пашетъ, а свою неспаханной (въ залежи) оставляетъ“.

Х. Епихармъ.

41. Извѣстная, кажется, на всѣхъ европейскихъ языкахъ ²⁾ поговорка — рука руку моетъ (т. е. услуга за услугу) приписывается очень древнему писателю, именно, Епихарму, представителю дорическо-сицилійской комедіи, жившему за 500 лѣтъ до Р. Хр.: въ числѣ незначительныхъ фрагментовъ, уцѣлѣвшихъ отъ его комедій, находится это знаменитое изрѣченіе — Ἄ δὲ χεῖρ τὰν χεῖρα νίθει ³⁾. О принадлежности этого изрѣченія Епихарму мы имѣемъ два свидѣтельства, которыя, впрочемъ, нельзя назвать вполне авторитетными: одно находится въ псевдоплановскомъ діалогѣ Ἀξιόχος (p. 366 С, гдѣ, вмѣсто νίθει, нѣкоторые читаютъ χνίθει), а другое въ позднѣйшемъ сборникѣ пословицъ, — Апостолія-Арсенія: Ἄ δὲ χεῖρ τὰν χεῖρα νίθει. Ἐπὶ χάρμῳ ἀπόφθεγμα κατὰ φιλαγγύρων (Apost. I 36 а), т. е. „изрѣченіе Епихарма противъ людей корыстолюбивыхъ“ (?). Латинская версія — *manus manum lavat* встрѣчается у писателей сравнительно позднѣйшихъ

¹⁾ Это выраженіе напоминаетъ подобныя же метафоры у трагиковъ, сравнивающихъ сожителство мужа съ женою съ обработкой поля, или съ посѣвомъ.

²⁾ Славянскія параллели см. у Челяк. 86.

³⁾ *S. Fr. Lorenz* Epicharm. Berl. 1864 p. 274. Cf. Menandri monost. 543: Χεῖρ χεῖρα νίπτει, δάκτυλοι δὲ δακτύλους *A. Meineke* Fragmenta com. Gr. IV p. 355.

(I вѣка по Р. Хр.), именно, у Сенеки и Петронія, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ свою поговорку¹⁾.

42. Слѣды нашей пословицы—изъ одного дерева икона и лопата (Даль 802) восходятъ къ глубокой древности. Въ одномъ сборникѣ пословицъ (App. provv. Coisl. 168) приводится стихъ: Ἐκ παντός ξύλου κλῆος γένοιτ' ἄν καὶ θεός сь объясненіемъ: „изъ одного матеріала можно сдѣлать что нибудь хорошее и дурное; дѣти одного отца могутъ быть различны, одинъ трусъ, другой храбрый“; слѣдов., древнее изрѣченіе объяснялось въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется наша пословица. Что стихъ этотъ, какъ думаютъ²⁾, принадлежитъ Епихарму, на это есть указанія у древнихъ пареміографовъ, которые, однако, приводятъ изрѣченіе въ сокращенномъ видѣ: Ἐκ παντός ξύλου κ' ὄφω γένοιτ' ἄν и придаютъ ему другой смыслъ сь указаніемъ на Епихарма, какъ на источникъ³⁾. Нужно замѣтить, что κ' ὄφω и κλῆος—синонимы, означающіе колодку, надѣвавшуюся на шею преступникамъ. Таковы собственно языческіе прототипы позднѣйшей, византійской пословицы, которая перешла къ намъ въ буквальный переводъ и впервые встрѣчается въ хроникѣ Кедрена (XI вѣка), влагающаго ее въ уста Императору Василию II (въ примѣненіи къ несходнымъ братьямъ): ἀφ' ἐνός ξύλου καὶ σταυρός καὶ πτόον⁴⁾, а затѣмъ въ сборникѣ Плянуда (№ 38): ἐκ ταύτοῦ ξύλου καὶ σταυρός καὶ πτόον. Византійской пословицѣ буквально соответствуетъ малорусская: з одного дерева и хрест, и лопата (Ном. 8059).—Въ противоположномъ смыслѣ, сравнительно съ Епихармовымъ изрѣченіемъ, высказывался Пифагоръ: *non—ex omni ligno, ut Pythagoras dicebat, debet Mercurius exculpi*⁵⁾. Слова Пифагора сдѣлались пословицей, которая перешла въ

¹⁾ Sen. lud. de mort. Cl. 9: Noli mihi invidere, mea res agitur; deinde tu si quid volueris, invicem faciam: *manus manum lavat*. Cf. Petron. 46.

²⁾ Schneidewin къ Zenob. IV 7; Lorenz. Epicharm. p. 253.

³⁾ Zenob. IV 7; cf. Plut. provv. I 93; Greg. Cyr. cod. Mosq. II 100.

⁴⁾ См. Ed. Kurtz Zu den παροιμίαι δημόδεις (Philologus Bd. 49 Gött. 1891. S. 460), гдѣ приводятся и другіе византійскіе варианты.

⁵⁾ Apul. de magia cap. 43; (ed. Hildebr. Lips 1843, p. 311); cf. Iambl. de vita Pythag. 34 § 245.

западно-европейскіе и нѣкоторые славянскіе языки, но не проникла къ намъ. Итальянцы говорятъ: „не изъ каждаго дерева дѣлаются святыне“; нѣмцы: „не изъ каждаго дерева можно вырѣзать флейту“ (*Nicht aus jedem Holze kann man Pfeifen schneiden*), чехи: *ne z každého dřeva neb kamene sv. Václav*; сербы: *изъ свакогъ паня не може се светацъ изтесати* (Otto № 1098; Челяк. 213).

XI. Кратинъ.

43. Никто бы не могъ подумать, что русская пословица—на безрыбьи и ракъ рыба, на безмудьи и Ѳома въ чести (и Ѳома дворянинъ) произошла изъ греческихъ источниковъ; а между тѣмъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Греки имѣли нѣсколько поговорокъ, въ которыхъ, *mutatis mutandis*, нельзя не узнать прототиповъ нашей пословицы; мы разумѣемъ слѣдующія поговорки:

Ἐν γὰρ ἀμυχανίῃ καὶ Καρχίνος ἔμμορε τιμῆς,

Ἐν δὲ διχοστασίῃ καὶ Ἀνδροκλῆς πολέμαρχεῖ,

т. е. при пуждѣ и *Ракъ* достигаетъ почести; а при внутреннихъ раздорахъ и Андроклъ бываетъ полемархомъ“. У пареміографовъ (Zenob. III 77; Diogen. IV 55; Suid. I 2 p. 234; Масар. III 91; Apost. VII 16 и 39 b.) приводятся эти сентенціи безъ указанія на источникъ; мы можемъ привести нѣсколько мѣстъ изъ Плутарха, въ которыхъ встрѣчается таже пословица съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, именно:

Ἐν δὲ διχοστασίῃ καὶ ὁ πάγκακος ἔλλαχε τιμῆς

(Plut. Lysandr. c. Sull comp. 1; Alex. 53; frat. am. 2), т. е. „во время междоусобій и отъявленные негодяи достигаютъ высокаго (почетнаго) положенія“. Но первоначальный источникъ ея гораздо древнѣе; по крайней мѣрѣ, второй изъ приведенныхъ гексаметровъ принадлежитъ древней аттической комедіи и приписывается Кратину (*Th. Kock. Com. att. frgm. Lips. 1880. I p. 129*). Древніе пареміографы примѣняютъ эти поговорки къ людямъ ничтожнымъ (ἐπὶ τῶν εὐτελέων), случайно достигающимъ высокаго, незаслуженнаго положенія, т. е. толкуютъ ихъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреб-

ляется и наша поговорка. Слово ἀρηχανία (недостатокъ орудій или средствъ, пригодныхъ для достиженія цѣли) отлично можетъ быть передано нашимъ словомъ „безлюдье“ въ смыслѣ недостатка способныхъ и дѣльныхъ людей, а отсюда и переводъ словомъ „безрыбье“, къ чему могло подать поводъ греческое слово Καρχίνος, нельзя считать слишкомъ отдаленнымъ или неумѣстнымъ. Если даже принять Καρχίνος за собственное имя¹⁾, то и тогда родство нашей поговорки съ греческою остается внѣ всякаго сомнѣнія; иначе трудно было бы объяснить, почему и у насъ, какъ у грековъ, въ одномъ и томъ же смыслѣ фигурируетъ *рыба*; притомъ же вполне возможно допустить, что греческое собственное имя потомъ стало употребляться какъ нарицательное; дѣйствительно, въ позднѣйшемъ сборникѣ (Apost.-Ars. VII 16 и 39 b), напечатанномъ прямо съ автографа, это слово употребляется, какъ нарицательное (καρχίνος).

44. Баранъ и овца всегда служили символомъ глупаго человека: ~~глупъ, какъ баранъ~~, говоримъ мы; и греки говорили: μωρότερος πρόβατου (Mac. VI 8). Такія поговорки очень древни; еще во фрагментахъ Кратина встрѣчается сравненіе глупаго человека съ овцой: 'Ο δ' ἡλίθιος ὡς περ πρόβατον βῆ βῆ λέγων βαδίζει (Bothe Poet. com. Graec. fragm. p. 13; Th. Rock I p. 25). У Аристофана одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ, что ему представилось собраніе барановъ, засѣдающихъ на Пниксѣ, разумѣя подъ баранами афинянъ²⁾. Діогенъ синопскій называлъ богатаго неуча бараномъ съ золотымъ руномъ (Diog. Laert. VI § 47). Катонъ Старшій сравнивалъ римлянъ съ овцами за ихъ стадные инстинкты (Plut. vit. Cat. M. 8). Изъ одного мѣста у Сенеки видно, что названіе *баранъ*, да еще *морской* (?) у древнихъ считалось оскорбительнымъ: Chrysippus ait quendam indignatum, quod illum aliquis *vervecem marinum* dixerat (Sen. de const. sap. 17; ср. у Petron. 57: *quid rides vervec?*).

¹⁾ Фукидидъ (II 28) упоминаетъ о Каркинѣ, афинскомъ стратегѣ во время Пелопоннесской войны.

²⁾ Arist. Vesp. 31 sq. Cf. ero же Plut. 922 προβατίου βίον (ζῆν) и schol. ἀντὶ τοῦ μωροῦ καὶ ἀνοήτου. Suid. II 2, p. 416—417.

Съ другой стороны, овца и ягненокъ служили синонимомъ *кротости*, какъ и у насъ: выраженіе — ἀρνίου μαλαχώτερος встрѣчается въ отрывкѣ *Филиппида*, писателя новой комедіи (*Th. Kock. III* p. 310), а изъ римскихъ писателей у Теренція: *placidus quasi ovis* (*Ter. adelph. 534*). Другія сравненія человѣка съ животными см. подъ № 212.

45. Пословица — старый, что малый, дважды глупъ, или *старъ да малъ дважды глупъ* (Даль 371; IV 324) представляетъ примѣръ не совсѣмъ правильной парафразы греческой очень распространенной пословицы — Δὶς παῖδες οἱ γέροντες, которая у пареміографовъ приводится съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν πρὸς τὸ γῆρας εὐηδεστέρων, т. е. „старикъ—вторично дѣти: говорится про тѣхъ, которые въ старости глупѣютъ“. Что δις здѣсь значитъ не „дважды“, а „вторично, во второй разъ“, это требуется по смыслу и доказывается замѣной слова синонимами πάλιν, αὖθις (*iterum, gursus*). Древнѣйшій источникъ пословицы — отрывокъ, приписываемый Кратину: Ἦν ἄρ' ἀληθὴς ὁ λόγος ὥς δις παῖς γέρων (*Bothe* p. 12. *Th. Kock I* p. 20). Затѣмъ подобная же сентенція встрѣчается въ одномъ изъ фрагментовъ Софокла: πάλιν γὰρ αὖθις παῖς ὁ γηράσκων ἀνὴρ (*Soph. frgm. 214 ed. Ahrens*); далѣе, пословица приводится Аристофаномъ (*Nubb. 1417* и *Schol. ad. Eq. 1107 [1096]* и Платономъ: ὁ γέρων δις παῖς γίγνεται ἄν (*Plat. legg I 646 A*), позднѣе — пареміографами ¹⁾, далѣе — Лукіаномъ: παλιμπαιδας τοὺς γέροντας γίγνεσθαι (*Luc. Saturn. 9*), Климентомъ Александрійскимъ (*Strom. VI 2* p. 265 *Sylb.*), латинскимъ поэтомъ Авзоніемъ, который цитируетъ ее по гречески (*Auson. liber protrept. ad. Nep. ed. Peiper. Lips. 1886* p. 216) и позднѣйшими, напр. византійскимъ хронистомъ XII вѣка Константиномъ Манассомъ въ его *Compend. chron. v. 6350* (*ed. Beck. Bonnæ 1837*, p. 270). На латинскомъ языкѣ также извѣстна эта сентенція, напр. у Плавта можно указать подобныя мѣста: *ajunt solere eum (senem) repuerascere* (*Merc. 296*); *Hic illést senecta aetate factüst puer* (*Trin. 43*). Позд-

¹⁾ Diog. IV 18; App. provv. IV 68; Suid. II 95; Greg. Cypr. Leid. I 89; Macar III 31; Apost. VI 27.

нѣе она встрѣчается въ дистихахъ Діонисія Катона: *Nam quicumque senet, puerilis sensus in illo est* (Dicta Catonis IV 18, ed. Némethy. Budap. 1895).

ХII. Ферекратъ.

46. Наша поговорка — *съ ободраннаго шкуру дерешь* (Даль 116) буквально соотвѣтствуетъ греческой: Ἐκδεδαρμένον δέρεис, а вмѣсто нашего вола (съ одного вола двѣ шкуры драмъ) греки ставили собаку: Κόνα δέρειν δεδαρμένην¹⁾. Что изрѣченіе принадлежитъ Ферекрату, одному изъ поэтовъ древней аттической комедіи, на это есть указаніе у Аристофана (Lysistr. 158 τὸ τοῦ Φερεκράτους, κόνα δέρειν δεδαρμένην), у котораго оно приводится, однако, въ специфическомъ значеніи²⁾. Поэтому нѣкоторые пареміографы несовсѣмъ ясно представляютъ себѣ смыслъ Ферекратава изрѣченія (ἐπὶ τῶν μίτην τι ποιοῦντων—Diogen.); впрочемъ, Свида и Григорій Кипрезій даютъ объясненія, болѣе подходящія къ смыслу нашей поговорки; εἰρήται δὲ ἐπὶ τῶν ἄλλο (можетъ быть, ἄλλως) πασχόντων αὐδῆς ἐφ' οἷς πεπίνθασιν (Suid.), т. е. „говорится о тѣхъ, которые вторично поплачиваются за вину, за которую уже понесли наказаніе“, или ἐπὶ τῶν καχομένων τοὺς ἐν συμφораῖς (Greg. Curg.)—„о тѣхъ, которые обижаютъ людей и безъ того несчастныхъ“.

ХIII. Пиндаръ.

47. *Лучше жить въ зависти, чѣмъ въ жалости*—очень распространенная въ новѣйшихъ языкахъ пословица³⁾—ведетъ начало изъ

¹⁾ Diog. V 85; Suid. I 2 p. 125 и II 454; Gr. Curg. II 44; cod. Mosq. III 17; Apost. VI 87 и X 29.

²⁾ Cf. Schol. ὁλίγοις χρήσασθαι καὶ ἀποδέρειν τὰ ἀποδεδαρμένα σκύτῃ и Th. Kock Com. att. frgm. I p. 199; L. Bauck De proverbiis... apud Aristophanem com. Regim. 1880 p. 20.

³⁾ Даль 741; I 576; славянскія параллели (чешская, сербская и хорватская) приведены у Челяковского 109—110. Французы говорятъ: *Il vaut mieux faire envie que pitié*, нѣмцы: *besser Neider als Bemitleider*.

отдаленной древности: источникъ ея—одно мѣсто въ пиндійскихъ гимнахъ Пиндара, имѣющее видъ общей сентенціи или proverbіальнаго выраженія, а именно: *κρέσσον γὰρ οἰκτιρμοῦ φθόνος* Pind. Pyth. I 164). Сентенцію эту повторилъ Геродотъ, вложивъ ее въ уста Періандру въ слѣдующемъ видѣ: *φθονέεσθαι κρέσσον ἐστὶ ἢ οἰκτεῖρασθαι* (Herod. III 52), т. е. „лучше быть предметомъ зависти, чѣмъ состраданія“. Изрѣченіе Пиндара не попало въ сборники пословицъ, хотя позднѣйшіе пареміографы вносили въ нихъ замѣчательныя изрѣченія поэтовъ. У римлянъ также не было подобной поговорки; сентенціи въ родѣ: *praestare invidiam dico misericordiae*, или *invidiosum esse praestat, quam miserabilem*, приписываемыя нѣкоторыми Публилію Сиру, вовсе не принадлежать знаменитому римскому мимोगрафу; вторая изъ нихъ, не болѣе, какъ переводъ геродотовской фразы, принадлежитъ Еразму (adag. IV 4, 87). Откуда заимствована наша пословица, прямо ли изъ греческихъ источниковъ, или изъ какого нибудь славянскаго сборника, или отъ западныхъ народовъ, неизвѣстно.

XIV. Эсхилъ.

48. *Трудно противу рожна прати*—поговорка, вошедшая въ нашъ живой языкъ (Даль IV 101), безъ сомнѣнія, изъ славянскаго перевода Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ она приводится при описаніи обращенія Савла (Дѣян. Ап. IX 5 и XXVI 14): *жестоко ти естъ противу рожну прати*, греч.: *σκληρόν σοι πρὸς κέντρα λαχτίζειν*. Поговорка—*πρὸς κέντρα λαχτίζειν* принадлежитъ къ очень древнимъ и произошла отъ обыкновеннаго въ древности способа погонять быковъ острымъ шестомъ или стрекаломъ (*κέντρον*, *stimulus*, рожѣнтъ: оттапливая ногою стрекало, быкъ ранилъ самого себя. Въ житейскомъ смыслѣ пословица означаетъ: идти противъ сильнаго, или бороться противъ общаго теченія значить ухудшить свое положеніе¹⁾). Древнѣйшіе лите-

¹⁾ Erasm. adag. I 3, 46: *contra stimulos jactare calcem est frustra repugnare iis, quos vincere nequeas, aut eos provocare, qui lacerant, aut reluctari fatis et incommodum, quod evitare non queas, impatienter ferendo non solum non effugere, v. rum etiam conduplicare.*

ратурные источники ее—Эсхилъ и современникъ его—Пиндаръ¹⁾. Затѣмъ она встрѣчается у Еврипида (Vasch. 795) и позднѣе во всѣхъ почти сборникахъ пареміографовъ²⁾. У римлянъ—*contra stimulos calces* (или *calcitrare*) была также употребительная поговорка, безъ сомнѣнія, какъ переводъ греческой: въ первый разъ она встрѣчается у Теренція, любившаго пересаживать греческія выраженія на римскую почву, въ слѣдующемъ видѣ: *advorsum stimulum calces* (Ter. Phorm. 78), между тѣмъ какъ до него Плавтъ, передѣлавъ ее по своему: *si stimulos pignis caedis, manibus plus dolet* (Plaut. Trucul. 768), т. е. „если кулакомъ ударишь по рожну, больше боли причинишь рукавъ“³⁾.

49. У Эсхила (въ Евменидахъ) встрѣчается одно выраженіе, напоминающее нашу поговорку: не пью въ колодезь, случится напиться (Даль III 125) съ вариантомъ: не мути водою, случится напиться, именно: $\beta\omicron\rho\beta\omicron\rho\omega\ \delta\delta\omega\rho\ \Lambda\alpha\mu\pi\rho\delta\nu\ \mu\alpha\iota\omega\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\delta\omicron\tau'\ \epsilon\upsilon\rho\eta\sigma\epsilon\iota\varsigma\ \kappa\omicron\tau\omicron\nu$ (Aesch. Eumen. 694—695), т. е. „мутя грязью свѣтлую (чистую) воду. ты потомъ не найдешь питья“. Нельзя, конечно, утверждать, что именно Эсхилевскій стихъ послужилъ прототипомъ нашихъ поговорокъ, такъ какъ существуетъ нѣкоторая разница между греческимъ и нашимъ способомъ выраженія (хотя въ сущности только кажущаяся), но то обстоятельство, что стихъ этотъ позднѣе сдѣлался proverbiallyмъ выраженіемъ и вошелъ во всѣ главнѣйшіе сборники⁴⁾, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что наша поговорка заимствована изъ одного изъ греческихъ источниковъ, при чемъ изрѣченіе Эсхила въ свободной передачѣ переводчика, или въ устахъ народа подверглось нѣкоторому измѣненію. Къ римлянамъ и къ запад-

¹⁾ Aeschyl. Agam. 1624 $\pi\rho\varsigma\ \kappa\epsilon\nu\tau\rho\nu\ \mu\grave{\eta}\ \lambda\acute{\alpha}\chi\tau\iota\zeta\epsilon$ и Prometh. V. 323 $\pi\rho\varsigma\ \kappa\epsilon\nu\tau\rho\nu\ \kappa\omega\lambda\omicron\nu$ (pedem) $\acute{\epsilon}\chi\tau\epsilon\nu\epsilon\iota\varsigma$. Pind. Pyth. II 172—174 $\kappa\omicron\tau\iota\ \kappa\epsilon\nu\tau\rho\nu\ \delta\epsilon\ \tau\omicron\iota\ \Lambda\alpha\chi\tau\iota\zeta\epsilon\mu\epsilon\nu\ \tau\epsilon\lambda\epsilon\theta\epsilon\iota$ $\cdot\omicron\lambda\iota\sigma\theta\eta\rho\varsigma\ \omicron\iota\mu\omicron\varsigma$.

²⁾ Zenob. V 70; Diog. VII 84; Suid. II 2 p. 472; Greg. Cyr. III 46; Macar. VI 44; Apost. XIV 100.

³⁾ Мѣста позднѣйшихъ латинскихъ авторовъ съ тою же поговоркою приведены у Отто подъ № 1693.

⁴⁾ Zenob. II 76; Diogen. III 55 (cod. Vind. II 7); Suid. I p. 1009 sq; Greg. Cyr.; cod. Leid. I 68; Macar. II 84.

но-европейскимъ народамъ эта пословица, кажется, не проникла. Въ книгѣ Челяковского (стр. 51) дается указаніе, что поговорка наша находится и въ Талмудѣ.

50. Наша метафора—закусить удила, принимаемая къ человеку, обнаруживающему неудержимую стремительность и упорное сопротивление, ведетъ начало отъ греческой трагедіи: у Эсхила Прометей сравнивается съ невыѣзженнымъ молодымъ конемъ, закусившимъ удила: *δακὼν δὲ στόμον ὡς νεοζυγῆς Πῶλος βιάζει καὶ πρὸς ἡνίας μάχει* (Aeschyl. Prom. 1009 sq.). Римлянамъ также была извѣстна эта метафора: изъ поэзіи она перешла у нихъ въ прозу и встрѣчается въ письмахъ Цицерона: *frenum tomordi* (Cic. ad. fam. XI 24).

51. Что смѣлый человѣкъ дѣйствуетъ не самъ по себѣ, а съ помощью божественной силы, какъ гласитъ наша поговорка: *смѣлымъ Богъ властвуетъ* (Даль IV 246),—такой взглядъ былъ очень популярнымъ въ древности, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленные поговорки, гласящія, что смѣлому помогаетъ Божество, или Фортуна. Древнѣйшія изрѣченія въ этомъ родѣ принадлежатъ греческимъ трагикамъ: *ὁταν σπεύδῃ τις αὐτός, ὡς θεὸς συνάπτεται*¹⁾. Далѣе, у Менандра встрѣчается стихъ: *τόλμῃ δικαίᾳ καὶ θεὸς συλλαμβάνει* (Men. frgm. inc. 47 Dübner. ed. D. Didot p. 61): „дерзающему за правду и Богъ помогаетъ“. Изъ множества латинскихъ сентенцій болѣе извѣстны: *fortis Fortuna adjuvat* (Ter. Phorm. 203) и *Audentes deus ipse juvat* (Ovid. met. X 586).

XV. СОФОКЛЪ.

52. Поговорка—писать на водѣ, или на пескѣ (Даль 480) означаетъ напрасный, бесполезный трудъ, напр. *дурака учить, что на водѣ писать*. Такія поговорки были очень употребительны у грековъ; обыкновенное выраженіе было: *καθ' ὕδατος* (или *εἰς ὕδωρ*) *γράφειν*, *εἰς τέφραν γράφειν*²⁾. Чаще всего это выраженіе принималось къ пу-

¹⁾ Aesch. Pers. 742. cf. Soph. frgm. 666 Dind., 753 Ahr. и Apost. XIII 36 a.

²⁾ Diog. V 88; Plut. provv. Boisson. 5; Suid. I 2 pp. 558, 562, 793 и II 27 съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν μάτῳ ποιοῦντων, Масар. IV 95 и V 50.

стымъ обѣщаніямъ и клятвамъ вѣроломныхъ людей, особенно женскимъ, какъ у насъ говорится: *ею елова на водъ пиши* (Даль 716), т. е. не придавай имъ никакого значенія (срви: *это вилами на водъ писано* Даль 302); то же гласитъ стихъ, приписываемый Софоклу, — древнѣйшій литературный источникъ поговорки: Ὀρχοὺς ἐγὼ γυναικῶς εἰς ὄψωρ γράφω (Soph. frgm. 694 Dind., 769 Ahrens). Выраженіе ἐν ὄψωι γράφειν встрѣчается и у Платона (Phaedr. 276 C). Одинъ изъ моностиховъ Менандра также довольно близко подходитъ къ нашей поговоркѣ: Ἀνδρῶν δὲ φαύλων ὄρχον εἰς ὄψωρ γράφε¹⁾. Изъ позднѣйшихъ греческихъ писателей поговорка встрѣчается у Лукіана (catapl. s. tyran. 21), а изъ римскихъ у Катуллa: sed mulier cupido quod dicit amanti, *In vento et rapida scribere oportet aqua* (Catull. 70, 3 sq.). Французы говорятъ: *écrire sur la sable*, нѣмцы: *schreibe ich in den Rauch, in den Schornstein*.

53. Наша поговорка — *спать соловьинымъ сномъ* (Даль IV 272), т. е. чутко, есть отраженіе весьма стариннаго представленія, будто соловей спитъ очень мало, или даже вовсе не спитъ (вечномъ); такъ, именно, думали греки еще во времена Гесиода, слѣдов., за 700 слиткомъ лѣтъ до Р. Хр., какъ мы узнаемъ изъ Эліана: λέγει Ἡσίοδος, τὴν ἀηδόνα μόνην ὀρνίθων ἀμοιρεῖν ὕπνου καὶ διὰ τέλους ἀγρυπνεῖν (Aelian. V. Н. XII 20); отсюда у нихъ возникли пословицы, примѣнявшіяся къ людямъ, потерявшимъ сонъ, или проводящимъ ночи безъ сна. Одну изъ этихъ пословицъ, — Ὅδ' ὅσον ἀηδόνες ὑπνώουσιν („они не спятъ даже столько, сколько соловьи“), Свидя приписываетъ Софоклу (Suid. I p. 127), но въ сохранившихся трагедіяхъ и фрагментахъ Софокла намъ не удалось найти подобнаго выраженія. Въ сборникахъ пареміографовъ встрѣчаются слѣдующіе варианты: οὐδ' ὅσον ἀηδόνες ὕπνοι²⁾ ἐπὶ τῶν ἀγρυπνούντων, οὐδ' ἀηδόνιον κατέδαρθον, οὐδ' ὅσον ἀηδόνες ὑπνώσσοουσιν²⁾.

¹⁾ Menandr. mon. 25 Meineke Frgm. com. Gr. IV p. 341; cf. Macar. VI 48 Apost. VI 56 и 80.

²⁾ App. provv. IV 41; Macar. VI 69; Apost. XIII 52.

XVI. Еврипидъ.

54. *Дай Богъ, чтобы земля на немъ легкимъ пухомъ лежала* (Даль 298, малорусск. у Ном. 251), говорить мы о покойникѣ; такое же пожеланіе умершему существовало и у грековъ. Древнѣйшая формула находится у Еврипида: *κούφα σοι χθών ἐπάνωθε πέσοι* (Eurip. Alcest. 463). Надписи надгробныя представляютъ слѣдующіе варианты:

βῶλός σοι κούφα Ἐλεφνηνорίς ὅσ τεα χρούτοι ¹⁾

ἀλλ' ἔστω σοι ὁ πᾶς κούφος λίθος ²⁾.

κούφη σοι κόνις ἦδε πέλοι ³⁾.

Еще одна формула — *κούφη γῇ τοῦτον καλύπτει* съ длиннымъ и туманнымъ объясненіемъ находится у Свида (II 366). У пареміографовъ этой поговорки нѣтъ. У римлянъ формула — *sit tibi terra levis* была очень употребительна и часто встрѣчается на надписяхъ (S. T. T. L.) и у писателей, напр., у Тибулла: *bene — placideque quiescas Terraque securae sit super ossa levis* (Tibull. II 5, 49—50) и Овидія: *Et sit humus cineri non onerosa tuo* (Ov. amor. III 9, 68).

55. ~~Первона литературно слѣди~~ извѣстной на всѣхъ языкахъ сентенціи — ~~друга познается въ бѣдѣ~~ (Даль III 239) находятся у Еврипида: *Ἐν τοῖς κακοῖς γάρ ἀγαθοὶ σαφᾶστατοι Φίλοι* (Eurip. Нес. 1226, cf. Orest. 454 sq.). Болѣе извѣстно изрѣченіе Еннія, цитируемое Цицерономъ: *Ennius recte: amicus certus in re incerta cernitur* (Cic. de amic. 17, § 64). Подобныя сентенціи встрѣчаются и у другихъ авторовъ, напр. у Публилія Сира: *Amicum an pomen habeas, aperit calamitas* и Петронія: *veri autem in angustiiis amici apparent* ⁴⁾. Срвн. № 197.

56. Наша пословица — *плохое начало* (началишко у Дала II 509) не къ доброму коницу находятъ довольно близкую аналогію въ

¹⁾ Epigrammata graeca ex lapidibus conlecta. Ed. G. Kaibel Berol. 1878, № 103 (Chalcide Euboeae, до Р. Xp.).

²⁾ ibid № 538 (circa Theodosiam, II в. по Р. X.).

³⁾ ibid. № 551 (R mae, II или III вѣка).

⁴⁾ P. Syri sent. 42; Petron. 61.

изрѣченіи, приписываемомъ Еврипиду: *Κακῆς ἀπ' ἀρχῆς γίγνεται τέλος κακόν* (Eurip. fragm. 36 ed. Wagn. p. 629), собств: „отъ плохаго начала происходитъ плохой конецъ“.

57. Слова Тиресія у Еврипида—*μῶρα γὰρ μῶρος λέγει* (Eurip. Vascch. 369) въ позднѣйшихъ источникахъ приводятся, какъ провербiальное выраженіе¹⁾ и соотвѣтствуютъ нашей поговоркѣ: *у дурака дурацкая и рѣчь* (Даль I 517). Общее положеніе—„каковъ чело-вѣкъ, такова его и рѣчь“, *qualis homo, talis ejus oratio*, Цицеронъ приписываетъ Сократу²⁾.

58. Въ нашемъ Духовномъ Регламентѣ (въ I части на 3 листѣ) сказано: „древнее пословіе есть греческое: *δρῦνιε νομῖςμυ μωδρῖνι-шїе сῦтѣ первыхъ*³⁾. Интересно въ такомъ документѣ, какъ Духов-ный Регламентъ, встрѣтити ученую цитату,—изъ Еврипидова Гиппо-лита: *αἱ δευτεραί πως φροντίδες σοφώτεραι* (Eurip. Hippol. 436). Но мы не будемъ удивляться этому, если вспомнимъ, что авторъ Регла-мента, ученый сподвижникъ Петра Великаго (который и самъ любилъ пословицы), былъ воспитанникъ Кіевской Академіи, закончившій об-разование въ римскомъ іезуитскомъ Коллегіумѣ и, слѣдов., хорошо знакомый съ греческими и римскими писателями,—разумѣемъ Теофана Прокоповича. Цитата эта взята или прямо изъ подлинника, или же изъ сборника Апостолія-Арсенія (I 59 с.), въ которомъ приводится упомянутый стихъ Еврипида; третьяго источника нѣтъ. Стихъ этотъ у грековъ не былъ собственно пословицей,—кромѣ Апостолія, въ дру-гихъ сборникахъ его нѣтъ, но онъ находится въ родствѣ съ настоя-щей греческой пословицей, довольно извѣстной не только въ специ-альныхъ сборникахъ (напр. Zenob. III 15), но и у авторовъ (напр. Plat. legg. V 723 DE): *Δευτέρων ἀμεινόνων*, которую можно пере-вестъ такъ: второй опытъ бываетъ удачнѣе перваго⁴⁾. Римлянамъ

¹⁾ Apost. - Ars. XI 98 а *Μωρὰ μωρος λέγει* и Erasm. adag. I 1, 92 *stultus stulta loquitur*.

²⁾ Cic. Tuscul. V 16, 47; тоже Sen. de mor. 73.

³⁾ См. И. Сигирева Русскіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831, I стр. 79.

⁴⁾ Пословица произошла отъ того, что послѣ первой неудачной жертвы приносили вторую, которая лучше удавалась (δευτέρων т. е. ὑσσιών).

былъ извѣстенъ еврипидовскій стихъ въ передачѣ Цицерона: *posteriores cogitationes* (ut ajunt) *sapientiores solent esse* (Cic. Phil. XII 2, § 5).

XVII. Анонимъ.

56. *Кого Богъ хочетъ погубить, у того умъ отнимаетъ*—пословица, извѣстная уже въ древне-русской письменности, именно, въ Ипатьевской лѣтописи, въ слѣдующей формѣ: „Богъ егда хочетъ показнати челоуѣка, отнимаетъ у него умъ“¹⁾. Сентенція эта ведетъ начало изъ глубокой древности. Что божество иной разъ отнимаетъ у челоуѣка здравый смыслъ,—такое представленіе можно указать уже у Гомера (II. VI 234; XVII 470). Но прототипомъ нашей поговорки можетъ считаться фрагментъ изъ трагедіи неизвѣстнаго автора:

ὅταν δ' ὁ δαίμων ἀνδρὶ πορσύνῃ κακὰ,
τὸν νοῦν ἐβλάφει πρῶτον, ὃ βουλεύεται²⁾,

т. е., когда божество готовитъ челоуѣку несчастье, то прежде всего отнимаетъ у него умъ, которымъ онъ разсуждаетъ“. Подобныя же сентенціи можно найти у Софокла (Antig. 622—625), у оратора Лисурга, который въ рѣчи своей противъ Леократа цитируетъ слѣдующіе стихи неизвѣстнаго поэта:

Ὅταν γὰρ ὀργὴ δαιμόνων βλάβῃ τινα,
τοῦτ' αὐτὸ πρῶτον ἐξαφαιρεῖται φρενῶν
τὸν νοῦν τὸν ἐσθλόν, εἰς δὲ τὴν χεῖρ' αὖ τρέπει
Γνώμην, ἣν' εἰδῶν μηδὲν ὦν ἀμαρτάνει³⁾.

т. е. „когда гнѣвъ боговъ постигаетъ челоуѣка, то прежде всего божество отнимаетъ у него здравый смыслъ и даетъ превратное направленіе его мыслямъ, чтобы онъ не признавалъ своихъ ошибокъ“. Вѣро-

¹⁾ М. Михальсонъ. Мѣтки и ходячія слова. Спб. 1894, стр. 201. Славянскія поговорки у Челяк. 205; Ном. 6173.

²⁾ Frgm. Eurip. ed. Wagner. Paris. 1846; anonym. trag. frgm. 186 p. 183, cf. frgm. 106 p. 173.

³⁾ Lycurg. contra Leocrat. cap. 21, p. 198 Reisk.

ятно, изъ греческихъ источниковъ произошла сентенція Публилія Сира: *stultum facit Fortuna, quem vult perdere* (P. Syri 612).

ХVШ. Геродотъ.

60. Аксіома—*глазъ вѣрнѣе уха*, откуда произошло правило: *не вѣрь ушамъ, вѣрь очамъ* (Даль I 341), была давно высказана греческими писателями. Въ первый разъ у Геродота встрѣчается изрѣченіе (влагаемое въ уста царю лидійскому Кандавлу): *ὅτα γὰρ τοῦ χιναῖ ἀνδρώποισι εἶντα ἀπιστότερα ὀφθαλμῶν* (Herod. I 8), т. е. „уши для человѣка не столь вѣрные показатели, какъ глаза“. Въ томъ же смыслѣ у грековъ была другая сентенція: *ὀφθαλμοὶ τῶν ὧτων ἀκριβέστεροι μάρτυρες* („глаза болѣе достовѣрные свидѣтели, чѣмъ уши“), которую нѣкоторые приписывали философу Гераклиту, жившему почти столѣтіемъ раньше Геродота; но, кажется, это недоразумѣніе произошло отъ смѣшенія именъ Геродота и Гераклита въ текстѣ Полибія (XII 27, 1); наконецъ, аналогичное изрѣченіе—*ὅψις γὰρ ὧτων χρεῖστέρα πᾶσι* нѣкоторые относятъ къ числу фрагментовъ Софокла, современника Геродота (*Bachr ad. Herod. I 8*). Но авторскія права все же должны остаться за Геродотомъ, такъ какъ ихъ признавали сами древніе; по крайней мѣрѣ, Лукіанъ положительно высказывается въ пользу Геродота: *Ἡροδότῳ μὲν οὖν τὰ δι' ὀμμάτων φαίνόμενα πιστότερα εἶναι τῶν ὧτων δοχεῖ¹⁾*: „итакъ, явленія, воспринимаемыя зрѣніемъ, Геродотъ считаетъ болѣе достовѣрными, чѣмъ впечатлѣнія органа слуха“. Какъ пословицу, изрѣченіе Геродота приводитъ одинъ Апостолій (XVIII 71). Римскіе писатели ту же сентенцію выражали различными способами, напр. Плавтъ: *Pluris est oculatus testis unus, quam auriti decem* (Plaut. Trucul. 490), т. е. „больше значить одинъ очевидецъ, чѣмъ десять свидѣтелей, знающихъ только по слуху“; Сенека: *homines amplius oculis, quam auribus credunt* (ep. I 6, § 5); о преимуществѣ зрѣнія передъ слухомъ, вслѣдствіе большей скорости свѣта сравнительно со скоростью звука, говоритъ Сенека въ

¹⁾ Luc. de salt. 78; cf. de oeco 20 и quom. hist. conscrib. 29.

другомъ мѣстѣ (pat. qu. II 12, 6). Въ противоположномъ смыслѣ, о нѣкоторыхъ преимуществахъ слуха предъ зрѣніемъ высказывается Страбонъ (II сар. 5, р. 117, § 11).

61. Рука во многихъ языкахъ служитъ символомъ власти, могущества: *у него доляя руки*, говоримъ мы, т. е. онъ далече достанетъ (Даль I 473); *у большаго человѣка руки доли* (Даль IV 111); серб. *у кралева су дуге руке* (Челяв. 321); наоборотъ, *коротки руки*, говоримъ мы человѣку, не имѣющему власти или возможности сдѣлать что нибудь. Такія же выраженія у грековъ и римлянъ употреблялись съ давняго времени. Еще у Геродота о царѣ персидскомъ говорится: καὶ γὰρ δυνάμεις ὑπὲρ ἀνθρώπων ἡ βασιλεὺς ἐστὶ καὶ χεῖρ ὑπερμήκης (Herod. VIII 140); поэтому, эпитетъ μακρόχειρ (долгорукій) былъ примѣнимъ ко всѣмъ персидскимъ царямъ, но историки приурочили его къ одному Артаксерксу I, большею частью, ошибочно понимая его въ смыслъ физическаго недостатка, несоразмѣрной длины рукъ (H. Stein къ Herod. VIII 140). У римскихъ писателей также встрѣчается эта метонимія, напр. у Овидія: *An nescis longas regibus esse manus*¹⁾. Позднѣе у грековъ была даже поговорка: μακρὰι τοῦ ἀννῶν χεῖρες (ἐπὶ τῶν ἀγαν δυναμένων), но она приводится только въ одномъ сборникѣ: Apost. XI 7 а.

62. Образное выраженіе—*царское око* въ примѣненіи къ царскимъ наместникамъ (Даль II 686), также какъ и аналогичное ему выраженіе—*царское ухо* были извѣстны грекамъ: βασιλέως ὀφθαλμοί и βασιλέως ὦτα говорили греки для обозначенія особыхъ чиновниковъ персидскаго царя, имѣвшихъ назначеніе все развѣдывать и обо всемъ доносить царю. Выраженія эти встрѣчаются у Геродота (I 114), Аристофана (Acharn. 92), Ксенофонта (Сугор. VIII 2,10 sqq.), Аристотеля (Polit. III сар. 11 или 16, § 9), Плутарха (Artax. 12 и de curiosit. 16), Лукіана (adv. ind. 23 и de merc. cond. 29), Апулея²⁾ и Филострата (vit. Apoll. Tyran. I 23). Кромѣ того, βασιλεὺς

¹⁾ Ov. her. XVII 166; cf. Sen. ep. XI 3 (82) § 5.

²⁾ Apul. de mundo 26, ed. Hildebr. Lips. 1843 p. 278.

ὀφθαλμός, какъ proverbium, вошло въ нѣкоторые сборники пословицъ (Append- provv. I 49 и Apost. IV 81).

XIX. Фукидидъ.

63. Что миръ пріобрѣтается войною,—это давно сознанная истина; уже у Фукидида встрѣчается подобная сентенція: ἐκ πολέμου μὲν γὰρ εἰρήνη μᾶλλον βεβαιοῦται (Thucyd. I 124): „войною миръ болѣе укрѣпляется“; также у римскихъ авторовъ (историковъ у поэтовъ), напр., *paritur pax bello* у К. Непота (Eram. 5,4); *saevis pax quaeritur armis* у Стація (Theb. VII 554). Оборотъ рѣчи, приближающійся къ позднѣйшей латинской поговоркѣ—*si vis pacem, para bellum*, мы находимъ впервые у Цицерона (Philipp. VII 6, 19): *si pace frui volumus, bellum gerendum est*: „если мы хотимъ наслаждаться благами мира, должны вести войну“. Но настоящимъ прототиномъ, по которому составленъ вошедшій во всеобщее употребленіе латинскій афоризмъ, находится у военнаго писателя IV вѣка по Р. Хр., Веллеція, въ предисловіи къ его трактату (Epit. inst. rei milit. praef. 3): *Qui desiderat pacem, praeparet bellum*. Въ переводѣ на національный языкъ афоризмъ этотъ существуетъ у чеховъ: *Kdo chce pokoji, hotov se k boji* и (по-тому же образцу) у русскихъ: *хотя покою, готовься къ бою* (у Челяк 369).

XX. Аристофанъ¹⁾.

64. Въ смыслѣ нашей пословицы—ловить рыбу въ мутной водѣ, т. е. пользоваться замѣшательствомъ въ дѣлахъ для достиженія личныхъ выгодъ, греки говорили: „ловить угрей“ (ἐγχελεῖς θηρᾶσαι); именно, у Аристофана въ одномъ мѣстѣ говорится о любителяхъ угрей (οἱ ἐγχελεῖς θηρώμενοι), „которые при спокойномъ состояніи озера ничего не могутъ поймать, но, взбаламучивая тину

¹⁾ Специальное сочиненіе: De proverbiis aliisque locutionibus ex usu vitae communis petitis apud Aristophanem comicum. L. Bauck. Regim. 1880.

(вверхъ дномъ), успѣшно ловить добычу; также точно можно дѣйствовать на политическомъ поприщѣ, заводя смуты въ государствѣ¹⁾. Впрочемъ, аристофановское выраженіе лишь позднѣе получило провербiальный характеръ; а первоначально „охотники на угрей“ было не болѣе, какъ крылатое слово Аристофана. Оно не вошло въ спеціальныя сборники пословицъ и неизвѣстно въ римской литературѣ²⁾. Только у Свиды (лексикографа X вѣка) два раза приводится изрѣченіе Аристофана и трактуется какъ proverbium, хотя и безъ указанія на источникъ (Suid. I 2 p. 97 и II 2 p. 1050). Происшедшая изъ него пословица извѣстна въ славянскихъ и западно-европейскихъ языкахъ, напр. польск. *W odmęcie ryby najlepiej się lowią*, чешск. *Snaze jest v kalne vode ryby loviti* (Челяк. 360); франц. *pêcher en eau trouble* (*Eau trouble, gain du pêcheur*). Изъ того обстоятельства, что римляне не знали этой пословицы, можно заключить, что она перешла къ славянамъ не съ Запада, а, скорѣе, совершила обратный путь,—съ Востока на Западъ. Интересно, что Петръ Великій въ одномъ изъ своихъ указовъ (17 апрѣля 1722 г.) принималъ эту пословицу къ дыкамъ, своекорыстно толковавшимъ законы, „дабы въ мутной водѣ рыбу ловить“³⁾.

65. Въмѣсто нашего журавля въ пословицѣ—*журавль въ небѣ не добыча* (Даль I 563), греки ставили орла: *ἀετός ἐν νεφέλαις* т. е. „орелъ въ небѣ (въ облакахъ)“, по объясненію пареміографовъ, *ἐπὶ τῶν δυσάλωτων*—о томъ, что трудно поймать⁴⁾. Пословица встрѣчается у Аристофана (Equ. 1013 и Av. 978) и, по словамъ схоли-

¹⁾ Ὅπερ γὰρ οἱ τὰς ἐγγύχαις θηρώμενοι πεπόνθασ', Ὅταν μὲν ἡ λίμνη καταστῇ, λαμβάνουσιν οὐδέν, Ἐάν δ' ᾖνω τε καὶ κάτω τὸν βόρβορον κυκῶσιν, Αἰρούσι, καὶ σὺ λαμβάνεις, ἢν τὴν πόλιν ταράττης.. (Arist. 864—867; Equ. cf. Nub. 559).

²⁾ Латинскій стихъ—*Turbato melius capiuntur flumine pisces* позднѣйшаго происхождения. Въ упомянутомъ сочиненіи *Баука* читатель напрасно будетъ искать какъ этого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ выраженій Аристофана, получившихъ значеніе пословицъ въ славянскихъ языкахъ.

³⁾ *Ив. Снегиревъ* Рус(с)кіе въ своихъ пословицахъ. III, 269.

⁴⁾ Zenob. II 50; Diog. I 67; Suid. I p. 119 и I 2 p. 22; Greg. Cyr. I 20; Масар. 40; Apost. I 45.

аста, ведетъ начало отъ оракула, даннаго афинскому народу (cf. Plut. Demosth. 19).

66. Кто заварилъ кашу, тотъ и расхлебывай (Даль 181; II 100), т. е. зачинщикъ или виновникъ какого нибудь непріятнаго дѣла пусть и отвѣчаетъ или поплачивается за него. Греки въ томъ же смыслѣ говорили: ἦν τις ἐμαζε μᾶζαν, ταύτην καὶ ἐσθιέτω (Масар. IV 50): „кто замѣсилъ тѣсто, тотъ и ѣшь его“. Кромѣ Макарія, поговорка не встрѣчается у другихъ пареміографовъ и, повидимому, принадлежитъ не къ книжнымъ цитатамъ, а къ народнымъ изрѣченіямъ и притомъ, кажется, очень древнимъ; по крайней мѣрѣ, μᾶζαν μαμαχῆναι въ метафорическомъ значеніи находится уже у Аристофана (Есх. 55; см. schol.). Относительно слова μᾶζα нужно замѣтить, что, кромѣ тѣста (именно, ячменнаго), оно означало, по объясненію Сви-ды¹⁾, пищу изъ молока и яшннхъ зеренъ или крупъ (σίτος), слѣдовательно, нѣчто въ родѣ нашей каши, или же раз-маз-ни²⁾. Родственный смыслъ имѣетъ и римская поговорка: *tute hoc intristi, tibi omne est exedendum*³⁾, существующая у насъ почти въ буквальномъ переводѣ: *самъ накрошилъ* (натеръ, замѣсилъ, заварилъ), *самъ и выхлебай* (Даль 122, 181; II 439).

67. Наша поговорка — силить золотыя горы (Даль 717) о щедрыхъ, но не исполнимыхъ обѣщаніяхъ, известная, впрочемъ, и въ другихъ новѣйшихъ языкахъ⁴⁾, принадлежитъ къ очень древнимъ. У грековъ и затѣмъ у римлянъ было распространено мнѣніе о несиѣт-ныхъ сокровищахъ восточныхъ, особенно персидскихъ царей. Самое выраженіе — *золотыя горы* произошло, вѣроятно, отъ того, что золото, какъ и другіе металлы, добывалось въ горныхъ рудникахъ, богатство

¹⁾ Suid. II p. 661 Μᾶζα, χορίως ἢ τροφή ἀπὸ γάλακτος καὶ σίτου, παρὰ τὸ μᾶζεσθαι.

²⁾ Санскр. корень *masg'* (изъ *madg*) въ греч. является въ словахъ: μαγ, μαχ, μασ съ основнымъ значеніемъ *теретьъ*, потомъ — *мѣсить*, къ этому же корню принимаютъ славянскія слова: *мазати*, *масть*, *мас-ло* и т. п. Th. Bensley Griech. Wurzellexicon. Berl. 1839 — 42, I 515 и II 859.

³⁾ Ter. Phorm. 318, cf. Auson. Edyll. VII p. 115 ed. Peip.

⁴⁾ *Einem goldene Berge versprechen. Promettre monts et merveilles*. Польск. *Złote góry obiecyje, a niema i olowianych*. Серб. *Zlatna brda obećevati* (Челяк. 526).

которых и вошло въ поговорку. Древнѣйшіе слѣды этой поговорки находятся у Аристофана, у котораго въ одномъ мѣстѣ говорится о персидскомъ царѣ: *κῆχε'εν ὁκτὼ μῆνας ἐπὶ χρυσῶν ὄρεων* (Acharn. 82). Въ этихъ неудобопереводимыхъ словахъ комика нужно видѣть просто насмѣшку надъ пресловутыми „золотыми горами“, или рудниками персовъ, подобно тому какъ не менѣе пресловутый „золотой платанъ“, подъ которымъ будто бы спалъ Ксерксъ во время похода въ Грецію, сдѣлался позднѣе также предметомъ насмѣшекъ для грековъ (Xen. hist. Gr. VII 1, 38). Впрочемъ, схолиастъ Аристофана допускаетъ двойной смыслъ въ приведенномъ выраженіи: *τί τε οὐρόδοχα ἀγγεῖα ἃ φασι'ν ἀμίδας, καὶ τὰ τῆς Περσίδος ὄρια, ἐν οἷς φασι γίγνεσθαι τὸν χρυσόν*. У римскихъ комиковъ не разъ встрѣчаются „серебряныя и золотыя горы“). У Теренція есть одно мѣсто, съ буквальной точностью соотвѣтствующее нашей поговоркѣ: *is senem per epistulas Pellexit, modo pop montis auri pollicens*²⁾. Заключительно, что ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ греческихъ поговорокъ нѣтъ этой поговорки; отсюда съ нѣкоторою вѣроятностью можно заключить, что она пришла къ намъ съ Запада.

68. *Птичье молоко* у насъ означаетъ нѣчто неслыханное, невозможное: *все ешь у богатого, опричь птичьяго молока; въ Москвѣ все найдешь, кромѣ птичьяго молока* (Даль 960; III 555; малор. у Ном. 1348). У грековъ *γάλα ὀρνίδων* или *ὀρνίδιον γάλα* было очень употребительное proverbium и означало нѣчто рѣдкое и драгоценное³⁾. Его приводитъ Аристофанъ⁴⁾, Страбонъ, Петроній, Лукианъ, Аэеней и другіе писатели. Остановимся на нѣкоторыхъ текстахъ. У Аристофана *γάλα ὀρνίδων* встрѣчается нѣсколько разъ, напр. Vesp. 528 (508 ed. A. Mein.): *ἐγὼ γὰρ οὐδ' ἂν ὀρνίδων γάλα 'Αντ' τοῦ*

¹⁾ Напр. Plaut. Mil. glor. 1064; Aulul. 701; Stich. 25.

²⁾ Ter. Phorm. 68; срвн. Sallust. Cat. 23 *maria montisque polliceri* и Pers. III 65 *magnos promittere montis*.

³⁾ Diog. III 92 (cod. Vind. II 15); Plut. provv. Boiss. 38; Suid. I 1063 sq. Greg. Cyr. M. IV 71; Macar. VI 49; Apost. V 19 и VI 48 e.

⁴⁾ У писателей средней аттич. комедіи также встрѣчается *γάλα ὀρνίδων*, напр. у Мнесимаха (Athen. IX 387 b; cf. Th. Kock Com. att. fragm. II 442),

βίου λαβοίμ' ἂν οὐ με νῦν ἀποστερεῖς (cf. Av. 734 и 1673). Схολіасть къ этому мѣсту замѣчаетъ: „поговорка примѣняется къ очень богатымъ и все имѣющимъ людямъ, которые, если захотятъ, могутъ добыть себѣ даже то, что, повидимому, невозможно, какъ птичье молоко“. Это мѣсто очень напоминаетъ приведенную русскую поговорку — *все есть у богатого, oprичъ птичьяго молока*, съ тою лишь разницею, что у насъ птичье молоко признается недоступнымъ даже для богача. По словамъ Страбона (XIV 1, 15), поэты, прославлявшіе плодородіе о. Самоса, говорили, что на немъ есть даже, по пословицѣ, „птичье молоко“. У Петронія (sat. 38), при описаніи дома Трималхіона, говорится: *omnia domi nascuntur: lana, credrae (?) , piper, lacte gallinaceum si quaesieris, invenies*. Лукіанъ упоминаетъ иронически о доеніи „птичьяго молока“ рядомъ съ пресловутымъ „рогомъ Амалтеи“ (Luc. de merc. cond. 13 καὶ ἔξεις τὸ τῆς Ἀμάλθειας κέραс καὶ ἀμέλξεις ὀρνίθων γάλα). У Аѳеня, кромѣ ὀρνίθων γάλα (IX 387 b), упоминается въ томъ же смыслѣ еще „заячье и павлинье молоко“ (γάλα λαγῶ, γάλα παῶ XIV 654 f). Наконецъ, замѣтимъ, что философъ Анаксагоръ, называя яичный бѣлокъ „птичьимъ молокомъ“ (Athen. II 57 D) вовсе не имѣлъ въ виду proverbіальнаго ὀρνίθων γάλα. Въ западно-европейскихъ языкахъ, кажется, нѣтъ этого выраженія; и не удивительно: насколько многочисленны греческіе источники, изъ которыхъ „птичье молоко“ могло перейти къ намъ, настолько рѣдко попадаетъ это выраженіе у латинскихъ авторовъ, изъ которыхъ преимущественно черпали западные народы: кромѣ приведеннаго мѣста Петронія, *lac gallinaceum* встрѣчается еще только одинъ разъ, у Плинія (N. H. praef).

69. Наше выраженіе — собачья смерть (*собакъ собачья смерть* — о дурномъ человѣкѣ Даль 292; IV 258) встрѣчается и въ греческомъ, именно, у Аристофана: θάνατος μὲν οὖν κύνειος, ἦν ἀπαξ ἄλφ (Arist. Vesp. 898) и затѣмъ вошло въ сборникъ Макарія: κυνικός θάνατος· παρέρσον οἱ κύνες οὐ θάπτονται (Macar. V 38), — объясненіе совершенно въ духѣ нашего народа.¹⁾

¹⁾ Ср. нелѣпное объясненіе аристофанова схоліаста: ὅτι—χαλεπός ἐστιν ὁ τοῦ κυνὸς θάνατος. δυσχερὴς γὰρ ἀφίησι τὸ πνεῦμα.

70, Мы говоримъ о пролазѣ: онъ *невердимо* пройдетъ сквозь огонь и воду (Даль IV 199). У грековъ также было выраженіе: „пройти сквозь огонь“, часто съ прибавленіемъ „и чрезъ ножъ“ для обозначенія опаснаго, рискованнаго поступка. Выраженіе—*Διὰ μαχαίρων καὶ πυρός ῥίπτειν* δεѣ приводится у пареміографовъ (Zenob. III 19 и Apost. VI 2), какъ proverbium. Подобное выраженіе раньше всего встрѣчается у Аристофана¹⁾: *καὶ με χρῆ διὰ τοῦ πυρός ἔξιλον βαδίζειν*, т. е. „если потребуется, я готова пройти сквозь огонь“; потому во фрагментахъ *Ποσειδιππῆς* (писателя новой комедіи III вѣка до Р. Хр.) встрѣчается стихъ: *Διὰ τῶν μαχαίρων τοῦ πυρός τ' ἐξήλθεν* (Th. Kock. III p. 336 изъ Athen. XIV 662 a); еще ближе къ нашей поговоркѣ подходятъ слова неизвѣстнаго поэта, приводимыя Плутархомъ: *πῶρ καὶ θάλασσαν—περᾶν* (Plut. amat. 17). Римляне подражали грекамъ: *ire per ignes Et gladios ausim* (Ovid. met. VIII 76).

71. Наша пословица—онъ самъ своей тѣни боится²⁾, выражающая высшую степень трусости, представляетъ буквальный переводъ греческой: *Τὴν ἑαυτοῦ σκιάν δέδοικεν*, употреблявшейся въ томъ же смыслѣ (*ἐπὶ τῶν σφίδρα δειλοτάτων*³⁾). Древнѣйшимъ литературнымъ источникомъ пословицы служить одинъ изъ фрагментовъ не дошедшей до насъ комедіи Аристофана *Βαβυλώνιοι* (см. Th. Kock. Com. att. fragm. I 411); затѣмъ она приводится Платономъ и Квинтомъ Цицерономъ: *Antonius umbram suam metuit*⁴⁾.

72. Не имѣетъ ли наша поговорка — ни кола, ни двора чего нибудь общаго съ греческимъ довольно загадочнымъ выраженіемъ — μηδὲ πάσσαλον? Замѣтимъ сначала, что подъ „коло“ нашей пословицы нѣкоторые разумѣютъ полосу пахатной земли согласно съ употребленіемъ этого слова въ одной мѣстности Ярославской губерніи,

¹⁾ Arist. Lysistr. 138; cf. Xen. Mem. I 3, 9; oecon. 21,7; conv. 4, 16.

²⁾ Даль IV 461; серб. *Боимсе и сени невоге*. Челяк. 579.

³⁾ Greg. Cyr. cod. Leid. III 18; Masar. VII 67 и VIII 14; Apost. XVI 49; вѣсто этого греки говорили также; „боятся тѣни дыма“ *Καπνοῦ σκιάν δέδοικέναι* Masar. V 4.

⁴⁾ Plat Phaed. 101 D; Qu. Cic. de pet. cons. cap. II § 9.

при чемъ „дворъ“ понимается въ смыслѣ избы¹⁾; но едва ли можно на основаніи мѣстнаго употребленія слова жертвовать общепринятымъ его значеніемъ. *Колъ* (σκόλος, σκόλοψ) πίσσαλος рахиллус и ралус (изъ раg-lus, πήγνυμι, раngo), вколачиваемый въ землю, есть первый признакъ и символъ осѣдлости, жилья (πηγνύει значитъ также *строить*): *три кола вбито, да бороной покрыто*, говоритъ нашъ народъ иронически о плохомъ домохозяинѣ, или: *у нихъ въ семьѣ колъ да перетыка* (Даль 64, 645); такимъ образомъ, колъ, раg супесдоchen означаетъ домъ. „Дворъ“ у крестьянъ также означаетъ избу, домъ, но всегда съ понятіемъ огороженного мѣста²⁾, слѣдов., со включеніемъ собственнаго двора, такъ что изба безъ двора не называется дворомъ. Греческая поговорка—μηδὲ πίσσαλον принадлежить, повидимому, къ очень древнимъ, измѣнившимъ отчасти свое первоначальное значеніе; она встрѣчается всего два раза—у Аристофана (съ ἔχειν Eccles. 184) и у Лукіана (съ καταλιπεῖν Iudic. voc. 9) и не вошла въ позднѣйшіе сборники. У Лукіана поговорка употреблена, намъ кажется, въ смыслѣ, болѣе приближающемся къ первоначальному значенію слова πίσσαλος, именно, въ означенномъ мѣстѣ въ комической тирадѣ буква Σ жалуется на Т за то, что послѣдній вытѣснилъ ее отсюду: Θεσσαλίας με ἐξέβαλεν ὅλης Θετταλίαν ἀξιοῦν λῆγειν, καὶ πᾶσαν ἀποκέκλειξέ μοι τὴν θίλασσαν οὐδὲ τῶν ἐν κήποις φεισάμενον σευτλίῳν, ὡς τὸ δὴ λεγόμενον μηδὲ πάσσαλόν μοι καταλιπεῖν—„изгналъ меня изъ всей Θεσσαλiи, требуя называть ее Θετταлiей, отрѣзалъ совершенно отъ моря, не пощадилъ даже садовыхъ овощей (свеклы), такъ что по пословицѣ, *не оставилъ мнѣ даже кола*“. По общему смыслу этого мѣста можно догадываться, что поговорка „не оставитъ даже кола“ первоначально означала: лишить крова, пріюта (разорить все до послѣдняго кола, какъ у насъ говорится: не оставитъ камня на камнѣ), потомъ получила болѣе общее и отдаленное значеніе: лишить самаго необходимаго, обобрать до послѣдней нитки. У Аристофана поговорка

¹⁾ С. Максимовъ Крылатые слова. Спб. 1890, стр. 296. Въ Толковомъ Словарѣ Даля этого значенія нѣтъ.

²⁾ Срви: *дворъ—что городъ, изба—что теремъ* (Даль 645).

еще дальше отъ своего первоначальнаго значенія: въ показанномъ мѣстѣ говорится про тѣхъ, которые являются на Пниксѣ слишкомъ поздно и должны возвращаться домой съ пустыми руками, *не имѣя гроша за душой* (ἔχουσι μηδὲ πᾶτταλον), при чемъ разумѣется, какъ кажется, τὸ ἐκκλησιαστικόν. Но въ другомъ соединеніи ἔχειν μηδὲ πᾶτταλον съ полнымъ правомъ, примѣнительно къ первоначальному значенію слова, можно было бы перевести: *не имѣть ни кола, ни двора*, т. е. быть бездомнымъ бѣднякомъ.

73. Для обозначенія того, что для всякаго очевидно, мы говоримъ: *это ясно и для слѣпаго*; подобная поговорка была очень употребительна у грековъ; она приводится Макаріемъ: Δῆλόν ἐστι καὶ τυφλῷ съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν προφάνων, или ἐπὶ τῶν ἄγαν σαφειστάτων (Mac. III 29 и IV 91. Первые слѣды ея находятся у Аристофана, затѣмъ нѣсколько разъ она встрѣчается у Платона, Менандра, Поливія, влагающаго ее въ уста Филиппу, Плутарха, Лукіана и Діона Кассія¹⁾; изъ римскихъ писателей—у Ливія, повторяющаго слова Поливія, и у Квинтиліана²⁾).

74. Авторъ книги „Рус(с)кіе въ своихъ пословицахъ“ (I 90—92) коснулся вопроса о происхожденіи нашей поговорки: *казать* (поднести) *кому фигу* (дулю, кукишъ, шишъ, см. Даль IV 549), существующей, впрочемъ, и въ другихъ языкахъ (*faire la figure, die Feige weisen* и др.); онъ ищетъ объясненія ея то въ древне-греческомъ σοχοῦσθαι, то въ обычаѣ древнихъ философовъ „казать фигу тому, кого они вызывали на состязаніе“ (?), то прибѣгаетъ къ разнымъ историческимъ справкамъ. Въ концѣ концовъ онъ останавливается на объясненіи *фиги* въ смыслѣ нароста или желвака на носу, чѣмъ еще больше затмевается происхожденіе и значеніе дѣйствія, обозначаемаго поговоркой. Въ книгѣ г. Михельсона „Мѣткія и ходкія слова“ стр. 376 дается слѣдующее объясненіе: „сифофанти,

¹⁾ Arist. Plut. 48, cf. schol; Plat. Sophist. 241 D; reip. 465 D и 550 D; Men. fr. Th. Kock III p. 33; Polyb. XVII или XVIII 4, 4; Plut. quaest. conv. cap. 9; non poss. suav. vivi sec. Epic. cap. 17; Luc. adv. induct. 28; Dio Cass. LXI 5, 5.

²⁾ Liv. XXXII 34 *adparet id quidem etiam caeco*; Quint. XII 7, 9 *caecis hoc, ut ajunt, satis clarum est.*

презрѣнные доношники, слѣдившіе за непозволеннымъ вывозомъ смоквы и вообще ябедники, въ знакъ солидарности между собою, показывали другъ другу смокву (фигу), спрятанную подъ полою, и затѣмъ дѣйствовали заодно" (?); слѣдуютъ неопредѣленные ссылки: Aristoph. in Pluto. Plutarch. (?). Тамъ же приводится историческая справка о происхожденіи итальянской поговорки: *ecco la figa*, при чемъ событіе въ Миланѣ, давшее начало этой поговоркѣ, отнесено къ XV, между тѣмъ какъ у Снегирева оно относится къ XII вѣку. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ болѣе важны вопросы: 1) что означаетъ *figa* въ этомъ соединеніи и 2) почему дѣйствіе — казать фигу, несомнѣнно символическое, считается оскорбительнымъ; историческія иллюстраціи, конечно могутъ служить къ объясненію дѣла, но едва ли можно опредѣлять время, когда возникъ самый обычай. Отвѣтъ на первый вопросъ мы находимъ у Аристофана въ концѣ его комедіи *Εἰρήνη*; самой поговорки у него нѣтъ, но мы въ правѣ считать это мѣсто ея первоисточникомъ, такъ какъ оно даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ слова *figa*; именно, здѣсь слово *σῦχον* (*figus*) употреблено въ смыслѣ *αἰδοῖον γυναικεῖον*, откуда вытекаетъ отвѣтъ и на второй вопросъ, — становится понятнымъ, почему самое дѣйствіе или изображеніе этой „фиги“ получило въ послѣдствіи оскорбительный характеръ. Комедія *Εἰρήνη* оканчивается сценой, изображающей проводы жениха и невесты, въ честь которыхъ, въ знакъ торжества мира надъ войной, хоръ, приглашая поднять на руки жениха, поетъ (v. 1348 sq.): *Τοῦ μὲν μέγα καὶ παχύ, Τῆς δ' ἡδὺ τὸ σῦχον*, на что схоліастъ (Odoard. Bizet. ed. Dindorf. Lips. 1823) замѣчаетъ: *τὸ τοῦ νομφίου πέος νοεῖ· σῦχον δὲ καλεῖ τῆς νόμφης αἰδοῖον*, а по поводу слова *συχολογοῦντες* (v. 1346) онъ же говоритъ: *ἐνταῦθα ὁ ποιητὴς χωμικῶς, ὡς εἶωθε, τῇδε τῇ λέξει παίζων ἐχρήσατο συνουσίαν αἰνίττεσθαι βουλούμενος*.

XXI. Архиппъ.

75. Наша пословица — *хорошо море съ берегу* (Даль II 353), имѣющая нѣсколько вариантовъ, напр. *съ берегу хорошо глядѣть на гребцовъ, хорошо смѣяться на сухомъ берегу* и др. (Даль, 558,

968; IV 248) ведетъ начало изъ классической древности; прототипомъ ея служить стихъ, приписываемый *Архиину*, одному изъ представителей аттической комедіи (древняго и отчасти средняго ея періода): *ὥς ἦδὲ τὴν θάλατταν ἀπὸ τῆς γῆς ὁρᾶν*¹⁾, т. е. „какъ пріятно глядѣть на море съ берега“. Изрѣченіе это не получило proverbіальнаго характера и не вошло ни въ одинъ сборникъ; только у Зеновія приводится гекзаметръ неизвѣстнаго поэта, представляющій аналогичное, но далеко не тождественное выраженіе: *Ἐξάντης λεύσσω τοῦμόν χαχὸν ἄλλον ἔχοντα* (Zenob. III 95), т. е. „съ безопаснаго мѣста гляжу я, какъ другой за меня страдаетъ“. Но у римлянъ были въ употребленіи метафоры, довольно близко подходящія какъ къ греческому прототипу, такъ и къ нашимъ поговоркамъ, напр. Цицеронъ говоритъ: *cupio istorum naufragia ex terra intueri* (Cic. ad Att. II 7, 4): „я желалъ бы съ берега смотрѣть на ихъ крушеніе“, откуда нѣм. *Vom Laude her dem Schiffbruch zusehen*. Далѣе, параллельныя мѣста можно найти у Лукреція: *Suave mari magno turbantibus aequora ventis, Et terra magnum alterius spectare laborem* и Горация: *vellem-Neptunum procul e terra spectare furem*²⁾.

XXII. Ксенофонтъ.

76. Въ значеніи нашего выраженія—*деньги четвериками мять* или *пересыпать* (Даль 55), примѣняемаго къ очень богатымъ людямъ, у Ксенофонта и Лукіана употребляется выраженіе *μεδίωνει ἀπομετρεῖσθαι ἀργύριον*³⁾. Выраженіе это изъ Ксенофонта внесено въ нѣкоторые позднѣйшіе сборники пословицъ съ прибавкою нелѣпаго толкованія: *ἐπὶ τῶν μεγάλῃν καὶ ἀθρόαν ὠφέλειαν προσδοκῶντων*

¹⁾ *1h. Kock. Com. att. fragm. Lips. 1880, I p. 688*. Нѣкоторые, впрочемъ, приписывали этотъ стихъ Каллимаху. Во фрагментахъ Епиктета это изрѣченіе приводится съ слѣдующею прибавкою: *ὥς ἦδὲ τὴν θάλατταν ἀπὸ γῆς ὁρᾶν, οὕτως ἦδὲ τῷ σωθέντι μεμνησθαι τῶν πόνων*. cf. *Bothe (Poet. com. Gr. fragm. p 275)*.

²⁾ *Lucr. de r. n. II 1 sq; Hor. epist. I 11*.

³⁾ *Xen. hist. Gr. III 2, 27; Luc. dial. meretr. IX 2; cf. navig. 28 μεμετρημένον χρυσίον*.

(Append. provv. III 83; Suid. II 747; Apost. XI 13),—„про тѣхъ, которые ожидаютъ разомъ получить огромную пользу“. Толкованіе это служить доказательствомъ, что собиратели пословицъ вносили въ свои сборники замѣчательныя изрѣченія, иной разъ не справляясь, въ какомъ смыслѣ выраженіе употреблено авторомъ. Въ римской литературѣ, именно, у Горація и Петронія, также извѣстно образное выраженіе: *nummos (modio) metiri*¹⁾.

XXIII. Амфидъ.

77. Наша поговорка—*идѣ больно, тамъ рука* (гдѣ мило, тамъ глаза)²⁾ имѣющая нѣсколько славянскихъ параллелей, находится въ ближайшемъ родствѣ съ изрѣченіемъ неизвѣстнаго поэта, цитируемаго Плутархомъ: *Ὅπου τις ἀλγεῖ, κεῖθι καὶ τὴν χεῖρ' ἔχει* (Plut. de gaugul. 22). Но этотъ стихъ представляетъ, кажется, передѣлку болѣе древняго изрѣченія; *Ὅπου τις ἀλγεῖ, κεῖσε καὶ τὸν νοῦν ἔχει*, приписываемаго *Амфиду*, писателю средней комедіи, современнику Платона (Apost.-Ars. XII 94 a; cf. Th. Kock II p. 249). Впрочемъ, кромѣ Плутарха, и у другихъ писателей можно указать мѣста, изъ которыхъ могла быть заимствована наша поговорка, напр. у Демосфена встрѣчается такое мѣсто: „получившій ударъ всякій разъ хватается за пораженное мѣсто и, если его ударить въ другое мѣсто, его руки уже тамъ“ (*ὁ πληγεὶς ἀεὶ τῆς πληγῆς ἔχεται, καὶ ἐτέρωσε πατάσῃς, ἐχεῖσσι εἰσὶν αἱ χεῖρες* Demosth. IV 40). Изъ латинскихъ писателей подходящее мѣсто встрѣчается у Сенеки: *Naturale est manum saepius ad id referre, quod doleat*.³⁾

¹⁾ Hor. sat. I 1, 96; Petron. 37; другія мѣста см. у Отто № 1123.

²⁾ Даль IV 111; малорусск. у Ном. 5152; польск. и чешск. у Челяк. 18 и 237, Cf. Ев. Лук. 12, 14 *ὅπου γάρ ἐστιν ὁ θησαυρὸς ὑμῶν, ἐκεῖ καὶ ἡ καρδία ὑμῶν ἐστί.*

³⁾ Sen. ad Helv. matr. de cons. 20; другія мѣста (изъ Плавта и Цицерона) см. у Erasmi. adag. II 2, 44.

XXIV. Θεοφιλъ.

78. Пять старую (или ту же) пѣсню, т. е. говорить что нибудь давно извѣстное, постоянно твердить одно и то же,—выраженіе это встрѣчается впервые у одного писателя средней комедіи, *Θεοφίλου*, отъ котораго сохранились лишь незначительные фрагменты; въ одномъ изъ нихъ находится стихъ: οὐδέ τις γὰρ ἡμῶν ταῦτ' ἐν ᾧ αἰεταὶ μέλος (Bothe p. 628; Th. Kock II p. 475). Изъ греческой комедіи поговорка перешла въ римскую и встрѣчается у Теренція: *cantilenam eandem canis* (Ter. Phorm. 495, cf. Plant. Pseud. 363 *vetera vaticinamini*); и Цицеронъ говоритъ: *ut crebro mihi-insusurret cantilenam illam suam*, т. е. „частенько напѣваетъ (нашептываетъ) онъ мнѣ свою старую пѣсню“ (Cic ad Att. I 19, 8).

XXV. Πлатωνъ.¹⁾

79. Что посеешь, то и пожнешь (Даль III 362). Древнѣйшіе литературные источники пословицы—Πлатωνъ и Αριστοτελѣ. У Πлатона (Phaedr. 260 D) читаемъ: ποτὶν τινα οἷσι μετὰ ταῦτα τὴν ῥητορικὴν καρπὸν ὧν ἔσπερε θερίζειν; у Αριστοτελѣ (rhet. III 3, § 4): οὐ δὲ ταῦτα αἰσχυρῶς μὲν ἔσπερας, κακῶς δὲ ἐθέριας. Слѣды пословицы находятся у Ап. Павла (2 къ Коринѣ. 9, 6; къ Гал. 6, 7): ὁ γὰρ ἐν σπείρῳ ἀνθρώπος, τοῦτο καὶ θερίζει. Позднѣе пословица приводится у византійскаго писателя *Μ. Γ'λυки* (см. № 250) и у пареміографовъ, Григорія Кипрекаго (cod Leid II 57) и Μακαρία (IV 93). Латинскую версию даетъ Цицеронъ: *Ut sementem feceris, ita metes*.²⁾

80. *Изъ огня да въ полымя* (Даль III 275), т. е. изъ одной бѣды въ другую (горшю). Въ этомъ смыслѣ греки говорили; „изъ

¹⁾ Cp. Grünwald Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten bei Plato. Berl. 1893.

²⁾ Cic. de orat. II 65 § 261. Славянскія параллели у Челяк. 160—161.

дыма попасть въ огонь“, Τὸν καπνὸν φεύγων εἰς τὸ πῦρ ἐνέπεσον¹⁾, или „изъ горячей золи въ огонь“ (Σποδὸν φεύγων εἰς πῦρ ἐμπέπτωχα Масар. VII 77), или, наконецъ, „изъ золи на горящiе уголья“ (Μὴ τὴν τέφραν φεύγων εἰς τὴν ἀνδρακιδὴν ἐμπέσῃς Diogen. VI 68; Apost. XI 37 и XVI 41). Славянскiя поговорки еще ближе къ греческимъ, чѣмъ, русская, напр. чешскiя: *Z dymu do ohne padnouti; z rostu do uhli upadnouti* (Челяк. 626). Изъ классическихъ авторовъ пословица—καπνὸν φεύγων εἰς πῦρ ἐμπέπτωχεν (или ἐαυτὸν ἐνέβαλεν) раньше всего встрѣчается у Платона (reip. VIII 569 B), затѣмъ у Плутарха (de vitioso pud. 9) и Лукіана (Necyom. 4), а изъ римскихъ писателей только Амміанъ Марцеллинъ приводитъ это proverbium vetus: *de fumo in flammam*²⁾. Витантiйскiя, арабскiя и турецкiя параллели приводитъ Крумбахеръ (Mittelgriech. Sprichw. S. 200). Родственную по значенію русскую пословицу—*отъ дождя да подъ капель* (Даль II 87) и маллорусскую *З дощу та під ринву* Ном. 1791) срвн. съ нѣм. *Aus dem Regen in die Traufe kommen*.

81. Наша пословица—доброе начало—половина дѣла (Даль 536), безъ сомнѣнія, потому что правильное начало представляетъ самую трудную часть дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшую гарантію успѣха,—соотвѣтствуетъ греческой: Ἀρχὴ ἥμισυ παντός (Diogen II 97; Suid. I 770; Масар. II 47; Apost. III 97), которую одни приписывали Гесіоду (Lucian. Hermot. s. de sect. 3), другіе Пиеагору (Iambl. vit. Pythag. XXIX 162). Но у Гесіода самой пословицы нѣтъ, а встрѣчается только загадочное парадоксальное изрѣченіе: Νῆπιοι, οὐδὲ ῥασιν, ὅσῳ πλεόν ἥμισυ παντός (Нес. opp. 40), т. е. „глупые, они и не знаютъ, насколько половина болѣе цѣлаго“; изрѣченіе это пытался объяснить Платонъ³⁾, а Цицеронъ въ шутку примѣнилъ къ

¹⁾ Diogen. VIII 45; Greg. Cyp. III 76; Масар. VIII 42 и Apost. XVI 93.

²⁾ Amm. Marc. XIV 11, 12 и XXVIII 1, 26.

³⁾ Plat. legg. III p. 690 E; rep. V 466 C; *H. Koch* объясняетъ его нѣкоторыми мѣстами изъ трагиковъ: Quarst. de provv. apud Aeschyl. Soph. Eurip. Barten. 1892, p. 19.

своему брату¹⁾. Во всякомъ случаѣ, глубокая древность нашей пословицы не подлежитъ сомнѣнію: если ея не знали Гесиодъ, за 700 лѣтъ, то за 400 лѣтъ до Р. Хр. она навѣрное существовала, потому что встрѣчается въ сочиненіяхъ Платона (Plat. legg. VI 753 sub fin; geir. II 377 A), а изъ латинскихъ авторовъ у Горация: *Dimidium facti, qui coepit, habet*²⁾. Славянскія поговорки у Челяк. 131; франц. *Heureux commencement est la moitié de l' oeuvre*; нѣм. *Guter Anfang ist halbe Arbeit*.

82. Наша пословица — живи не какъ хочется, а какъ можется (Даль 29) впервые встрѣчается у Платона въ слѣдующемъ видѣ: *Τοιαῦτα τὰ ἡμέτερά ἐστιν, οὐχ ὅλα βούλεται τις* — *φασὶν ἀνθρώποι ἐκίστοτε παροικιζόμενοι*; — *ἀλλ' ὅλα δύνатаι* (Plat. Hipp. maj. 301 C). Намекъ на ту же поговорку находится у Демосфена: *ἡμεῖς δ' ὁμολογοῦμεν καὶ τακίως πωλεῖν καὶ ζῆν οὐχ ὅντινα τρόπον βουλόμεθα* (Dem. LIV [in Eubul.] § 31). Въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ Менандра поговорка встрѣчается уже въ той редакціи, въ какой она приближается къ нашей поговоркѣ, именно: *Ζῶμεν γὰρ οὐχ ὥς θέλομεν, ἀλλ' ὥς δυνάμεθα*³⁾ и въ какой она вошла въ позднѣйшіе сборники⁴⁾. Отъ Менандра поговорка перешла въ римскую комедію, благодаря Теренцію: *Ut quimus, ajunt, quando ut volumus non licet* (Ter. Andr. 805, cf. 305), изъ котораго приводится Блаж. Августиномъ (de civ. Dei XIV 25 ed. Domb. II 52). Какимъ путемъ она перешла къ намъ, неизвѣстно.

83. У насъ есть поговорка, повидимому, совершенно оригинальная: *лучше въ обидѣ быть, нежели въ обидчикахъ* (Даль II 601), а между тѣмъ она, какъ кажется, прямо взята съ греческаго, именно, изъ Платона, влагающаго въ уста Сократу слѣдующія слова: *ἐλοίμην*

¹⁾ Увидѣвъ поясное изображеніе своего малолетскаго брата, Квинта, сдѣланное въ огромныхъ размѣрахъ, онъ сказалъ: *frater meus dimidius major est, quam totus* (Macrob. sat. II 3 § 4).

²⁾ Hor. ep. I 2, 40; cf. Sen. ep. 34, 8 (IV 5, 3).

³⁾ A. Meineke Frgm. com. Gr. IV, 1841 p. 84. Th. Kock III p. 17; тоже Menandri monost. 190.

⁴⁾ Zenob. IV 16; Diogen. IV 100 (cod. Vind. II 81); Suid I 2 p. 735; Greg. Cyrpr. II 58 (cod. Mosq. III 57); Macar. IV 81; Apost. VIII 38.

ἀν μᾶλλον ἀδικεῖσθαι, ἢ ἀδικεῖν¹⁾). Вѣроятно, подѣ впечатлѣніемъ словъ великаго философа, и Цицеронъ писалъ: *accipere quam facere praestat injuriam* (Туск. V 19 § 56). Разумѣется, это философское чисто умозрительное положеніе, вводившее новый принципъ въ языческую мораль, не было и не могло быть пословицей²⁾, такъ какъ послѣдняя представляетъ выводъ практической морали и не вводитъ въ жизнь ничего новаго, а только фиксируетъ господствующія понятія. Мы остановились на этомъ изрѣченіи не какъ на пословицѣ: для насъ интересно и пріятно встрѣтить оригиналь поговорки, сдѣлавшейся *нашею*, у величайшаго мыслителя древности.

84. Въ смыслѣ нашей пословицы—подливать масла въ огонь, или тушить масломъ огонь (Даль II 308), т. е. усиливать зло, греки въ древнѣйшее время говорили: πῶρ ἐπὶ πῶρ, „прибавлять огня къ огню“, какъ видно изъ того мѣста въ *Законахъ* Платона, гдѣ онъ не совѣтуетъ давать юношамъ вина, слишкомъ возбуждительно дѣйствующаго на организмъ и чувства молодыхъ людей: οὐ χρη πῶρ ἐπὶ πῶρ ὀχετεύειν εἰς τε τὸ σῶμα καὶ τὴν ψυχὴν³⁾. Какъ поговорка, выраженіе πῶρ ἐπὶ πῶρ (καὶ κακὸν ἐπὶ κακῷ), или Μῦ πῶρ ἐπὶ πῶρ вошло и въ позднѣйшіе сборники⁴⁾. Римляне, въ подражаніе грекамъ, также говорили: *in flammam flammam—fundere* (Ov. am. III 2, 34). Къ этому типу принадлежитъ польская пословица: *Ognia do ognia przydaje, kto młodemu wino daje* (Челяк. 407), происшедшая, по видимому, изъ вышеуказаннаго мѣста Платона. Русскія пословицы составлены по позднѣйшимъ образцамъ, находящимся въ сборникѣ пословицъ, приписываемыхъ Плутарху: ἐλάτω πῶρ σβεννύεις (Plut. provv. Boiss. 22), у Лукіана: ἐν πυρὶ διαφθειρόμενον—τίττη καὶ ἐλάτω κατασβεννύειν (Luc. Tim. 44 и de dipsad. 4) и у византійскаго писателя

¹⁾ Plat. Gorg. p. 469 C; cf. Plut. de aud. poet. 14 τὸ ἀδικεῖν χείριον τοῦ ἀδικεῖσθαι и Gell. XII 9, § 4 и 6. А. Sonny приводитъ еще цитату изъ блж. *Апостина* (in psal. 125, 8): melius est injustitiam ferre quam facere.

²⁾ Въ упомянутой брошюрѣ E. Grünwald—а это изрѣченіе не приводится.

³⁾ Plat. legg. II 666 A; cf. Sen. de ira II 20, 2 vinum—pueris negandum Plato putat et ignem vetat igne incitari.

⁴⁾ Zenob. V 69; Diog. VI 71; Suid. II 2 p. 570 и Macar. V 93.

VI вѣка, Климака: μετὰ ἐλαίου σβεννύειν ἐμπρησμένον (Krumbacker S. 230 N 41). У римлянъ существовали подобныя же поговорки, напр. у Горация встрѣчается выраженіе: *oleum adde camino* (sat. II 3, 321), по поводу котораго Порфиріонъ (комментаторъ Горация III вѣка) замѣчаетъ, что поэтъ въ этомъ случаѣ воспользовался народной пословицей: *oleum in incendium*. Въ сочиненіяхъ блаж. Іеронима, изъ которыхъ не одна пословица перешла къ намъ, нѣсколько разъ употребляется поговорка: *oleum flammae* (adjicere)¹⁾.

85. Выраженіе—бабы сказки (или бабы бредни) соответствуетъ греческому γραῶν ὄθλος или γραῶν ὄθλοι, которое, подобно нашему выраженію, означаетъ пустую болтовню и встрѣчается у Платона (Theaeth. 176 B; cf. Gorg. 527 A; гер. 336 D и 350 E), Лукіана (dial. mort. X 8, cf. Philops. 9), Порфирія (Περὶ ἀποχ. ἐμφ. IV 16 въ прилож. къ сочин. Эліана изд. Didot), Свиды (I р. 1139) и у пареміографовъ, какъ proverbium²⁾. Римлянамъ это выраженіе было также извѣстно: *aniles fabellae* встрѣчаются у Цицерона, Горация, также у Апулея, Лактанція, Іеронима³⁾.

86. Поговорка—рышетомъ воду носить, означающая напрасный трудъ (дурака учить, что рышетомъ воду носить, Даль IV 96), встрѣчается впервые у Платона (гер. II р. 363 D), затѣмъ въ позднѣйшихъ сборникахъ: διχτῖφ ὄδωρ φέρειν (ἀντλεῖν), также ἡδμῶ ἀντλεῖν (Arist. oecop. I 6, 1) или διχτῖφ ὄδωρ χομιζειν⁴⁾. Римляне также знали эту поговорку: Non pluris refert, quam si imbrem in cribrum ingeras (у Plaut. Pseud. 102). Изъ „римскихъ древностей“ Діонисія Галикарнасскаго⁵⁾ извѣстна исторія весталки Тулціи: обвиненная въ нарушеніи обѣта цѣломудрія, она, чтобы доказать свою

¹⁾ Hieron. ep. 22, 8; 77, 7 125, 11; славянскія параллели у Чалак. 114.

²⁾ Zenob. III 5 Γραῶν ὄθλος ἐπὶ τῶν μᾶτην ληροῦντων, Diog. III 79; Greg. Cyrp. I 100; Macar. III 5 и Apost. V 63.

³⁾ Cic. de nat. deor. III 5, 12; Hor. sat. II 6, 77: см. Otto № 121 и A. Sonny Zu d. Sprichw. d. Römer (Archiv f. lat. Lex. u. Gramm. 1894, 1 S. 55).

⁴⁾ Plut. provv. Boiss. 8, 31, 50; Suid. II p. 352 и Macar. V 20 съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν ἀνηγύτως καὶ μᾶτην πονοῦντων.

⁵⁾ Dion. Hal. II 69, также Val. Max. VIII 1. 5; Plin. h. n. XXVIII 3; August. de civ. D. X 16, 30.

невинность, рѣшилась на поступокъ, „который по пословицѣ, считается совершенно невозможнымъ“ τὸ παροιμαζόμενον ἐν τοῖς πρώτοις τῶν ἁδονάτων τόλμῃ ὑπομεῖναι Dion. Hal.): она зачерпнула рѣшетомъ воды изъ Тибра и въ сопровожденіи жрецовъ и толпы народа принесла ее на форумъ, въ храмъ богини (по Liv. ep. XX Tuccia virgo Vestalis incesti damnata est). Въ русскихъ сказкахъ вѣдьма также заставляетъ дѣвушку принести воды въ рѣшетѣ, и у древнихъ поляковъ былъ обычай тѣмъ же способомъ испытывать обвиняемыхъ¹⁾.

87. У насъ говорится: утереть кому носъ (Даль IV 534) въ смыслѣ озадачить или проучить кого, особенно, поставить въ тупикъ какогонибудь юного, но самоувереннаго выскочки, показавъ его глупость. Въ этомъ значеніи у Платона встрѣчается глаголѣ ἀπομόττειν: *χοροῶντα περιόρῃ καὶ οὐκ ἀπομόττει* (Plat. rep. I p. 343 A), т. е. „не обращаетъ вниманія на твою глупость (собств.: изъ тебя сопливаго) и не утираетъ тебѣ носъ“. У Лукіана не разъ встрѣчается слово *χοροῶς* (сопля), какъ синонимъ глупости, потому что это слово означаетъ также насморкъ и притупленіе чувства обонянія, а отсюда—тупоуміе (такъ объясняется въ лексиконахъ), а въ одномъ мѣстѣ у Лукіана это слово стоитъ съ глаголомъ ἀποζῶειν (Luc. Navig. s. vol. 45 τὴν—*χοροῶσαν ἀποζῶας*, вмѣсто чего нѣкоторые предполагаютъ ἀπομόζας²⁾) въ значеніи нашего выраженія утереть носъ, или обличить въ глупости. Что наша поговорка произошла отъ греческой, это очень вѣроятно (иначе трудно было бы объяснить разительное сходство такого оригинальнаго способа выраженія); но у насъ имѣется въ виду не тупоуміе лица, къ которому прилагается поговорка, а, скорѣе, мальчишеское легкомысліе и какъ бы неумѣнье смотрѣть за самимъ собою, подобно маленькимъ дѣтямъ, не умѣющимъ самимъ себѣ утирать носъ.

88. Русская поговорка—*подобный подобнаго любитъ* (у Челяк. 37) соответствуетъ греческой: ὁ ὁμοῖος τῷ ὁμοίῳ (scil. φίλος), приводимой Платономъ (Gorg. 510 B) и вошедшей въ позднѣйшіе сборники (Apost. XII 68; Mant. provv. II 39). Прототипъ пословицы

¹⁾ А. Аванасьевъ Поэт. возр. славянъ на природу. I 571—572.

²⁾ См. Sprichw. bei Lucian v. Rein. S. 34.

находится уже у Гомера: ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς (=πρὸς) τὸν ὁμοῖον (Odys. XVII 218)—„правá пословица: ровнаго съ ровнымъ безсмертныя сводятъ“ (Жук.). Славянскія параллели у Челяк. 37; позднѣйшая лат: *similis simili gaudet*.

89. Что просьба богатаго или сильнаго для бѣдняка имѣетъ значеніе приказанія или принужденія,—эта мысль выражается въ нѣсколькихъ греческихъ и латинскихъ сентенціяхъ. Уже у Платона говорится, что „просьбы тиранновъ граничатъ съ принужденіемъ“—τὰς δὲ τῶν τυράννων δεήσεις ἵσμεν ὅτι μεμιγμέναι ἀνάγκαις εἰσὶν (Plato epist. VII p. 329 D). Позднѣйшая поговорка гласитъ: βία πονήτων, πλουσίων παράκλησις (Apost. IV 97), т. е. „приглашеніе богатыхъ имѣетъ обязательную силу для бѣдныхъ“. Въ римской литературѣ имѣется двѣ подобныхъ сентенціи,—у П. Сира: *Durum est negare, superior cum supplicat*¹⁾. т. е. „трудно отказать, когда проситъ старшій“, и у Макробія: *potestas—si supplicet cogit* (Macrob. II 7, 2): „если проситъ власть имѣющій, то это равно принужденію“. Въ такомъ родѣ мы имѣемъ малорусскую поговорку: *просьба паньска ривно з наказомъ ходитъ*²⁾.

XXVI. Хэрилъ.

90. Знаменитая сентенція—капля по каплю и камень долбитъ (Даль II 86) принадлежитъ эпическому поэту Хэрилу, самосскому уроженцу, жившему за 400 лѣтъ до Р. Хр.; въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ его поэмы находится стихъ: πέτρην κοιλαίνει ῥανὶς ὕδατος ἐνδελεχεῖν (G. Kinkel Epicorum Gr. frgm. I Lips. 1877 p. 271, fr. 10); но, кажется, болѣе извѣстна эта сентенція въ той формѣ, въ какой она приводится Апостолиемъ (XV 19): ῥανὶς ἐνδελεχοῦσα κοιλαίνει πέτραν—„капля, непрерывно падая, долбитъ скалу“. У другихъ пареміографовъ ея нѣтъ; тѣмъ не менѣе она принадлежитъ къ любимымъ афоризмамъ, которыми писатели пользуются въ риториче-

¹⁾ P. Suri sent. 660 въ изд. Мейера послѣ в. 146, cf. 661 ibid.

²⁾ Ном. 1209; польск. и серб. у Челяк. 324, нѣм. у Отто № 1458.

скихъ цѣляхъ для доказательства могущественной силы человѣческой энергіи (такъ у Plut. de educ. puer. 4), или медленнаго, но разрушительнаго дѣйствія времени, напр. у Овидія. *Gutta cavat lapidem* ¹⁾. Сентенція Хэрила, въ формѣ пословицы, приводимой Апостолиемъ, встрѣчается у византійскихъ писателей, а также у Отцевъ Церкви (Григорія Назіанзіна и Іоанна Дамаскина) ²⁾; это обстоятельство бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тотъ путь, которымъ сентенція эта зашла къ намъ. Славянскія параллели у Челяк. 126.

XXVII. Доріонъ.

91. Буря въ стаканъ воды, говоримъ мы для обозначенія пустячнаго, не стоящаго вниманія дѣла, возбудившаго много шума ³⁾. Въ томъ же смыслѣ греки говорили: 'Αστράπη ἐκ πτερίου (Diogen. III 7 и Apost. IV 13), собстр.: „гроза изъ корыта“, по объясненію Свиды (I р. 812) ἐπὶ οὐδενείας т. е. о пустякахъ, не стоящихъ вниманія. Греческое выраженіе еще ближе подойдетъ къ нашему, если мы вспомнимъ, что блескъ молніи и удары грома, по мнѣнію древнихъ, происходили отъ столеновенія и разрыва облаковъ, приводимыхъ въ движеніе бурей ('Αστράπη ἑξαφίς νεφῶν πατατρίβομένων ἢ ῥήγνυμένων ἐκ πτεύματος Suid. ibid.). Но древнѣйшимъ изрѣченіемъ въ этомъ родѣ и прототипомъ пословицы, вошедшей въ новѣйшіе языки, нужно признать изрѣченіе Доріона, личность и время жизни котораго въ точности неизвѣстны. Изъ того обстоятельства, что о немъ упоминаетъ Мнесимахъ (у Athen. VIII 19, р. 338 В), писатель средней комедіи, можно заключить, что Доріонъ жилъ приблизительно въ IV вѣкѣ до Р. Хр.; извѣстно также, что онъ былъ композиторъ (χοροματοποιός) и славился остроуміемъ. Нѣкоторыя изъ его bons mots сохранились у Аеенэя, который, между прочимъ, при-

¹⁾ Ov. art. am. I 476; ep. ex Pont. IV 10, 5; другія цитаты изъ римскихъ поэтовъ см. у Отто № 774.

²⁾ См. примѣч. Leutsch—а въ Apost. XV 19.

³⁾ Также говорятъ нѣмцы: *Sturm im Glasse Wasser*; франц. *Une tempête dans un verre d'eau*.

водить цитату изъ Гегесандра: ὁ αὐτὸς Δωρίων καταγελῶν τοῦ ἐν τῷ Τιμοθέου Ναυτίλῳ χειμῶνος ἐρασκεν ἐν κακῇ βῆζα ζεοῦσα μείζονα ἐώρακέναι χειμῶνα (Athen. VШ 19 p. 338 A), т. е. „тотъ же Доріонъ, во поводу бури въ Тимоевомъ *Навтилѣ*, въ насмѣшку говорилъ, что въ кипящемъ горшеѣ онъ видѣлъ болѣе сильную бурю“. И у римлянъ было подобное выраженіе; его приводитъ Цицеронъ: *excitabat—fluctus in simpulo, ut dicitur*¹⁾, „онъ, какъ говорится, поднималъ бурю въ разливной ложкѣ“.

XXVIII. Аристотель.

92. Корень ученія горекъ, а плоды его сладки (Даль 451),— знаменитая сентенція, приписываемая то Исократу, то Аристотелю, то Катону Старшему, то, наконецъ, Цицерону. Наиболѣе авторитетное свидѣтельство—Диогена Лаертскаго говорить въ пользу Аристотеля; самое изрѣченіе представляется въ слѣдующемъ видѣ: τῆς παιδείας ἔφη (Ἀριστοτέλης) τὰς μὲν ῥίζας εἶναι πικράς, γλυκεῖς δὲ τοὺς καρπούς (Diog. Laert. V 17). Менѣе важны свидѣтельства позднѣйшихъ риторовъ и грамматиковъ, поддерживающія авторскія права Исократа, Катона и Цицерона (они приведены въ книгѣ Отто подъ № 963). Оставляя въ сторонѣ греческаго оратора, объ обоихъ знаменитыхъ римлянахъ нужно замѣтить, что если они и приводили когда нибудь въ своихъ сочиненіяхъ это „крылатое слово“, то не какъ авторы, а какъ посредники, пересаживавшіе цвѣты греческой реторики и философіи на римскую почву.

93. Пословица—клинь клиномъ выбивать принадлежитъ къ очень распространеннымъ²⁾; греческій оригиналъ ея—Ἦλφ τὸν ἦλον ἐχχροῖεν (καὶ πάταλον παττάλῳ) находится во всѣхъ почти сборникахъ³⁾. Греки объясняли свою пословицу въ томъ же смыслѣ, въ ка-

¹⁾ Cic. de legg. Ш 16, 36.

²⁾ Славянскія у Челяк 627; франц. *Un clou chasse l'autre*, нѣм. *Mit einem Nagel den andern austreiben*.

³⁾ Diog. V 16; Suid. I 2 p. 843; Greg. Cyr. II 60 (cod. Mosq. III 60); Macar. IV 47; Apost. VIII 52 и XIV 1. О происхожденіи пословицы отъ игры κινδάλισμός см. Bernh. ad Suid. и Erasmi. adag. I 2, 4.

комъ мы употребляемъ свою: ἀμαρτήματα τὰ ἀμαρτήματα или χαλὸν χαλῶ θεραπεύειν (cf. Herod. III 53 и Thucyd. V 65 χαλὸν χαλῶ ἰᾶσθαι); наша поговорка гласитъ: *лихое лихими избывается* (Даль II 261), польск. *złyut złego zbyć* (Челяк. 33). Греческая пословица произошла, вѣроятно, изъ аттической комедіи (cf. Th. Kock fragm. incert. poet. 494. III р. 500), но ранше всего встрѣчается у Аристотеля (Polit. V 9 или 11, § 6), позднѣе нѣсколько разъ у Лукіана (Philopseud. 9; pro lapsu inter salut. 7; apolog. 9). Римляне говорили: *clavum clavo pellere*. Цицеронъ, разсуждая о средствахъ исцѣлить любовную страсть, прибавляетъ: *etiam novo quidam amore veterem amorem, tanquam clavo clavum ejiciendum putant* (Cic. Tuscul. IV 35). Вообще гомеопатическій способъ лѣченія (*similia similibus curantur* Гавенанна) предписывается и другими, какъ греческими, такъ и русскими пословицами, напр. *хѣπον хѣпφ λύειν* (Masar. V 22), *οἶνω τὸν οἶνον ἐξαλαύνειν* (Antiphanes ap. Athen. II 20, р. 44 а), или *οἶνω τὸν οἶνον καὶ κρατῆλῃ τὴν κρατῆλῃν* (хмѣль похмѣляется) *ἐξαίρειν* (Plut. de san. 11; cf. Th. Kock II 129 и III 494); и русскія пословицы — *клиноз клиномъ выбивать, чѣмъ ушибся, тѣмъ и льчишь* применяются въ народной медицинской практикѣ; наприимѣръ, снѣгъ рекомендуется для оттиранія отмороженныхъ членовъ, горячая вода отъ обжоговъ, похмѣлье отъ опьяненія, хотя, впрочемъ, другая наша пословица, вопреки греческой, гласитъ: *клиноз клиномъ выколотишь, а хмѣль хмѣлемъ не выбьешь* (Даль IV 570).

94. Наше характерное выраженіе — драть съ живаго и съ мертваго (Даль I 504) было извѣстно и грекамъ, которые говорили о человѣкѣ, эксплуатирующемъ бѣдняковъ: *Καὶ ἀπὸ νεκροῦ φέρη* (Diogen. V 84 ἐπὶ τῶν ἀπὸ πενήτων καρδαίνοντων), т. е. „даже съ мертваго грабишь (дерешь)“. Пословица была извѣстна уже Аристотелю (rhet. II 6, § 5). Что глаголъ *φέρειν* или *φέρεσθαι* употреблялся въ значеніи грабить или драть, это можно доказать цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ авторовъ. У позднѣйшихъ пареміографовъ (XIII и слѣд. вѣковъ), вмѣсто *φέρεσθαι*, говорится: *καὶ ἐπὶ τοῦ νεκροῦ καρδαίνειν* (Greg. Cyr. II 84 cod. Leid. II 37; Apost. IX 41), т. е. „получать съ мертва-

го барыши“, или ἀπὸ νεκρῶν φορολογεῖν Diogen. I 9; Apost.. III 54 b) „собирать съ мертвыхъ подати“.

95. Изъ двухъ золъ выбирать меньшее (Даль I 706), говоримъ мы, не подозрѣвая, что оригиналъ нашей поговорки принадлежитъ великому Стагирскому философу, который за 350 лѣтъ до Р. Хр, сказалъ: τὰ ἐλαχίστα ληπτέον τῶν κακῶν (Aristot. eth. Nicom. II 9, § 4), т. е. „изъ золъ нужно выбирать наименьшее“. Изрѣченіе Аристотеля воспроизведено Цицерономъ: *ex malis eligere minima oportere*, съ прибавкой *ab hominibus doctis acceperimus*—„какъ я узналъ отъ ученыхъ“, при чемъ Цицеронъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, Аристотеля; и въ другомъ мѣстѣ онъ также говоритъ: *Nam quod ajunt: minima de malis*¹⁾.

96. Поговорка—привычка— вторая природа, считающаяся въ числѣ русскихъ пословицъ (Даль 754), съ бѣльшимъ правомъ можетъ быть названа переводною, заимствованною, хотя и неизвѣстно, съ какого языка она взята, съ греческаго, или латинскаго. Раньше всего она встрѣчается у Аристотеля въ слѣдующей формѣ: καὶ γὰρ τὸ εἰθισμένον ὥσπερ πεφωκός ἦδη γίγνεται (Arist. rhet I 11 § 3), т. е. „привычка становится уже природнымъ свойствомъ“. Затѣмъ Цицеронъ, который, какъ извѣстно, старался распространить въ Римѣ философскія понятія грековъ, ту же мысль передаетъ такъ: *consuetudine quasi alteram quandam naturam effici* (Cic. de fin. V 25, 74): „привычкой создается какъ-бы вторая природа“. У позднѣйшихъ писателей (IV и V вѣковъ), Августина, Макробія (saturn. VII 9, 7) и друг. выраженіе—*consuetudo secunda natura* употребляется какъ формула, близкая къ пословицѣ; отъ нихъ, безъ сомнѣнія, она перешла въ новѣйшіе языки²⁾ и, вѣроятно, изъ этого же источника произошла къ намъ.

97. Пословица—чтобы узнать челоѣка, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть, или челоѣка узнаешь, когда съ нимъ пудъ соли рас-

¹⁾ Cic. de off. III 1, 3; III 29, 105.

²⁾ *L'habitude est une seconde nature*, *Gewohnheit ist andere Natur*; чешск. и польск. у Чехяк. 221.

хлебаешь (Даль III 557, IV 82), известная и въ другихъ новѣйшихъ языкахъ, заимствована съ греческаго. Въ позднѣйшихъ сборникахъ (XIII—XV вѣковъ) встрѣчается поговорка: Ἀλὼν μέδιμνον ἀποφαγών, ¹⁾ смыслъ которой для авторовъ этихъ сборниковъ былъ несовѣстъ ясенъ; по ихъ объясненію, это выраженіе означало людей неблагодарныхъ, или забывающихъ хлѣбъ—соль (ἐπὶ τῶν ἀχαρίστων, или ἀμνημονούτων φίλων). Такое толкованіе будетъ непонятно, если не принять глагола ἀποφαγεῖν въ значеніи, „перестать ѣсть,“ „отказаться отъ ѣды,“ такъ что Ἀλὼν μέδιμνον ἀποφαγών будетъ значить: „отказавшійся ѣсть медимнъ соли,“ т. е. разорвавшій дружбу, при чемъ все таки предполагается существованіе другой поговорки, соотвѣтствующей нашей. Но одна ли можно удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ. Не значить ли здѣсь ἀποφαγών (собств. окончившій ѣду) просто „сѣѣвшій“ (=καταφαγών, хотя по смыслу лучше было бы σαρφαγών? Если допустить такое значеніе глагола, то выраженіе Ἀλὼν μέδιμνον ἀποφαγών — „сѣѣвшій (разумѣется вмѣстѣ съ кѣмъ) медимнъ соли“ не будетъ ли равносильно выраженію — „старинный, испытанный другъ“? (Срвн.: *изъѣданъ другъ, куль соли вмѣстѣ съѣвши* Даль 859). На это толкованіе наводитъ насъ одно мѣсто у Плутарха, гдѣ встрѣчается аналогичное выраженіе: „я не хочу сказать, что мы должны имѣть только одного друга; но между прочими друзьями, съ которыми мы еще недавно и притомъ одинъ разъ познакомились или за общей попойкой, или на играхъ, или въ гостинницѣ, или въ палестрѣ, или на площади, у насъ долженъ быть одинъ любимый другъ, который бы, по известной пословицѣ, *сѣлъ съ нами медимнъ соли*“ (τῶν Ἀλὼν σὺγκатеδηροῶς μέδιμνον Plut. de amic. mult. 3), т. е. такой другъ, вѣрность котораго была бы испытана въ продолженіи многихъ лѣтъ. Отсюда видно, что у грековъ была пословица, соотвѣтствующая нашей (съ тою лишь разницей, что медимнъ,—обыкновенная у грековъ единица мѣры, какъ у насъ пудъ,—втрое больше пуда). Тоже доказываютъ два текста древнѣйшаго писателя, у котораго встрѣчается ука-

¹⁾ Greg. Cyp. I 76, cod. Leid. I 23, cod. Mosq. I 73; Macar. I 82 и Apost. II 28.

заніе на эту пословицу, именно, Аристотеля: οὐ γάρ ἐστιν ἄνευ πείρας οὐδεμῶς ἡμεῖρας ὁ φίλος· διὸ εἰς παροιμίαν ἐλήλυθεν ὁ μέδιμνος τῶν ἄλῶν (Arist. ethic. Eudem. VII 2, § 46) т. е. „нельзя назвать другомъ человека, совсѣмъ неизвѣстнаго намъ по опыту; поэтому и въ пословицу вошелъ и вѣстный *медимнъ соли*“; другое мѣсто: κατὰ τὴν παροιμίαν γὰρ οὐκ ἔστιν εἰδῆσαι ἄλλήλους, πρὶν τοὺς λεγομένους ἄλας συναναλῶσαι (Aristot. eth. Nicom. VIII 3, § 8), т. е. „невозможно узнать другъ друга, пока не съѣдена извѣстная въ пословицѣ мѣра соли“ (cf. τὸν θρολοῦμενον τῶν ἄλῶν μέδιμνον Plut. de frat. am. 8). Что пословица была у римлянъ, доказываетъ одно мѣсто у Плавта: Non ecaster vilis emptu' st modius qui venit salis (Plaut. Cas. 538). Нѣсколько другое примѣненіе дано этой пословицѣ Цицерономъ: verumque illud est, quod dicitur, multos modios salis simul edendos esse, ut amicitiae munus expletum sit (Cic. Lael. de amic. 19, 67): „правду говорить пословица, что много мѣръ соли нужно съѣсть вмѣстѣ, чтобы выполнить задачу дружбы,“ т. е. достигнуть полной гармоніи душъ, составляющей задачу дружбы.

98 и 99. Двѣ нашихъ пословицы—отъ хозяйскаго глаза и конь добръетъ и идъ хозяинъ ходитъ, тамъ и хлѣбъ родится,¹⁾ стоящія рядомъ въ сборникѣ Дала, обѣ взяты изъ одного текста Аристотеля: Καὶ τὸ τοῦ Πέρσου καὶ τὸ τοῦ Δίβου ἀπόρρηγμα εὖ ἂν ἔχοι· ὁ μὲν γὰρ ἐρωτηθεὶς τί μάλιστα ἵππον πιάνει, ὁ τοῦ δεσπότου ὀφθαλμός, ἔφη. ὁ δὲ Δίβος ἐρωτηθεὶς ποῖα κόπρος ἀρίστη, τὰ τοῦ δεσπότου ἵχνη, ἔφη²⁾, т. е. „правильными могутъ считаться изрѣченія Перса и Ливіица: именно. первый на вопросъ, отъ чего конь больше всего жирѣетъ? отвѣчалъ: отъ хозяйскаго глаза. А второй на вопросъ, какое наилучшее удобреніе для полей? сказалъ: слѣды ногъ хозяина“. Первое изъ этихъ изрѣченій приводится позднѣе Плутархомъ: Οὐδὲν οὕτω πιάνει τὸν ἵππον, ὥς βασιλέως ὀφθαλμός (Plut. de educ. puer. 13). Римскіе авторы, напротивъ, усвоили вторую сентенцію, по которой хозяйскій при-

¹⁾ Даль 635; II 157 и 182 съ двумя вариантами: *отъ хозяйскаго глаза и конь жирѣетъ и глазъ господскій удобжаетъ ниву* (последній книжнаго характера).

²⁾ Arist. oecon. I cap. 6 § 3.

смотреть лучше всего способствуетъ плодородію полей, напр. Плиній говорить: *majores fertilissimum in agro oculum domini dixerunt*¹⁾. Славяне, также французы, нѣмцы и англичане знаютъ пословицу, приводимую Плутархомъ; напр. сербы говорятъ: *очи господарове коня юе*; галичане: *паньске око коня тучить*; французы: *L'oeil du maitre engraisse le cheval*. Чешск., польск., нѣм., англ. см. у Челяк. 428.

100. Аристотелевское изрѣченіе — *τὰ κακὰ συνέχει τοὺς ἀνθρώπους* (rhet. I 6 § 20)²⁾ и по формѣ и по значенію соотвѣтствуетъ нашей поговоркѣ: *горе сдружаетъ людей* (Даль IV 171). „Часто привязываются другъ къ другу люди, видѣвъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе, или служившіе въ войскѣ, или попавшіе въ плѣнъ, или даже страдающіе одною и тою же болѣзнью“ (Erasm. adag II 1, 71).

XXIX. Менандръ.

101, 102, 103. У греческихъ писателей, особенно у комиковъ, часто встрѣчается проявленіе такъ называемой Цицерономъ *misogynia* (Tuscul. IV 11, 25), т. е. неависти къ женщинамъ. Въ причины этого явленія мы не будемъ входить; замѣтимъ только, что жестокія выходки писателей противъ женщины свидѣлствуютъ объ ея униженіи въ положеніи у грековъ. Обыкновенное сравненіе, къ которому прибѣгаютъ писатели, говоря о женщинѣ, это—сравненіе ея съ „неукротимымъ, наглымъ звѣремъ“³⁾. „Не легко найти честную жен-

¹⁾ Plin. h. n. XVIII 8, 2 ed. ster. Lips. 1830. Трудно сказать, имѣетъ ли вторая изъ этихъ поговорокъ (*иди хозяинъ ходитъ, тамъ и злѣнь родится*) какую нибудь связь съ мнѣніемъ представленіемъ, по которому гдѣ проходили боги, тамъ подымались изъ земли роскошныя злаки; представленіе это сохранилось, между прочимъ, у нашихъ бѣлорусовъ о богѣ Яригѣ (А. Аванасьева Поэт. возр. слав. на прир. I 441).

²⁾ Cf. Eurip. Hel. 644 τὸ κακὸν δ' ἀγαθὸν σέ τε κάμει συνάγαγε.

³⁾ Οὐδὲν ἐστὶ θηρίον γυναικὸς ἀμαχώτερον, οὐδὲ πῦρ, οὐδ' ὧδ' ἀναιδής· οὐδεμία πόρδαλις (Aristoph. Lys. 1014); οὐκ ἔστ' ἀναισχυντότερον οὐδὲν θηρίον εἰσορᾶν γυναικὸς ἀπ' ἑμαυτῆς ἐγὼ τεκμαίρομαι (Alexid. frgm. Th. Kock, II p. 403). Πολλὸν κατὰ γῆν καὶ κατὰ θαλάτταν θηρίων ὄντων, μέγιστόν 'ἐστι θηρίον γυνή (Menandri frgm. A. Meineke, IV p. 214).

щину“ (Γυναικὸς ἐσθλῆς или Γυναικὸς ἀγαθῆς ἐπιτυχεῖν οὐ ῥάδιον), говорится въ отрывкахъ Менандра и Дифила¹⁾. Глупость ея или *бабий умъ* (Даль I 34), т. е. недалекий, вошелъ въ поговорку: Γυναικὸς φρένες ἐπὶ τῶν ἀνοήτων²⁾; „лучше похоронить жену, чѣмъ жениться“ (Γυναῖκα θάπτειν κρείσσον ἐστὶν ἢ γαμεῖν), говорятъ Харемонъ и Менандръ³⁾. У насъ, въ древней Руси, распространились греческіе взгляды; предостереженія противъ женскихъ соблазновъ и нападки на женщинъ во вкусѣ греческой комедіи—одна изъ любимыхъ темъ нашихъ древнихъ моралистовъ. Сказанія „о злой женѣ и о злобахъ женскихъ“ были распространены въ древне-русской гномичной литературѣ; такъ въ „Словѣ“ Данила Заточника находится тирада о „злообразной женѣ“, заимствованная, кажется, изъ греческихъ источниковъ⁴⁾. Въ числѣ апофегмъ, приписываемыхъ въ одной старинной рукописи Св. Григорію Богослову (Назіанзину)⁵⁾, встрѣчаются изрѣченія о злой женѣ, прямо взятые изъ Менандра, напр. „звѣрей всѣхъ свирѣпѣйши есть жена“: Θηρῶν ἀπάντων ἀγριωτέρα γυνή (Menandr. monost. 248); „буря велія есть дому злая жена“: Χειμῶν κατ' οἴκους ἀνδράσιν κακὴ γυνή (Menandr. mon. 540)⁶⁾. Изъ рукописныхъ сборниковъ подобныя изрѣченія перешли въ народъ; неудивительно поэтому, что нѣкоторые изъ сентенцій Менандра сохранились въ русскихъ народныхъ поговоркахъ, напр. сентенція Λέοντι σοῦζῃν ἢ γυναικὶ συμβιοῦν (Men. mon. 327), т. е. *хреѣттовъ*, въ рукописи Григорія Богослова находится въ буквальный переводъ: „со львомъ лучше жить, нежели съ женою злою“. а въ современной поговоркѣ, ради рѣимы, допущено измѣненіе: *лучше жить со змѣею, чѣмъ со злою женою* (Даль I 710).

¹⁾ Men. monost. 94; Apost. V 77 a; Bothe p. 651.

²⁾ Diozen. IV 3; Greg. Cyr. Leid. I 83, Mosq. II 73; Apost. V 75; ср. ниже № 323.

³⁾ Meineke IV p. 690; Bothe p. 756; Menandr. mon. 95; Apost. V 77 b ср. выше № 37.

⁴⁾ См. В. Щурата Слово Данила Заточника, Львовъ 1896, стр. 26: „в гречѣмъ первовзори „Слова“, в поемѣ Гліки е эпизоди про женщины, зовсімъ схожі з відповідними уступами „Слова“.

⁵⁾ Ив. Снегирева Русскіе въ своихъ пословицахъ. I 73—77.

⁶⁾ Meineke приводитъ изъ Anecdota Вуассонада варіантъ: Χειμῶν μέγιστος οἰκία κακῇ γυνί, гдѣ, можетъ быть, лучше οἰκία.

Далѣ,—моностихъ Менандра (231, cf. 264), вошедшій въ сборникъ Макарія (IV 61; cf. Erasmi adag. II 2, 48),—Θάλασσα καὶ πῦρ καὶ τρίτον κακὴ γυνή въ упомянутой рукописи переведенъ почти буквально: „море и огонь и жена три зла“, а въ русской народной поговоркѣ, не имѣющей параллелей въ другихъ, даже славянскихъ языкахъ, опять измѣненъ: *отъ пожара, отъ потопа, отъ злой жены, Боже, охрани* (Даль I 548). Латинскіе писатели тоже находятъ три опасныхъ вещи для юношей, но въ другомъ родѣ, именно: *pox mulier vinum*, или *pox amor vinum*¹⁾. Наконецъ, что женщинѣ (или женѣ) не слѣдуетъ вѣрить,—это общая тема русскихъ и греческихъ поговорокъ; напр. мы говоримъ: *не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ* (Даль I 548), а греки выражались еще рѣшительнѣе: Γυναῖκί μὴ πιστεύε, μηδ' ἄν ἀποδύνη²⁾. Древнѣйшія изрѣченія въ этомъ родѣ принадлежатъ Гомеру, Гесіоду, Еврипиду и Менандру. Уже у Гомера тѣнь Агамемнона предостерегаетъ Одиссея, чтобы онъ не слишкомъ довѣрялся женѣ, ἐπεὶ οὐχέτι πιστὰ γυναῖξιν Odys. XI 456); Гесіодъ выражался въ томъ смыслѣ, что довѣрять женщинамъ и отъявленными плутамъ одно и тоже: Ὅς δὲ γυναῖκί πέποιθε, πέποιθ' ὅγε φίλῃ τῇσι (Hes. opp. 375). Еврипидъ также говоритъ о вѣроломствѣ женскаго пола: ὀρᾷτ' ἀπιστον ὥς γυναικεῖον γένος (Iph. T. 1298); у Менандра встрѣчаются такія же сентенціи, напр. ὥς ἐστ' ἀπίστος ἡ γυναικεῖα φύσις (monost. 560); γυναῖκί μὴ πιστεύε τὸν αὐτοῦ βίον (mon. 86)³⁾.

104. Наня поговорка—*Богъ другую любя приберетъ* (Даль 289) ведетъ начало изъ классической древности; именно, Менандру, представителю новой комедіи (IV вѣка до Р. Хр.) приписывается изрѣченіе: ὃν οἱ θεοὶ φιλοῦσιν ἀποδνήσκει νέος⁴⁾, которое потомъ буквально было воспроизведено Плавтомъ: *Quem di diligunt Adulescens moritur* (Plaut. Bacch. 816). Впрочемъ, зародышъ этого представле-

¹⁾ Plaut. Bacch. 88; Ter. Adelph. 470; Ov. amor. I 6, 59.

²⁾ Diogen. IV 4; Greg. Cyr. II 8, cod. Mosq. II 61; Macar. III 13; Apost. V 77.

³⁾ Cf. Meineke frgm. com. Gr. IV p. 432.

⁴⁾ A. Meineke Frgm. com. Gr. IV 1841 p. 105; Th. Kock III p. 36; тоже Men. monost. 425.

нія нѣкоторые находили уже у Гомера ¹⁾. Въ діалогѣ псевдо-Платона *Axiochus* встрѣчается замѣчаніе, что „боги, знающіе человѣческія дѣла, скорѣе избавляютъ отъ жизни (*ἀπαλλάττοσι τοῦ ζῆν*) тѣхъ, кого наиболѣе цѣнятъ“, и приводятся стихи неизвѣстнаго поэта, относящіеся къ Амфіарая: „кого Зевсъ и Аполлонъ сердечно любили, тотъ не достигъ порога старости“ (*Axioch. p. 367 sq.*). Изъ позднѣйшихъ авторовъ сентенцію Менандра приводитъ Плутархъ (*consol. ad Apoll. cap. 34*) и Климентъ Александрійскій (*Strom. VI 2 p. 265 Sylb.*), а изъ пареміографовъ только Апостолій-Арсеній (*XII 81 a*) ²⁾. Къ сожалѣнію, ни греческая, ни римская литература не представляетъ данныхъ для объясненія этого въ высшей степени интереснаго и, очевидно, очень древняго воззрѣнія. Родственное воззрѣніе, встрѣчающееся у римскихъ писателей, но несомнѣнно заимствованное у грековъ и отразившееся на понятіяхъ новѣйшихъ народовъ, состоитъ въ томъ, что лучшіе, разумные люди, особенно дѣти, рано подающія большія надежды, недолговѣчны; относительно дѣтей и у насъ существуетъ это повѣрье: „не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ“, говорятъ у насъ суевѣрные люди про умнаго ребенка. Изъ латинскихъ писателей наиболѣе ясно выражена эта мысль у старшаго Сенеки: *ajeбат (Cestius) tam immature magnum (pueri) ingenium non esse vitale* (*Sen. controv. I 1, 22 ed. Müll. p. 27*), т. е. „Цестій утверждаетъ, что преждевременно развившійся умъ ребенка не подаетъ надежды на долгую жизнь“. Приведемъ еще одинъ стихъ Овидія: *Optima prima fere manibus rapiuntur avaris* (*Ov. am. II 6, 39*): „все почти, что есть самаго лучшаго, похищается алчною смертью“, и Марціала: *Immodicis brevis est aetas et rara senectus* (*Mart. VI 29, 7*): „у выходящихъ изъ ряда людей коротокъ вѣкъ, и рѣдко доживаютъ они до старости“ ³⁾. Взгляды, приближающіеся къ христіанскимъ понятіямъ, мы встрѣчаемъ у Плутарха въ сочиненіи Пара-

¹⁾ Plut. *consol. ad Apoll. cap. 17*; cf. *Ameis Anh. zu Odys. XV 246*.

²⁾ И въ письмахъ блж. Іеронима встрѣчается выраженіе: *corripit eum Dominus, quem diligit*. S. Hieron. *scil. epist. I. Catalani*. 1776, p. 462.

³⁾ Интересны еще объясненія схоластовъ къ *Hor. sat. II 7, 3*.

μυθητικὸς πρὸς Ἀπολλώνιον (Consolatio ad Apollonium); въ главѣ 14 примѣрами, заимствованными изъ Геродота, Пиндара и другихъ, онъ доказываетъ, что многіе удостоились смерти, какъ дара, за *благочестіе*, а въ главѣ 31 говорить: „кто знаетъ? Можетъ быть, Богъ въ своей отеческой предусмотрительности и заботливости о человѣческомъ родѣ, предвидя грядущія событія, раньше времени призываетъ нѣкоторыхъ отъ жизни... Въ большинствѣ случаевъ смерть предваряетъ другія, большія несчастія; для нѣкоторыхъ полезно было бы совсѣмъ не родиться, для другихъ лучше умереть тотчасъ по рожденіи, или проживъ немного, или же по достиженіи цвѣтущаго возраста“. Спрашивается, откуда могло возникнуть повѣрье, будто лучшіе люди недолговѣчны? Не ость ли это отраженіе, съ одной стороны, древне-греческаго представленія о *зависти боговъ* (φθόνος θεῶν)¹⁾, которые поражаютъ молніей возвышенные предметы и губятъ людей, выдающихся богатствомъ и умомъ, а съ другой стороны,—общаго всей древности убѣжденія, что для умиловленія Божества требуется принесеніе въ жертву лучшихъ плодовъ, особенно начатковъ и первенцевъ (ἀχρόβια primitiae). И русская пословица гласитъ: *первый сынъ Богу, второй Царю, третій себѣ на пропитаніе* (Даль 405).

105. *Спать на одно ухо*, говоримъ мы; *однимъ ухомъ спитъ, другимъ слышитъ*, т. е. спать чутко, беспокойно; *спать на оба уха* т. е. отложить всѣ заботы (Даль IV 540). Такія же поговорки были у грековъ. Болѣе извѣстная изъ нихъ—Ἐπ' ἀμφοτέρᾳ χεῖρὶ δαίτυ τὰ ὤτα²⁾ приписывается Менандру³⁾. Отъ грековъ она перешла въ римскую комедію: *Ademptum tibi jam faxo omnem metum, In aurem utramvis otiose ut dormias*⁴⁾.

106. Сказанное слово, которое нельзя воротить, у насъ сравнивается съ выпущеннымъ воробьемъ: слово воробей, вылетитъ—не

¹⁾ См. напр. Pind. Isthm. VI или VII 55; Herod. VII 10 и 46; cf. Hor. carm. II 10, 11.

²⁾ Append. provv. II 78; Apost. VII 72 а съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν χειρῶν καὶ φροντίδων ἔξω ὄντων.

³⁾ Gell. N. A. II 23, 9; A. Mein. fr. com. IV p. 189; Th. Kock III p. 115.

⁴⁾ Ter. Heaut. 341; параллельныя мѣста приведены у Отто № 211.

поймаешь (Даль IV 227). У Менандра для этого сравненія служить пущенный камень: Οὐτ' ἐκ χειρὸς μεθέντα χαρτερὸν λίθον Ῥᾶον κατασχεῖν, οὐτ' ἀπὸ γλώσσης λόγον¹⁾. У Горация метафора берется отъ пущенной стрѣлы: *Et semel emissum volat irrevocabile verbum* (Hor. epist. I 18, 71). Но прототипомъ нашей пословицы можетъ считаться одно мѣсто у Плутарха, гдѣ сказанное слово сравнивается съ выпущенной изъ рукъ птицей: οὔτε γὰρ πτηνὸς ἐκ τῶν χειρῶν ἀφέντα ῥᾶδιόν ἐστιν αὖθις κατασχεῖν, οὔτε λόγον ἐκ τοῦ στόματος προέμενον κρατῆσαι καὶ συλλαβεῖν δυνατόν (Plut. de garrul. 10).

107. Понятія о судьбѣ и счастьи у насъ сложились, какъ кажется, не безъ вліянія античныхъ традицій; напр., мы говоримъ: *сильной рокъ, сильное счастье* въ соотвѣтствіи съ греческимъ представленіемъ, какъ оно выражено Менандромъ: τυφλὸν γε καὶ δούστην ἐστὶν ἢ τύχη, или Τυφλὸν δὲ καὶ δούστηνον ἀνθρώποις τύχη²⁾. И не только сама судьба слѣпа, но и любимцевъ своихъ дѣлаетъ слѣпыми; особенно такимъ свойствомъ отличается одинъ изъ важнѣйшихъ даровъ фортуны, — богатство: Τυφλὸν ὁ πλοῦτος καὶ τυφλοὺς τοὺς ἐμβλέποντας εἰς ἑαυτὸν δεικνύει (Men. frgm. Meineke p. 93). Позднѣе и поговорка сложилась у грековъ: Τυφλὸς ὁ πλοῦτος (Mascag. VIII 60; cf. Plut. Lycurg. 10 и Apost. I 53). Впрочемъ, еще задолго до Менандра Еврипидъ высказалъ мысль, что счастье слѣпо и помрачаетъ умъ богачей³⁾. Цицеронъ тоже, вѣроятно, подъ вліяніемъ греческихъ представленій говорить: *Non enim solum ipsa Fortuna caeca est, sed eos etiam plerumque efficit caecos, quos complexa est* (Cic. de amic. 15 § 54). Французы и нѣмцы наслѣдовали такой же взглядъ на фортуны: *Fortune aveugle le siens aveugle. Das Glück ist blind und macht blind.* — Далѣе, у насъ въ обыденномъ языкѣ небезызвѣстно

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторыми это двусмысліе приписывается Еврипиду, cf. Mein. Frgm. com. Gr. IV p. 257; Th. Kock III p. 265.

²⁾ Mein. Frgm. com. Gr. IV p. 195; Menandri mon. 718; Th. Kock. III p. 121. Напротивъ, *Діонисій Катонъ* предостерегаетъ безпечныхъ: cum sis incautus nec rem ratione gubernes, Noli fortunam, quae non est, dicere caecam (Cat. distich. de mor. IV 3. ed. Némethy 1895).

³⁾ Eurip. frgm. ed. Wagn. 764, ed. Math. 17; Apost.-Arsen. V 93 i.

классическое колесо фортуны, которое при вращеніи своемъ однихъ возвышаетъ, другихъ унижаетъ, какъ нижняя часть обода идетъ вверхъ, а верхняя внизъ. Изъ греческихъ источниковъ мы приведемъ двустипшіе неизвѣстнаго поэта, цитируемое Плутархомъ:

Τροχῷ περιστρίχοντος ἄλλοθ' ἡτέρα

Ἀφίς ὑπερθε γίγνεται ἄλλοθ' ἡτέρα

(Plut. consol. ad Apoll. 5; также Масар. VIII 58); и вообще чело-
вѣческія дѣла по своей измѣнчивости сравнивались съ колесомъ или
кругомъ: τροχός (κύκλος) τὰ ἀνθρώπινα¹⁾. У римлянъ *rota Fortunae*
было очень употребительное выраженіе²⁾. Наконецъ, что умъ чело-
вѣчскій ничего не значить въ сравненіи со счастьемъ или судьбою,
эту мысль выражаютъ какъ наши, такъ и греческія поговорки; напр.,
мы говоримъ: *счастье дороже ума*, или *не родись умнѣе, родись*
счастливѣе, (Даль IV 381); въ связи съ этимъ находится выраженіе:
дурацкое счастье. Греческія сентенціи въ этомъ родѣ находятся въ
числѣ моностиховъ Менандра, хотя, быть можетъ, принадлежать дру-
гимъ авторамъ; напр. характерное выраженіе, цитируемое Григоріемъ
Назіанзиномъ: Θέλω τέχνης σταλαγμὸν ἢ φρενῶν πίδακα („капельку
счастья я предпочитаю бочекъ ум-“), или: Τύχη τὰ θνητῶν πράγματα,
οἷον εὐβουλίαν, или Γνώμη γὰρ οὐδὲν ἐστίν, ἡ τύχη δὲ πᾶν т. е. „умъ
ничего не значить, все значить судьба“³⁾. У латинскихъ авторовъ
встрѣчаются выраженія, близко подходящія къ нашей поговоркѣ—
счастье дороже ума, напр. *Fortuna in homine plus quam consi-*
lium valet;⁴⁾ *fortuna plus consiliis humanis pollet* (Liv. XLIV 40).

108. Золотой молотокъ и желѣзные ворота прокуетъ; золо-
той ключикъ отпираетъ всѣ двери (Даль 55). Прототипомъ на-
шихъ поговорокъ можетъ считаться одинъ изъ моностиховъ Менандра,
принадлежащій если не самому Менандру, то другому писателю ат-
тической комедіи, или какому нибудь либографу: χρυσὸς δ' ἀνοίγει

¹⁾ Greg. Cyr. cod. Leid. III 16; Apost. X 28 и XVII 33.

²⁾ Мѣста авторовъ собраны у Отто № 695.

³⁾ Menandr. mon. 240, 725; Th. Kock frgm. incert. poet 147, III p. 487.

⁴⁾ P. Syri sent. 192 ed. Meyer. Въ изд. Auct. lat. min. (Lips. 1790) 227: *For-*
tuna plus homini quam consilium valet.

πάντα κλέδου πύλας (Menandr. mon. 538 и примѣч. Meineke), — „золото отпираетъ всѣ (запоры), даже врата ада“¹⁾. Изъ римскихъ авторовъ также можно привести подобныя сентенціи; напр. Ног. сатм. III 16, 9 *Aurum per medios ire satellites Et perrumpere amat saxa*, т. е. „золото проходить сквозь стражу и пробиваетъ скалы“ (срвн. *деньга и камень долбитъ* Даль 58). Еще ближе къ нашей поговоркѣ выраженіе, встрѣчающееся у Апулея: *solent adamantinae etiam perfringi fores* (Apul. met. IX 18), т. е. „золотомъ и желѣзные ворота можно проломать“. — Другой разрядъ составляютъ наши поговорки: *стрѣлять серебряною дробью* (Даль IV 179), *удить на серебряный крючокъ* (Даль 55; I 175) и т. п. Такія же фигуральныя выраженія были и у грековъ. Говорятъ, что Филиппу македонскому данъ былъ оракулъ, вошедшій потомъ въ сборники пословицъ: „сражайся серебряными копьями, и ты побѣдишь всѣхъ“ — Ἀργυρέαις λόγχοις μάχου καὶ πάντα κρατήσεις²⁾. Подъ „серебряными копьями“, по замѣчанію Гесихія, разумѣлись οἱ μισθοφόροι (наемные солдаты)³⁾. Въ другомъ смыслѣ встрѣчается выраженіе *aureo hamo piscari* у Suet. Octav. 25.

109. У Даля (169; IV 418) приводится поговорка: *бесѣды злыя тлятъ обычаи благіе* (*тлятъ обычаи благи бесѣды злы*), книжный характеръ которой сразу бросается въ глаза; дѣйствительно, поговорка буквально заимствована изъ славянскаго текста I посланія къ Коринѳянамъ (гл. 15, ст. 33); порусски это изрѣченіе переводится такъ: „худыя сообщества развращаютъ добрыя нравы“. Обращаясь къ греческому оригиналу этого мѣста, мы находимъ правильный ямбическій триметръ очень извѣстный въ классической литературѣ: φθειροῦσι τῇθι χρῆσθ' ὀμιλίαι κακαί. Авторомъ этого стиха нѣкоторые

¹⁾ Интересны по своей наивности славянскія поговорки: чешск. *Zlatý klíč všecky oterre—i pekelný: ale nebesky netuže*. Серб. *Златанъ ключичъ сваку брану отвори, окромъ небеску* (Челяк. 164).

²⁾ Diogen. II 81; Suid. I 696; Greg. Cyr. I 67, cod. Mosq. I 64; Масар. II 29; Apost. III 91.

³⁾ Еще о Филиппѣ см. Cic. ad Att. I 16, 12; Ног. carm. III 16, 13 sqq. Plut. Aemil. Paul. 12.

считают Еврипида, именно, основываясь на показаніи Сократа схоластика, писателя V вѣка по Р. Хр., автора церковной исторіи (Euripidis frgm. ed. Wagner № 962 р. 847); но большинство слѣдуетъ авторитету блаж. Иеронима, который приводитъ его въ слѣд. формѣ: *corrumpunt mores bonos confabulationes pessimae* (ер. 70. 2 р. 426) и приписываетъ его Менандру¹⁾. На латинскій языкъ стихъ переведенъ Тертуліаномъ: *Bonos corrumpunt mores congressus muli* (Tertul. ad uxor. I 8 sub. fin.).

110. Русская пословица—*когда дубъ въ дребезни упадетъ, кто хочетъ щепки подбираетъ*, также какъ и чешская—*kdyz dub padne, ledakdos trisky sbira* (объ у Челяк. 180) представляютъ переводъ греческой пословицы: *Δρυὸς πεσοῦσης πᾶς ἀνὴρ ξυλεῖται*, находящейся въ трехъ сборникахъ: Append. provv. II 1; Масар. III 39 и Apost. VI 36 съ объясненіемъ: *παρίσον ἀνὴρ μέγας ὅταν σφαλῇ, πάντες κατ' αὐτοῦ φέρονται καὶ τὰ αὐτοῦ ἀρπάζουσι* т. е. „когда падетъ сильный мужъ, всѣ на его счетъ пользуются и похищаютъ принадлежащее ему“²⁾. Но древнѣйшимъ литературнымъ источникомъ пословицы являются Менандровы *Γυναικὶ μονόστιχοι* v. 123; не нужно, впрочемъ, забывать, что многіе изъ этихъ моностиховъ вовсе не принадлежатъ Менандру. Латинская версія—*arbore dejecta ligna quivis colligit* принадлежатъ Еразму и не находится въ числѣ сентенцій П. Сира, которому приписываетъ ее *Лейчъ* (not. ad Mac. et Apost.).

111. *Золото огнемъ искушается, а человекъ напастью* (Даль II 50 изъ „Моленія“ Даниїля Заточника)—одна изъ тѣхъ сентенцій, которыя были очень распространены въ древности, и уже въ книгахъ Ветхаго Заветъ можно указать подобныя сравненія. Мы ограничимся нѣсколькими примѣрами изъ греческихъ и римскихъ писателей. Древнѣйшее изрѣченіе въ этомъ родѣ принадлежитъ Менандру:

¹⁾ На поляхъ одного древняго экземпляра Новаго Заветъ Генрихъ Стефанъ видѣлъ надпись, удостоверяющую, что стихъ этотъ принадлежитъ Менандру. Мейнке и другіе издатели приняли его въ число фрагментовъ Менандра; въ изданіи Firmin Didot Men. frgm. Thais 2, monost. suppl. 101.

²⁾ Exemplum hujus adagionis est apud Iuvenalem de Sejano, заимствуетъ Еразмъ adag. III 1, 86).

Χρυσὸς μὲν οἷδεν ἐξελέγχεσθαι πυρί, Ἡ δ' ἐν φίλοις εὖνοια καιρῷ γί-
νεται¹⁾, т. е. „золото на огонь можетъ быть испытано, а расположение
друзей узнается въ трудную минуту“. Цицеронъ въ одномъ изъ сво-
ихъ писемъ воспроизводитъ сентенцію Менандра: *quasi aurum igni,
sic benevolentia fidelis periculo aliquo perspicui potest* (Cic. ad fam.
IX 6, 2). Также одинъ изъ менестиховъ Менандра, приводимый въ
сборникѣ Апостолия-Арсенія, гласитъ: κρίνει φίλους ὁ καιρός, ὡς χρυ-
σὸν τὸ πῦρ (Men. mon. 276; Apost. X 8 a). Изъ латинскихъ писа-
телей, кромѣ Цицерона, сентенція встрѣчается у Сенеки: *Ignis aurum
probat, miseria fortes viros* (Sen. de provid. cap. 5 § 9). Французы
также говорятъ: *L'or s' éprouve par le feu, l'homme par malheur*.

XXX. Филемонъ.

112. Греческій оригиналъ нашей пословицы—*не мѣсто кра-
ситъ человека, а человекъ мѣсто* (Даль 769) не восходитъ раньше
I вѣка по Р. Хр. (разумѣемъ нижеслѣдующій текстъ Плутарха), но
прототипъ ея гораздо древнѣе и относится къ началу новой комедіи,
именно, у Филемона, писателя IV—III вѣка до Р. Хр., между уцѣ-
лѣвшими фрагментами его комедій встрѣчаются стихи: Οὐχ ἡ πόλις
σου τὸ γένος εὐγενὲς ποιεῖ, Σὺ δ' εὐγενέζεις τὴν πόλιν πράττων καλῶς
(Th. Rosk II p. 528 Philem. fr. 180), т. е. „не городъ возвы-
шаетъ твое благородство, но ты самъ своими доблестными дѣяніями
прославляешь отечественный городъ“. Гораздо ближе къ нашей посло-
вицѣ изрѣченіе, приписываемое Плутархомъ юношѣ-Агезилаю: когда
распорядитель хора во время *гимнопэдиѣ*, разставляя мальчиковъ, от-
велъ Агезилаю одно изъ второстепенныхъ мѣстъ, послѣдній, хотя и
былъ наслѣдникомъ спартанскаго престола, безпрекословно повиновался,
но сказалъ при этомъ: „хорошо; я докажу, что не мѣсто дѣлаетъ
честь человѣку, а человѣкъ мѣсту“—οὐχ οἱ τόποι τοὺς ἀνδρας ἐντι-
μοὺς, ἀλλ' οἱ ἀνδρες τοὺς τόπους ἐπιδεικνύουσι (Plut. apophth. Lac.

¹⁾ Men. frgm. 148 ex rec. Dindorf. ed. Firm. Didot; вѣсто γίνεται, въ другихъ
изданіяхъ лучше κρίνεται.

Ages. 6 p. 208 D). На латинскомъ языкѣ ту же сентенцію—*homo ornatus locum, non hominem locus* мы встрѣчаемъ у грамматика IV вѣка, Харизія, который приводитъ ее въ примѣръ „антиметаболы“¹⁾. Подобная же, но не тождественная сентенція (на греч. яз.) встрѣчается въ сочиненіяхъ Іоанна Дамаскина, который приписываетъ ее Іоанну Златоусту²⁾, и, наконецъ, какъ proverbium, буквально соответствующее нашей пословицѣ, находится въ сборникѣ Апостолія (XIII 62): οὐχ ὁ τόπος τὸν ἄνδρα, ἀλλ' ὁ ἀνὴρ αὐτὸν ἔντιμον ποιεῖ. Вотъ всѣ литературные источники нашей пословицы, не имѣющей, кажется, параллелей въ другихъ языкахъ. Изъ какого источника она перешла къ намъ, неизвѣстно.

113. Всѣмъ извѣстная поговорка—*сколько головъ, столько умовъ* (Даль IV 206), безъ сомнѣнія, находится въ родствѣ съ такою же извѣстною латинскою сентенціей, встрѣчающеюся впервые у Теренція: *quot homines, tot sententiae*³⁾; въ другой формѣ выражена та же сентенція у Горация (sat. II 1, 27) и Овидія (art. am I 759). Но греческіе образцы гораздо древнѣе; напр. Филемону приписывается фрагментъ: Ἦμῶν δ' ὅσα καὶ τὰ σώματ' ἐστὶ τὸν ἀριθμὸν Καθ' ἐνός, τοσοῦτος ἐστὶ καὶ τρόπος ἰδεῖν (Philom. frgm. 89, Kock II 504), заключающій слѣдующую мысль: „сколько есть отдѣльных личностей, столько же можно наблюдать и характеровъ (или образовъ мыслей)“. Славянскія поговорки у Челяк. 202.

XXXI. Аполлодоръ Кариетійскій.

114. Поговорка—*держатъ волка за уши*⁴⁾, означающая опасное и безвыходное положеніе, произошла изъ аттической комедіи. Она

¹⁾ Gramm. lat. ex. rec. H. Keilii. Lips. 1856, I p. 287.

²⁾ См. примѣч. Лейча къ Apost. XIII 62. V. Szelinski (Nachträge und Ergänzungen zu Otto die Sprichwörter. Iena 1892) приводитъ еще мѣсто Цицерона: *nec domo dominus, sed domino domus honestanda est* (de off. I 39, 139).

³⁾ Ter. Phorm. 454 съ прибавкою: *Suos scl. Suus cuique mos*; Cic. de fin. I 5, 15.

⁴⁾ Малорусскую параллель—*вовка за ухо не отримати* см. у Ном. 5261; западно-славянскія (напр. польск. *Wilka za uszu trzymać*) у Челяк. 623.

приводится въ сборникѣ Макарія: Τον λύχον τῶν ὧτων ἔχειν сѣ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν ἐν κινδύνῳ καθεστῶτων. οὔτε γὰρ κατέχειν οἶόν τε οὔτε ἀφεῖναι ἀκίνδυνον (Масаг. VIII 44). Авторомъ ея считается *Аполлодоръ*, Каристійскій уроженецъ, писатель новой комедіи, славившійся около 300—260 года до Р. Хр.¹⁾ Отъ него позаимствоваль это выраженіе Теренцій: *id quod ajunt, auribus teneo lupum, Nam neque quo pacto a me amittam neque uti retineam scio* (Тер. Phorm. 506 sq. Cf. Donat: Graecum proverbium). Пословицу эту приводитъ Полибій (XXX 21 или 18, 8 ed. Hultsch. p. 1229) и Плутархъ (geir. geg. праес. 5 τὸν λύχον τῶν ὧτων κρατεῖν). Импер. Тиверій, по свидѣтельству Светонія (Tib. 25), въ виду угрожавшихъ ему со всѣхъ сторонъ опасностей, неразъ говорилъ, что онъ *держитъ волка за уши* (lupum se auribus tenere). Еще позднѣе пословица встрѣчается въ сочиненіяхъ блаж. Иеронима²⁾.

XXXII. Посидиппъ.

115. У *Посидиппа*, писателя новой комедіи (III вѣка), встрѣчается стихъ: Ὁ μὴ πεπλευκὼς οὐδὲν ἐόρακεν κακόν (ар. Athen. IV p. 154; Bothe p. 692; Kock III p. 341), т. е. „не проплывшій моря не видалъ никакого горя“; и въ сборникѣ Плянуда находится пословица: Θάλασσαν οὐκ ἐπέρασας, θεὸν οὐκ ἐφοβήθης (Plan. 223) „моря ты не проѣзжалъ, Бога не баявался (страху Божьяго не знавалъ)“. Замѣчательно, что эти сентенціи, не встрѣчающіяся болѣе ни въ какихъ источникахъ и не имѣющія параллелей въ другихъ языкахъ, кромѣ нѣкоторыхъ польскихъ поговорокъ, обѣ перешли въ русскій языкъ: у насъ есть двѣ однородныхъ пословицы, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ сентенціи Посидиппа: *кто въ моръ не бывалъ, тотъ горя не видалъ*, а другая составлена по типу Плянудовой: *кто въ моръ не бывалъ, тотъ досыта Богу не маливался* (Даль 736); польск. *Kto zna morze, wie zo gorze* и *Kto na morzu niebywal, ten dziwow newidal* (Челяк. 120).

¹⁾ Bothe Poet. com. Gr. frgm. p. 661; Th. Kock. III p. 286.

²⁾ Hieronym. contra Ioann. Hierosol. cap. 6 p. 412 Vall: *quasi auribus lupum apprehenderis, nec tenere potes, nec audes dimittere*. Cf. Erasm. adag. I 5, 25.

XXXIII. Анонимъ.

116. Наша поговорка — пристало какъ къ коровѣ сѣдло (Даль IV 187) взята съ греческаго; прототипомъ ея служить изрѣченіе, приводимое въ сборникѣ Макарія (VII 75): σοφὸν γ' ὁ βοῦς ἔφασκεν ἀστραβῆν ἰδὼν· οὐ προσήκειν αὐτῷ σκεῦος, т. е. „мудреное дѣло“, сказалъ быкъ, увидѣвъ сѣдло: не присталь-де ему этотъ нарядъ (или снарядъ)“. Можетъ быть, лучше читать: σοφῶς ὁ βοῦς etc. въ смыслѣ: „умно сказалъ быкъ, увидѣвъ сѣдло: не присталь мнѣ этотъ нарядъ“. Авторъ изрѣченія неизвѣстенъ; но едва ли можно сомнѣваться, что оно ведетъ начало изъ аттической комедіи (*Th. Kock* frgm. inc. poet. 563, III p. 510). Греческая пословица была усвоена римлянами; она встрѣчается у Цицерона: *clitellae bovi sunt impositae: plane non est nostrum onus* (Cic. ad. Att. V 15, § 3), далѣе—у Квинтилиана (V 11, 2): *παροιμία genus illud—non nostrum, inquit, onus, bos clitellas* (scil. videns), и Амміана Марцеллина (XVI 5, 10), который приводитъ поговорку согласно съ Цицерономъ и называетъ ее *vetus illud proverbium*. Наша пословица есть не болѣе, какъ перифразъ греческаго изрѣченія—*προσῆκει ὡς βοῖ ἀστραβή*.

117. Русская пословица—*любовь начинается съ мазъ* (Даль S19; II 510) буквально соотвѣтствуетъ греческой: Ἐκ τοῦ γὰρ ἐσορᾶν γίγνεται ἀνθρώποις ὀρεῖν (Diogen. IV 49; Масар. III 72; Apost. VI 89). Что касается происхожденія или автора этой сентенціи, то нѣкоторые (Leutsch) приписывали ее Софоклу, но другіе съ большимъ правомъ относятъ ее къ комедіи, но безъ указанія на автора (*Meineke* IV p. 645; *Bothe* p. 739: frgm. com. anonum. 164). Изъ позднѣйшихъ писателей стихъ этотъ приводится Климентомъ Александрійскимъ¹⁾. Въ римской литературѣ сентенція эта также небезызвѣстна, именно, въ формѣ, довольно близко подходящей къ греческому оригиналу, она находится въ числѣ изрѣченій, приписываемыхъ Публи-

¹⁾ Clem. Alex. paedag. III 5 p. 100 Sylb.

лію Сяру: *Amor, ut lacrima, oculis oritur, in pectus cadit* ¹⁾. У Проперція таже мысль выражена совсѣмъ иначе; *si nescis, oculi sunt in amore duces* (Prop. III 7 или II 15, 12), и въ этой формѣ пословица существуетъ у французовъ: *L'oeil est le conducteur de l'amour* и у нѣмцевъ: *Die Augen sind der Liebe Boten.*

118. Въ числѣ русскихъ поговорокъ, собранныхъ Далемъ, находятся нѣкоторыя, сложившіяся, очевидно, подъ вліяніемъ Евангелія, напр., изрѣченіе — *мы умолчимъ, такъ каменья возопіютъ* (Даль 184) заимствовано изъ Ев. Лук. 19, 40: *ἐὰν οὐτοὶ σιωπήσωσιν, οἱ λίθοι κερᾶζονται*, въ славянскомъ переводѣ: „аще сіи умолчать, каменіе возопіетъ“. Что евангельское изрѣченіе принадлежитъ къ proverbialнымъ, это можно сказать почти съ увѣренностью; дѣйствительно, нѣкоторые приписываютъ грекамъ пословицу: *Καὶ λίθοι βοήσουσι*, употреблявшуюся для обозначенія предметовъ слишкомъ очевидныхъ, о которыхъ грѣшно было бы умолчать (Bernhardy ad Suid. s. v. 'Απορρήξει). Но въ извѣстныхъ намъ сборникахъ подобной пословицы нѣтъ и у писателей никакихъ нѣтъ указаній на происхожденіе или на автора этого замѣчательно — образнаго выраженія, кромѣ, впрочемъ, одного двустипхія неизвѣстнаго поэта, Писиды, цитируемаго Свидой: *Ὅς εἰ σιωπήσῃμεν, οἱ λίθοι τῆς φωνᾶς ἀπορρήξουσιν τῶν πεπραγμένων* (Suid. I p. 642). Принадлежитъ ли этотъ Писидѣ аттической комедіи, или, что вѣроятнѣе, къ позднѣйшей эпохѣ, неизвѣстно.

XXXIV. Каллимахъ.

119. Наша пословица — *суму нищаго не наполнишь* (Даль II 565) соответствуетъ греческой очень распространенной пословицѣ: *Πτωχὸς πῆρα οὐ πῖμπλῃται* („сума нищаго не наполняется“), которая находится во всѣхъ главныхъ сборникахъ ²⁾. Она примѣнялась къ людямъ ненасытнымъ. Что изрѣченіе это принадлежитъ *Каллимаху*,

¹⁾ P. Syri sent. 40, cf. добавочный стихъ къ 449 въ изд. Мейера: *Oculi amorem incipiunt, consuetudo perficit.*

²⁾ Zenob. V 66; Diog. VII 51, cod. Vind. III 61; Greg. Cypr. III 40, cod. Mosq IV 95; Macar. VII 45 и Apost. XV 8.

александрійскому ученому и поэту III вѣка до Р. Хр., на это указываютъ нѣкоторые изъ пареміографовъ (τοῦτο παρὰ Καλλιμάχῳ ἐπὶ τῶν ἀπλήστων εἴρηται πτωχῶν Zenob.). Подобную же поговорку мы имѣемъ въ Append. проvv. IV 62 и у Свида (II 2, p. 532): Πτωχοῦ или πτωχῶν οὐλαὶ (οὐλαί) αἰεὶ κεναὶ т. е. „сумки нищихъ всегда пусты“¹⁾. И это выраженіе нѣкоторые приписываютъ тому же Каллимаху. Интересно, что сербская пословица—*Просячка торба не може се напунити*, или *свагда е празна* (у Челяз. 176) пытается соединить оба варіанта греческой. Срви. франц. *La besace du mendiant n'est jamais pleine*.

XXXV. Θεοκρίτῃ.

120. Наши деревенскія знахарки при нашептываніи и заговариваніи разныхъ болѣзней, между прочимъ, *дуютъ и плюютъ* трижды вѣтѣ или черезъ лѣвое плечо, именно, для отогнанія нечистой силы и для уничтоженія чаръ, дѣйствию которыхъ приписывается болѣзнь. Есть у насъ и поговорка: *плюнь и дунь*, употребляемая въ смыслѣ: отрекись отъ злаго духа (Даль III 125)²⁾. Въ числѣ суевѣрныхъ обычаевъ древнихъ грековъ и римлянъ былъ обычай *плевать въ пазуху* (εἰς κόλπον πτύειν, in sinum spuere). Мѣста авторовъ, которыя мы приведемъ ниже, позволяютъ установить нѣкоторую вѣроятную связь между античнымъ и нашимъ представленіемъ, лежащимъ въ основѣ подобныхъ обычаевъ. Для объясненія греческаго выраженія, изъ котораго позднѣе произошло нѣсколько пословицъ, мы имѣемъ замѣчательное мѣсто у Θεοκρίτα: ὥς μὴ βασκανθῶ δὲ τρίς εἰς ἐμὴν ἔπτουα κόλπον· ταῦτα γὰρ ἂ γράϊα με Κωτῆτταρίς ἐξεδίδαξεν³⁾, т. е. „чтобы не подѣяться дѣйствию чаръ (или колдовства), я трижды плюнулъ себѣ въ пазуху; этому, именно, научила меня старуха Котиттаріда“.

¹⁾ Относительно слова οὐλαί (conj: οὐλίδες, θυλίδες) см. Bernh ad Suid.

²⁾ Плеваніе и дуновеніе, какъ средство противъ вліянія демоническихъ силъ, первоначально были символами дождя и вѣтровъ, проясняющихъ небо и разгоняющихъ тучи: А. Аванасевъ. Поэт. воззр. слав. на природу. М. 1865. I 397.

³⁾ Thэocr. id. VI 39 sq; cf. XX 11 и Apest-Ars. XVIII 67 a.

Далѣ, мы имѣемъ главу въ „Естественной Исторіи“ Плинія (XXVIII 7), посвященную этому предмету: въ ней перечисляются случаи, въ которыхъ римляне прибѣгали къ плеванію вообще, какъ профилактическому приему, и къ плеванію въ пазуху въ частности. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ. Римляне плевали для предохраненія себя отъ заразы (*contagia*), особ. при видѣ больного падучею болѣзнью, и отъ дурнаго глаза (*fascinatio*); плевали также, встрѣчаясь съ хромымъ, или проходя мѣста, въ которыхъ можетъ угрожать какая нибудь опасность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ римскіе обычаи сходятся съ нашими; напр., чтобы сдѣлать ударъ тяжелѣе, предварительно плевали въ руку; кормилица, при появленіи посторонняго чело-вѣка, трижды сплевывала, чтобы предохранить спящаго ребенка отъ дурнаго взгляда; предъ надѣваніемъ праваго сапога плевали въ него и т. п.¹⁾ Плеваніе въ пазуху у римлянъ было вспомогательнымъ средствомъ при всякомъ врачеваніи; въ частности рекомендовалось прибѣгать къ нему при онѣмѣніи какого нибудь члена. Оно сопровождалось троекратною молитвой объ отвращеніи гнѣва боговъ (*terna deprecatione*), какъ и у насъ нашептыванія сопровождаются заклинаніями и молитвами²⁾.—Итакъ, изъ приведенныхъ мѣстъ Теоокрита и Плинія видно, что плеваніе у грековъ и римлянъ имѣло въ основаніи своемъ тоже значеніе, какое придается ему у насъ бабами-шептухами: въ этомъ обычаѣ, представляющемъ остатокъ глубокой старины, когда первобытный чело-вѣкъ чувствовалъ себя на каждомъ шагѣ подверженнымъ дѣйствию враждебныхъ силъ, замѣчается два главныхъ мотива: 1) стараніе предохранить себя отъ дѣйствія злаго духа и 2) стараніе удалить и изгнать враждебную силу, если она уже вселилась въ чело-вѣка, особенно въ видѣ недуга, или коснулась его, приведа его къ какому нибудь несчастью, потерѣ и т. п.; плеваніе было однимъ изъ множества наивныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгалъ первобыт-

¹⁾ Плюнуть кому нибудь въ глаза или лицо считалось также оскорбительнымъ, какъ и у насъ: *si quid perperam feci, in faciem meam inspuce* (Petron. 75); καὶ τις—ἐς μεν διχάσις τὸ πρόσωπον ἑρπύβοι (Herondas mfm. V 76, ed. Buech).

²⁾ См. еще Tibull. l 2, 96; въ другомъ родѣ Petron. 181.

ный человекъ, какъ для предохраненія себя, или ближняго отъ несчастія, такъ и для изгнанія злаго духа. Легко можно замѣтить, что по основнымъ мотивамъ вышеуказанные древне-греческіе и римскіе обычаи соотвѣтствуютъ нашимъ; разница лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ и внѣшнихъ приемахъ. Впрочемъ, относительно *плеванія въ пазуху* нужно замѣтить, что и этотъ обычай, кажется, хорошо извѣстенъ во многихъ мѣстностяхъ на Югѣ Россіи, гдѣ это средство рекомендуется отъ испуга (переполоха, переляку), что, быть можетъ, объясняется близостью и влияніемъ молдавскихъ поселеній: у молдаванъ—*stukeshti in sinul* (плюнь въ пазуху) говорится, именно, во время испуга, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, какъ средство отъ переполоху рекомендуется надѣть сорочку пазухой назадъ (Ном. 285), а у Лужичанъ, для предупрежденія дурныхъ послѣдствій отъ испуга, совѣтуютъ три раза плюнуть или пустить мочу (А. Аванасьева I 397).—Если бы кто захотѣлъ объяснить, почему плюютъ, именно, *въ пазуху*, а не въ другое мѣсто, то былъ бы поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ указаній и возможны однѣ лишь догадки. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, общераспространенное вѣрованіе, что злой духъ любитъ селиться въ пустомъ домѣ¹⁾ и вообще въ пустыхъ закрытыхъ мѣстахъ, съ другой—то обстоятельство, что пазуха (*χολπος*, *sinus*) служила у древнихъ синонимомъ тайнаго, наиболѣе скрытаго мѣста²⁾ и замѣняла собою карманъ для прятанія денегъ и другихъ вещей, можно догадываться, почему плевали и плюютъ въ пазуху; притомъ же, состояніе нѣ испуга и безотчетнаго страха въ глазахъ простаго человека легче всего объясняется присутствіемъ нечистой силы въ наиболѣе подходящемъ для нея, пустомъ и потаенномъ мѣстѣ, т. е. въ пазахъ. Изъ того же и нятія, будто бѣсъ скрывается въ пустыхъ помѣщеніяхъ, происходятъ другіе суевѣрные обычаи, наблюдаемые у насъ въ средѣ

¹⁾ Изъ пустой хоромины либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана (Даль 649). Тоже говорится о пустомъ душѣ (А. Аванасьева II 327).

²⁾ Отсюда *in sinu* (т. е. втайнѣ) *gaudere* (Cic. Tusc III 21, 51)—выраженіе, отчасти напоминающее наше: *въ карманъ кукишъ казать* (Даль II 217).

простыхъ людей; напр., обычай плевать въ пустой кошелекъ, когда въ него опускаютъ монету (—чтобы деньги не переводились), или обычай, по которому вдова, провожая изъ дому трупъ мужа, должна плюнуть въ пустую кадку, если не желаетъ долго оставаться вдовою. Теперь мы возвратимся къ упомянутымъ пословицамъ, происшедшимъ изъ дальнѣйшаго значенія, приданнаго выраженію εἰς κόλπον πτοεῖν. (Впрочемъ, мы не будемъ долго останавливаться на нихъ, такъ какъ у насъ нѣтъ соответствующихъ имъ пословицъ). Уже Плиній въ упомянутой главѣ расширяетъ значеніе обычая плевать въ пазуху, говоря, что онъ служилъ, между прочимъ, для умиловитія боговъ при выраженіи слишкомъ смѣлой надежды (*veniam quoque a deis spei alicujus audacioris petimus in sinum spuendo*); изъ другихъ писателей ¹⁾ видно, что εἰς κόλπον πτοεῖν было средствомъ предотвратить дурныя послѣдствія или гнѣвъ боговъ за слишкомъ самонадѣянные поступки, или высокомерныя слова ²⁾. Отсюда произошла пословица: εἰς κόλπον πτοεῖς ³⁾, употреблявшаяся въ смыслѣ: ты слишкомъ хвастаешь или восхваляешь самого себя (cf. *Iuv. sat. VII 111 sq.*). Отсюда же произошло и противоположное выраженіе: εἰς κόλπον οὐ πτοεῖ, применявшееся также къ хвастливымъ, надменнымъ людямъ (ἐπὶ τῶν μεγαλούχων *Diog. IV 82 b*, также *Petron. 74 inflat se tanquam rana et in sinum suum non spuit*): „онъ не плюетъ въ пазуху“, т. е. хвастаетъ, не боясь гнѣва боговъ, безъ зазрѣнія совѣсти.

121. *Подергиванье бровей и чесаніе глазъ*, подобно чиханью, звону въ ушахъ (см. № 217) и т. п., у грековъ и римлянъ считались хорошимъ, или дурнымъ предзнаменованіемъ. Слѣды такого вѣрованія въ примѣты встрѣчаются у Теоокрита: Ἀλεται ὀφθαλμός μευ ὁ δεξιός (*Theocr. idil. III 37*), а изъ римскихъ писателей у Плавта: *ita supercilium salit* (*Plant. Pseudol. 107*). У насъ говорится: *правый глазъ чешется къ смѣху, лѣвый къ слезамъ* (Даль IV 616).

¹⁾ Напр. *Lucian. apol. 6* и *Navig. s. vota 15*.

²⁾ У насъ также, когда что нибудь хвалятъ, то отплеваются, „чтобы не слезать“, или же, вмѣсто этого, прибавляютъ евфемистическое „въ добрый часъ молвить“.

³⁾ *Greg. Cypr. II 54.cod. M. sq. III 27*; cf. *3u'd. I 2 p. 788* и *Apost. VI 64*.

У древнихъ была особая наука о значеніи произвольныхъ движеній членовъ тѣла, о чемъ писалъ Посидоній (Suid. II 2 p. 30); даже до насъ дошло сочиненіе Мелампода, посвященное царю Птоломѣю, Περὶ καλμῶν μαντικῆ, изданное вмѣстѣ съ *Scriptores Physiognomici*. (Wuestemann ad Theocr. id. III 37).

122. *Любовь слѣпа*, говоримъ мы (Даль II 287); тоже выраженіе встрѣчается у Теоокрита: τυφλός—ὁ Ἔρως (Theocr. id. X 19—20.) Что любовь ослѣпляетъ людей, это высказалъ еще раньше Теоокрита Менандръ: τὸ δ' ἔρᾶν ἐπισκοτεῖ Ἀπασιν, ὡς ἔοικε (*Th-Kock* III p. 17) и Платонъ: τυφλοῦται περὶ τὸ φιλοῦμενον ὁ φίλων¹⁾. Подобныя выраженія встрѣчаются и у римскихъ поэтовъ, напр., у Проперція: *nemo in amore videt*²⁾.

223. Для выраженія крайней худобы и изможденности мы говоримъ: *кости да кожа* (Даль II 131); тоже выраженіе встрѣчается у Теоокрита: αὐτὰ δὲ λοιπὰ ὅστι' (dog.—ὅστέα) ἐτ' ἦ; (dog.—ἦν) καὶ ἔρμα (II 89—90). У Плавта паразитъ говоритъ о себѣ: *Ossa atque pellis sum miser*³⁾.

124. Къ нашей пословицѣ—*виноватаго Богъ найдетъ* (Даль I 208), или *Богъ всякую неправду сыщеть* (Даль II 545), близко подходитъ выраженіе, находящееся у Теоокрита: Εὖρε Θεός τὸν ἀλιτρώ⁴⁾.

125. *Лѣнивому всегда праздникъ* (Даль II 283): Ἀεργοῖς αἰὲν ἑορτά Theocr. XV 26. Славянскія поговорки у Челяк. 134; лат. *ignavis semper feriae* Erasmi. I 6, 12.

¹⁾ Plat. legg. 781 E; Mantiss. provv. III 30; Plut. de discern. am. ab adul. cap. 1.

²⁾ Prop. II 14, 18 или III 6, 18. См. еще A. Sonny Zu d. Sprichw. d. Römer (Archiv f. lat. Lexicogr. u. Gramm. 1894, 1, S. 54).

³⁾ Plaut. Capt. 135; тоже выраженіе Aulul. 564; cf. Hor. epod. 17, 22; Ov. frist. IV 6, 42.

⁴⁾ Theocr. X 17, въ лат. переводѣ: invenit sontem vindex deus. I. Rumpel Lex. Theo rit. Lips. 1879.

XXXVI. Аппій.

126. Пословица — всякъ своего счастья кузнецъ (у Даля 38) отмѣчается, какъ переводная; дѣйствительно, нѣмцы и славяне имѣютъ эту самую пословицу: *Ieder ist seines Glückes Schmied*, чешск. *Kazdy sobe štěstí kuje* (Другія параллели у Челяк. 160). Всѣ онѣ произошли изъ латинскаго изрѣченія, приписываемаго Псевдо-Саллюстіемъ *Annio*: *Appius ait fabrum esse suae quetque fortunae* (Ps. Sall. de rep. ord. I 1). Подъ Аппіемъ разумѣется знаменитый цензоръ *Appius Claudius Caecus*, о стихотвореніи котораго упоминаетъ Цицеронъ (Tuscul. IV 2, 4). Что умный человѣкъ самъ устраиваетъ свою судьбу, или создаетъ себѣ счастье, эта мысль послѣ Аппія выражена у Плавта: *Nam sapiens pol ipsus fingit fortunam sibi* (Trin. 363). Затѣмъ Цицеронъ (parad. V 1, 34), К. Непотъ (Att. 11) и позднѣйшій грамматикъ Ноній Марцеллъ (Comp. doctr. p. 526, 25 Muell.) приводятъ стихъ неизвѣстнаго поэта, выражающій ту же мысль: *sui cuique mores fingunt fortunam hominibus*, т. е. „собственный характеръ опредѣляетъ судьбу каждаго человѣка“. Замѣтимъ еще, что эти чисто римскія сентенціи проводятъ взглядъ на судьбу совершенно противоположный фаталистическому взгляду грековъ, полагавшихъ, что человѣческій умъ и энергія ничего не значатъ предъ силой судьбы, какъ это мы видѣли выше, въ сентенціяхъ Менандра; Аппій Клавдій, дѣйствительно, можетъ считаться представителемъ древне-римскаго характера и непреклонной энергіи, съ которою человѣкъ способенъ самъ устроить свою судьбу.

XXXVII. Нэвій.

127. У насъ есть нѣсколько поговорокъ относительно непрочно-сти дурно пріобрѣтеннаго имѣнія, напр., *неправедное стяжаніе-прахъ; неправедно нажитое впрокъ нейдетъ* и т. п. (Даль II 546). Въ классической литературѣ древнѣйшая сентенція въ этомъ родѣ — *male parta male dilabuntur* принадлежитъ римскому поэту Нэвію, старшему

современнику Плавта; эта сентенція сохранилась у Феста (De verb. signif. p. 222 Muell.) и у Цицерона: *ut est apud poetam nescio quem, male parta male dilabuntur* (Cic. Phil. II, 27 § 65); у Плавта находится вариантъ *male partum male disperit* (Рoen. 844). Г. Михельсонъ (Мѣткія и хоячія слова, 164) приводитъ (безъ показанія источника) старинное церковно-славянское изрѣченіе, буквально соответствующее классической поговоркѣ: *змъ приобрѣтенное змъ и пропаетъ*.

XXXVIII. Плавтъ.¹⁾

128. Уже Снегиревъ въ своей книгѣ, на которую мы не разъ ссылались, замѣтилъ (I 99), что русская пословица—на языкъ медокъ, а на сердце ледокъ²⁾ представляемъ большое сходство съ Плавтовымъ стихомъ: *In melle sunt linguae sitae vestrae,—corda in felle sunt sita* (Plaut. Truc. 178 sq.), т. е. „въ меду вашъ языкъ, но сердце въ желчи“. Въ нашей пословицѣ точность перевода приписана въ жертву римѣ: *медокъ—ледокъ, медъ—ледъ*, такъ какъ *медъ—желчь* (*mel—fel*, *in melle—in felle*) порусски не даютъ рими. Славянскія параллели ближе къ латинскому подлиннику, хотя и сохранили риму; напр., чешск. *V' ustech med, a v srdci jed*, серб.: *у устима медъ, а у серцу едъ* (Челяк. 536); нужно замѣтить, что слово *fel* у поэтовъ не разъ употребляется въ значеніи змѣйнаго яда. Французская и нѣмецкая поговорки соответствуютъ латинской: *En la bouche le miel, et au coeur de fiel; Honig in Munde, Galle im Herzen*³⁾. Какимъ путемъ латинское proverbіальное выраженіе перешло къ намъ, на это нѣтъ никакихъ указаній. Неизвѣстно также,

¹⁾ Срвн. Das lateinische Sprichwort bei Plautus und Terenz v. Pflügl. Straubing. 1880.

²⁾ Вариантъ у Даля IV 696: *на языкъ медъ, а подъ языкомъ ледъ*; тоже малорусск. у Ном. 3055.

³⁾ А. Н. Сошкинъ приводитъ мѣсто изъ блаж. Иеронима (in Mich. 7, 5): *venenum animi, linguae mella tegunt*. Cf. epist. 128, 2 p. 962 V.

откуда Кантемиръ (въ 4 сатиры) позаимствовалъ выраженіе: „медь держи на языкѣ, а жеичь всю прячь въ грудяхъ“¹⁾).

129. У насъ есть пять различныхъ вариантовъ поговорки: *леюкъ волкъ на поминъ*²⁾, и подобныя же поговорки существуютъ, какъ-жестя въ всѣхъ новѣйшихъ языкахъ³⁾. Греки говорили только: εἰ καὶ λύκοι ἐμνήσθης (разумѣется ἤλθεν αὖ⁴⁾): „только помяни волка, (и онъ прійдетъ, а онъ и тутъ)“. Поговорка эта употреблялась въ тѣхъ же случаяхъ, въ какихъ употребляется и наша: τοῦτο λέγεται ἐπὶ τῶν αὖ μνησθῆ τις εὐθὺς παραγινόμενων (Suid.), т. е. „это говорится про тѣхъ, которые являются тотчасъ, какъ о нихъ вспомнишь“. Однако, кромѣ нѣкоторыхъ пареміографовъ, въ греческой литературѣ поговорка эта не встрѣчается; зато у римскихъ писателей—*lupus in fabula*, или *lupus in sermone*—очень извѣстная пословица, встрѣчающаяся у Плавта (Stich. 577) и Теренція (Adelph. 537); особенно удачно употребилъ ее Цицеронъ въ одномъ изъ писемъ къ Аттику: de Varrone loquebamur; *lupus in fabula*: venit enim ad me, et quidem id temporis, ut retinendus esset (ad Att. XIII 33).—Что касается происхожденія и значенія этой поговорки, то у древнихъ толкователей существовали на этотъ счетъ довольно смутныя и сбивчивыя представленія. Схولیасты Доната ad. Ter. Ad. 537) и Сервію (ad Verg. Ecl. IX 53 sq.) свѣшиваютъ латинскую пословицу—*lupus in fabula* съ греческою поговоркою: λύκοι εἶδες⁵⁾, которая примѣнялась къ человѣку, внезапно умолкавшему среди рѣчи, и произошла, нужно думать, отъ того, что человѣкъ, увидѣвшій волка, отъ испуга лишается языка и не можетъ произнести ни слова; но древніе приписывали по-

¹⁾ Сочиненія Кантемира. Спб. 1847, стр. 92, ст. 66.

²⁾ Про волка рѣчь, а онъ на встрѣчѣ; страго помянули, а сырый здѣсь; сказали бы словечко, да волкъ недалечко; о волкѣ помолека, а волкъ и тутъ. Даль 304, 440, 481 и др.

³⁾ Малорусск. у Ном. 3584; чешск., хорв. и серб. у Челяк. 606—607; франц. *Quand on parle du loup on en voit la queue*; нѣм. *Wenn man den Wolf nennt, so kommt er gerennt*.

⁴⁾ Diogen. IV 64; Suid. I 2 p. 757; Apost. VI 50.

⁵⁾ Theocr. idil. XIV 22; Suid. II 632; Apost. X 89; cf. Planud. 92 въ изд. Ed. Kurtz—а.

добное дѣйствіе взгляду волка и вѣрили, что на кого взглянетъ волкъ раньше, чѣмъ его замѣтятъ, у того отнимается языкъ (Plin. h. n. VIII 34; Plat. гер. 336 D.); отсюда будто бы и произошла поговорка—*lupus in fabula*: чловѣкъ, про котораго мы говоримъ, своимъ внезапнымъ приходомъ какъ бы отнимаетъ у насъ даръ слова. Но въ самой поговоркѣ—*lupus in fabula* понятія о внезапномъ прекращеніи рѣчи вовсе не заключается; въ ней выражается только понятіе о появленіи волка среди рѣчи, т. е. содержится тотъ же смыслъ, что и въ греческой пословицѣ: *εἰ καὶ λύκος ἐμνήσθης* и въ нашей: *легко волкъ на поминъ*. Поговорка же—*λύκος εἶδες* принадлежитъ къ особой категоріи понятій и представляетъ особо отдѣльный нумеръ, не имѣющій ничего общаго съ нашей поговоркой.—Нѣкоторый намекъ на правильное рѣшеніе вопроса о происхожденіи этой поговорки даетъ Отто (№ 988); онъ говоритъ: „Dem Sprichwort liegt vielmehr die abergläubische Meinung zu Grunde, dass man vom Wolfe nicht sprechen dürfe, wenn man ihn nicht herbeilocken wolle“. Намъ кажется, что для полного объясненія пословицы необходимо обратить вниманіе на роль и значеніе волка въ народной миеологіи: извѣстно, что въ миеологическихъ сказаніяхъ общихъ всѣмъ народамъ, волкъ является представителемъ враждебной и зловредной силы, олицетвореніемъ злаго духа ¹⁾ (возникновеніе такого понятія было естественно въ ту отдаленную эпоху, когда люди жили въ лѣсахъ въ постоянной, часто неравной борьбѣ съ такимъ хищнымъ и кровожаднымъ звѣремъ, какъ волкъ): волкъ не только угрожаетъ на каждомъ шагѣ жизни первобытнаго чловѣка и его домашняго скота, но и пожираетъ небесныя свѣтила во время ихъ затменія ²⁾. Вмѣсто волка, въ другихъ

¹⁾ Этимологическое основаніе: сканд. *vargr* lupus (=λύκος, Εἰλύκος, слав. *вѣлкъ*, *vlk*, *vuk*, нѣм. *wolf*) Як. Гриммъ сближаетъ съ слав. *врагъ*, которое и въ славянскихъ нарѣчіяхъ, и у насъ въ областныхъ говорахъ означаетъ не только врага и убійцу, но и діавола. Fr. Miklosich Lex. pal. slov.—graeco—lat: *врагъ* inimicus, hostis, diabolus, homicida. Въ пословицахъ волкъ иногда замѣняется чортомъ, нпр. № 279.

²⁾ Θ. Буслевъ Истор. очерки русск. нар. словесности и искусства, I, Спб. 1861, стр. 93. Д. О. Шенниковъ Русская народность въ ея повѣстяхъ, обрядахъ и сказаніяхъ. М. 1862 стр. 98; А. А. Потебня О мненіи. значеніи обрядовъ и повѣрій. М. 1865, стр. 279; А. Аванасьева Поэт. возвр. слав. на прир. I, 735.

сказаніяхъ являются въ этомъ случаѣ разные чудовища, или колдуны и волшебницы ¹⁾), — слуги нечистой силы; въ числѣ повѣрій русскаго народа есть одно, очевидно, позднѣйшей формациі, по которому затмѣніе происходитъ отъ того, что злой духъ скрадываетъ свѣтъ Божій и въ потьмахъ ловить христіанъ въ свои сѣти (Даль 1029); повѣрья эти у всѣхъ народовъ имѣютъ одну общую черту: несчастье можно предупредить, или облегчить звуками мѣдныхъ сосудовъ (cf. Liv. XXVI 5; Tibull. I 8, 21 sq; Ov. met. IV 333; VII 207; Tac. Ann. I 28). Далѣе, представители нечистой силы и слуги злаго духа, разные колдуны и ушеры превращаются въ волка: вѣрованіе въ *волкодлаковъ*²⁾), или оборотней (*λοχάνδροπος*, *versipellis* или *lupus ambiguus*, *Währwolf*, *le loup-garrou*³⁾) принадлежатъ къ очень распространеннымъ вѣрованіямъ и до сихъ поръ живутъ въ народѣ. Наконецъ, употребленіе волчьихъ внутренностей и хвоста въ волшебныхъ чарахъ (Ovid. и Plin. *ibid.*⁴⁾) также указываютъ на то, что волкъ считается представителемъ злаго духа. Теперь, прежде чѣмъ возвратиться къ нашей пословицѣ, мы должны указать еще на одно вѣрованіе, характеризующее первобытнаго человѣка, чувствовавшего себя всецѣло во власти злаго духа, дѣйствию котораго онъ приписывалъ все, выходившее изъ ограниченнаго круга своего пониманія; мы разумѣемъ вѣрованіе, будто злой духъ является по первому зову, или даже при одномъ упоминаніи о немъ. „Богатырскія сказки и священные легенды увѣряютъ, что какъ вымолвишь чорта, такъ онъ тутъ и появится съ длиннымъ хвостомъ и острыми рогами“ (С. Максимовъ

¹⁾ Plat. Gorg. 513 A. Въ нашей Коричей говорится о волкодлакахъ: „егда оубо погыбнетъ лоуна и сльнице, глаголють, вькодлаци лоуноу изѣдоша или сльнице“. Lex. palaeoslov.—graeco—lat. Fr. Miklosich (Vind. 1862—65) p. 68.

²⁾ Срвн. болг. *вълколакъ*, серб. *вукодлакъ*, новогреч. *βουκόλακας* или *βρουκόλακας*, рум. *вѣрколак*.

³⁾ Cf. Herod. IV 105; Ov. met. VII 270; Plin. h. n. VIII 34; Petron. 62.

⁴⁾ Наши колдуны во время свадебныхъ поѣздовъ, на погибель молодымъ, бросаютъ на дорогу высушенное *волчьи сердце*. А. Аванасьева. I 767.

Крылатныя слова Спб. 1890, стр. 58)¹⁾. Вѣрованье это, слѣды котораго очень явственныя, существуютъ до сихъ поръ, не только у ди-карей, но и въ средѣ культурныхъ народовъ, распространяется на все дурное и грезящее несчастьемъ, на все, принадлежащее къ области злаго духа: не слѣдуетъ упоминать, или называть прямо (безъ обиня-ковъ и оговорокъ) ничего дурнаго, особенно къ ночи, потому что злой духъ не замедлитъ явиться во свѣ, или наяву, или наслать какую нибудь бѣду; въ крайнихъ случаяхъ нужно прибѣгать къ разнымъ евфемистическимъ выраженіямъ, или къ формуламъ заклинанія, пред-отвращающимъ дѣйствіе злаго духа, чтобы прямымъ упоминаніемъ чего нибудь дурнаго не пакликать бѣды (см. А. Аванасьева Поэт. воззар. слав. на прир. I 100 и 742). Теперь наши и классическія поговорки становятся совершенно понятны: онѣ возникли еще въ ту отда-ленную эпоху, когда волкъ олицетворялъ собою злаго духа, или ото-жествлялся съ нимъ, когда страхъ предъ волкомъ, или — что тоже — предъ злымъ духомъ былъ такъ великъ, что боялись даже упоминать о немъ, чтобы не вызвать его появленія²⁾; въ послѣдствіи, съ затемне-ніемъ первобытныхъ вѣрованій, это специальное значеніе поговорки могло нѣсколько утратиться, и она стала примѣняться въ обыденной жизни при появленіи всякаго человѣка въ моментъ, когда о немъ шла рѣчь, какъ говорится: *помяни его по имени, а онъ тутъ* (Даль II 41). — О попыткахъ объяснить поговорку или сказкой о неожидан-номъ появленіи волка во время представленія пьесы (fabula) Навія, изображавшей исторію Ромула и Рема, вскормленныхъ волчицей, или басней Эсопа — Λύκος καὶ Γραῖς, въ которой старуха пугаетъ плачу-щаго ребенка волкомъ³⁾, едва ли стоитъ упоминать.

¹⁾ Пословицы гласятъ, что не слѣдуетъ рисовать черта на стѣнѣ, чтобы онъ не явился: *Soll mann den Teufel nicht an die Wand malen*, польск. *Niemaluj diabla na scie- nie, byc sie nieprzysnił*, чешск. у Чехик. 32.

²⁾ Въ Германіи въ теченіи Рождественскихъ Святыхъ пастухи остерегаются называть волка (замѣняя слово *wolf* названіями *unthier, feind* и т. п.) чтобы онъ не рѣзалъ у нихъ овецъ. На Украинѣ старики называютъ волка *дядькомъ* изъ боязни, чтобы онъ не явился на ихъ дворъ, а слово *чортъ* простой народъ замѣняетъ мѣстоименіемъ *онъ*. А. Потебня. О мнѣніи, знач. обрядовъ и повѣрій, стр. 301; А. Аванасьева I 742.

³⁾ Piliſi Das lat. Sprichwort bei Plautus und Terenz. S. 88—89.

130. Наша поговорка о дурномъ и неразборчивомъ почеркѣ — *письмо, словно куры набродили* (Даль II 228; малорусск. *написав, мов курка лапою* у Ном. 6079), какъ уже замѣтилъ *Ив. Снегиревъ* (I 100), заимствована изъ комедіи Плавта *Pseudulus*, гдѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: *Ut opinor, quaerunt litterae hae sibi liberos; Aliam alia scandit... Nam has quidem gallina scripsit* (Plaut. Pseud. 23 и 30).

131. Наша поговорка — *у него глаза въ затылкѣ* (Даль I 363), примѣняемая къ хитрымъ, пронырливымъ людямъ, отъ вниманія которыхъ ничто не ускользаетъ ¹⁾, буквально соответствуетъ греческой: *Ὅπισθεν κεφαλῆς ὄμματ' ἔχει ἐπὶ τὸν πανούργων*, которая находится у одного Апостолія (XII 94), но, безъ сомнѣнія, принадлежитъ классической древности, такъ какъ на латинскомъ языкѣ выраженіе это приводится уже Платомъ: *quae in occipitio quoque habet oculos pressuta* (Plaut. Aulul. 64). У другихъ авторовъ поговорка не встрѣчается.

132. Употребительное у насъ сравненіе злаго и раздражительнаго человѣка съ *бѣшеной собакой*, было и у римлянъ: у Плавта выраженіе это примѣняется къ злой женѣ: *Nam dudum uxorem suam esse ajebat rabiosam canem* (Plaut. Menaechmi 936).

133. Что ученаго учить излишне, — эта мысль выражена въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ у Плавта: *Omniem ore gaudet regdis — Quia doctum doces* (Роеп. 880). По нашей пословицѣ это не только лишнее, но и вредно: *ученаго учить — только портить* (Даль IV 543).

134. Высшую степень страха, — состояніе среднее между жизнью и смертью, мы выражаемъ поговоркой: *ни живъ, ни мертвъ*. Въ томъ же смыслѣ у Плавта говорится: *Neque vivos neque mortuos sum — timore torpeo* (Truc. 823); *Timidam atque pavidam, nec vivam nec mortuam* (Curcul. 649).

135. Въ словахъ Плавта — *mus-aetatem — non cubili uni in quam committit suam* (Truc. 868 съ объясненіемъ: *Quia, si unum*

¹⁾ Срвн. поговорку: *у лхвой секретовъ и сзади глаза* (Челяк. 398).

obdit obsidiator, aliud perugium tegit), т. е. „никогда мышь не до-
вѣряетъ своей жизни одной норѣ“ — заключается зародышъ пословицы,
извѣстной въ новѣйшихъ языкахъ: *xuda taмышь, которая одну*
лазею знаетъ (Даль II 374), нѣм. *Es ist schlechte Maus, die nur*
ein Loch weiss, франц. *Souris qui n' a qu' un trou, est bientôt*
prise; славянскія поговорки у Челяк. 253—254.

136. У Плавта (Trin. 1154) встрѣчается провербiальное выра-
женiе: *tunica propior palliost*, соотвѣтствующая нашей поговоркѣ:
*рубашка ближе къ плечамъ, чѣмъ кафтанъ*¹⁾. Судя по кон-
тексту, можно догадываться, въ какомъ смыслѣ плавтовскiй Лисите-
лесъ употребилъ это выраженiе; онъ хотѣлъ сказать, что изъ двухъ
лицъ одно ближе къ намъ, чѣмъ другое, напр. родственникъ ближе
посторонняго. Современныя поговорки, наша и славянскія, приведен-
ныя у Челяковского (396—397), а также французскія (*Ma chemise*
me touche de plus près que ta robe, или *La chemise est plus*
proche, que le pourpoint) и нѣмецкая (*Das Hemd ist mir näher*
als der Rock) употребляются въ томъ смыслѣ, что личный нашъ
интересъ для насъ дороже, чѣмъ интересы другихъ лицъ. Отсюда,
вѣроятно, произошла и другая наша поговорка: *своя рубашка къ тѣлу*
ближе (Даль IV 107), въ которой рубашка замѣнила шкуру: *своя*
шкура къ тѣлу ближе (Даль IV 658). Греки ту же мысль выра-
жали въ другой формѣ: *Γόνο χυμῆς ἔγγιον* (Zenob. III 2; Diogen.
III 78): „колѣно ближе голени“.

XXXIX. Еннiй.

137. Для обозначенiя критическаго момента, или опаснаго по-
ложенiя, грозящаго ежеминутно разрѣшиться несчастiемъ, у насъ упо-
требляются поговорки: ~~*виситъ на волоскѣ*~~, ~~*виситъ на тонкой нит-*~~
~~*кѣ*~~; напр., *жизнь виситъ на ниткѣ, а думаетъ о прибыткѣ*
(Даль II 564). Греческiя соотвѣтствующiя выраженiя, которыя мы
приведемъ ниже, принадлежатъ сравнительно позднѣйшему времени;

¹⁾ Челяк. 396; Даль II 99.

гораздо древнѣе употреблявшееся въ томъ же смыслѣ выраженіе: „стоять на острѣвѣ бритвы“, ἐπὶ ξυροῦ, или ἐπὶ ξυροῦ ἀκμῆς, встрѣчающееся у Гомера, Эсхила, Софокла, Геродота, Теоокрита, Плутарха, Лукіана, Свиды и у нѣкоторыхъ пареміографовъ ¹⁾. Что касается оригинала нашихъ собственно поговорокъ, то первое выраженіе—*ἐκ τριχὺς χρῆματα* встрѣчаются не ранѣе II вѣка, именно, въ сборникѣхъ Зеновія (III 47) и Діогеніана (IV 41), также у Свиды (I 2 р. 164), Григорія Кипрскаго (II 50) и Апостолія (VII 100 а второе выраженіе, соответствующее нашему, находится у Лукіана: ἀπὸ λεπτῆς χρίχης ὁ πᾶς οὐτός ἐκ κλοῦτος ἀπὴρτῆται — „все это богатство виситъ на тонкой ниткѣ“ (Luc. Navig. 26; cf. Iup. trag. 51; Charon 16 и 17). Наша поговорка—*жизнь виситъ на тонкой ниткѣ*, повидимому, есть ничто иное, какъ буквальный переводъ греческой сентенціи: ἀπὸ λεπτοῦ φασὶ μίτου τὸ ζῆν ἤρτῆσθαι, которая находится въ трехъ источникахъ,—именно, у Симезія, писателя IV—V в. ²⁾, затѣмъ въ лексиконѣ Свиды (I р. 614 и II р. 865) и въ сборникѣ Апостолія (III 50). За то латинская поговорка—*filo pendere* гораздо древнѣе и встрѣчается впервые въ отрывкѣ изъ III книги *Анналовъ* *Эннія*, жившаго приблизительно за 200 лѣтъ до Р. Хр. (Enn. ар. Macrob. sat. I 4, 18), затѣмъ во фрагментахъ сатиръ *Луцилія*, у *Овидія*, *Валерія Максима* и *Амміана Марцелина* ³⁾. Мнѣніе, будто этого рода поговорки произошли изъ известнаго разсказа о *Дамоклѣ*, придворномъ льстецѣ *Діонисія Старшаго* (cf. Schneidew. ad Zenob. III 43), Отто справедливо отвергаетъ, такъ какъ древніе еще не знали „Дамклова меча“, какъ провербiальнаго выраженія; да и смыслъ пословицъ вовсе не вытекаетъ изъ

¹⁾ Hom. II. X. 173; Aesch. Choeph. 883; Soph. Ant. 996 (ἐπὶ ξυροῦ τριχὺς); Herod. VI 11; Theocr. idil. XXII 6; Plut. de Her. mal. 39; Luc. Iup. trag. 3; Suid. I 2, 440; Diog. II 41; Macar. IV 1.

²⁾ См. Th. Rein Sprichwörter bei Lucian, S. 51.

³⁾ C. Lucili sat. rel. XVI 10 (L. Muell. Lips. 1872 p. 70): vix uno filo hosce haerere putares; Ov. ep. ex Ponto IV 3, 35: omnia sunt hominum tenui pendentia filo; Val. Max. III 4, 1: Civitate nostra Cannensi cladē percussa, cum admodum tenui filo suspensa reipublicae salus ex sociorum fide penderet. Amm. Marc. XIV 5, 4: a cuius (Constantii principis) salute velut filo pendere statum orbis terrarum fictis vocibus exclamabant.

этого развѣза. — Наши поговорки заимствованы, вѣроятно, изъ повднѣйшихъ греческихъ источниковъ, въ которыхъ существуютъ обѣ формы; *висѣть на волосѣхъ* и *висѣть на ниткѣхъ*, между тѣмъ какъ у латинскихъ писателей извѣстна только послѣдняя форма, перешедшая къ французамъ (*ne tenir qu' à un fil*) и нѣмцамъ (*Es hängt an einem Faden*).

XL. Катонъ Старшій.

138, Между афоризмовъ, приписываемыхъ Катону Старшему, есть одно, которое почти въ буквальномъ переводѣ повторяется въ нашихъ народныхъ поговоркахъ; мы разумѣемъ поговорку: *и брюха нѣтъ уха; голодное брюхо глухо; брюхо глухо — словомъ не уймешь* (Даль IV 227 и 540)¹⁾. По свидѣтельству Плутарха, Катонъ, обращаясь однажды къ народу, требовавшему раздачи хлѣба, началъ свою рѣчь такъ: „трудно, господа, обращаться къ *брюху*, не имѣющему *ушей*“ (Χαλεπὸν μὲν ἐστὶν, ὦ πολῖται, πρὸς γαστέρα λέγειν ὅτι οὐκ ἔχουσιν Plut. Cat. maj. 8; то же Reg. et imper. афоризм. Catonis maj. 1). Нѣсколько отступаетъ отъ нашего способа выраженія монотихъ Менандра (v. 321), приводимый Апостолиемъ-Арсеваемъ (X 73 а): λιμὸν γὰρ οὐδὲν ἐστὶν ἀντεπεῖν ἔπος т. е. „на требованія желудка нельзя возразить ни одного слова“. Въ такомъ же родѣ говорить Сенека (ер. II 9, 11 или 21, 11): *venter praescepta non audit: poscit, adpellat* — „желудокъ не слушаетъ наставленій: знаетъ свое требуетъ“. Кстати приведемъ здѣсь еще одинъ стихъ неизвѣстнаго поэта, очень близко подходящій къ нашей поговоркѣ: *брюхо злодѣй — старому добра не помнитъ* (Даль I 135): μόνη γὰρ (γαστήρ) ὧν πέπονθεν οὐκ ἔχει χάριν²⁾ — „одинъ только желудокъ не чувствуетъ признательности за оказанное благодѣяніе“, т. е. старому добра не помнить.

¹⁾ Впрочемъ, подобныя поговорки извѣстны и въ другихъ языкахъ, нпр. франц. *Le ventre n' a point d' oreilles*, серб. *Трбухъ нема ушију*, чешск. *Hladové bricho usi nema* (Челяк. 188).

²⁾ Это стихъ какого-то Харета, цитируемаго Апостолиемъ-Арсеваемъ: V 26 с.

139. Поговорка—домовитый больше продаетъ, чѣмъ покупаетъ (Даль 636), извѣстная и на польскомъ языкѣ: *Gospodarz dobry wiele sprzedaje, mało kupuje* (Челяк. 431), представляетъ реминисценцію Катоноваго изрѣченія, которое передаетъ Плиній (h. n. XVШ 6): *agricolam vendacem esse oportere dixit* (Cato). Въ полномъ видѣ сентенція Катона находится въ его сочиненіи *De re rustica* (cap. 2): *patremfamilias vendacem, non emacem esse oportet*, т. е. „домохозяинъ долженъ больше продавать, чѣмъ покупать“. Здѣсь интересно то, что одно изъ обыкновенныхъ хозяйственныхъ наставлений знаменитаго римлянина, вовсе не имѣвшее въ свое время проverbsальнаго характера, является въ видѣ пословицы у насъ и у поляковъ.

XLI. Теренцій.

140. Замѣчательно, что наше повѣрье—~~не къ добру курица пѣтухомъ запѣла~~ (Даль II 228)¹⁾ существовало и у римлянъ, какъ видно изъ Теренція, у котораго въ числѣ разныхъ *monstra* или *prodigia*, неблагопріятствующихъ предпріятію, приводится и пѣніе курицы: *gallina cecinit* (Ter. Phorm. 708).

141. У насъ, какъ кажется, есть въ просторѣчьи выраженіе: *горохъ на спину молотить* въ смыслѣ: наносить частые удары, напосылать молотъбу²⁾. Нѣчто подобное было у римлянъ; именно, у Теренція (Eun. 381) рабъ говоритъ своему молодому господину: *At enim istaec in te cudetur faba*, собств.: „но, вѣдь, твой горохъ (бобъ) будетъ вымолоченъ на мнѣ“, т. е. на моей спинѣ, въ смыслѣ: за твоё предпріятіе мнѣ придётся заплатить своею спиною.

142. Въ смыслѣ нашего выраженія—*растравляютъ старую рану* (болячку), или *трогаютъ за больное мѣсто* (Даль I 113 и IV 79), т. е. напоминать о такомъ предметѣ или обстоятельствѣ, одна мысль

¹⁾ Если курица запоетъ пѣтухомъ, это предвѣщаетъ покойника, или какое нибудь несчастье. А. Аванасьевъ Поэт. возр. слав. I 524.

²⁾ Срви. Крылова „Голикъ“: „По платю барскому безъ усталы колотить, И на кафтанѣхъ онъ какъ будто роже молотить“.

о которыхъ причиняетъ намъ сильное огорченіе или душевную боль, римляне говорили: *ulcus (vulnus) tangere*¹⁾. По свидѣтельству Свотонія (Aug. 15), Августъ при воспоминаніи о своей безпутной дочери, такомъ же внуку и внучкѣ, которыхъ онъ вынужденъ былъ отправить въ ссылку, тяжело вздыхалъ и называлъ ихъ „тремя болячками“ (*tria vomices ac tria carcinomata sua*). Соответствующее нашей поговоркѣ греческое выраженіе встрѣчается у Плутарха: *κνίσειν* (или *κνεῖν*) *ἔλχος*. (Plut. de adul. et am. 24, гдѣ, вмѣсто *κνίσαντος*, нѣкоторые читаютъ *κνήσαντος*, cf. Erasmi. adag. I 6, 79).

143 см. № 66.

XLII. Варронъ.

144. Малорусская поговорка—*чим (новый) горшок накупів, тим буде смердіти*²⁾ представляетъ переводъ гораціанскаго стиха: *Quo semel est imbuta recens, servabit odorem Testa diu* (Hor. ep. I 2, 69). Но авторомъ сентенціи, послужившей первоначальнымъ источникомъ славянскихъ поговорокъ, нужно признать Варрона, знаменитаго римскаго ученаго, жившаго на 50 лѣтъ раньше Горація; въ числѣ его сентенцій сохранилась слѣдующая: *sapiunt vasa, quidquid primum acceperunt*³⁾. Подобными сентенціями пользуются церковные писатели: блаж. Іеронимъ (Apol. adv. libr. Ruf. I 30 § 486; epist. 107, 4) и Августинъ; послѣдній въ своемъ сочиненіи „De civitate Dei“, издавна, кажется, пользовавшемся популярностью въ славянскихъ странахъ, цитируетъ выше приведенный стихъ Горація⁴⁾.

145. Сравненіе человѣка, по недолговѣчности и брѣнности его существованія, съ водянымъ пузыремъ встрѣчается въ малорусской поговоркѣ: *житиє чоловіка, як бульба на воді*, которую мы слышали

¹⁾ Ter. Phorm. 690; Доватъ замѣчаетъ, что выраженіе принадлежитъ къ proverbialнымъ, cf. Cic. de nat. deor. I 37, 104.

²⁾ Нож. 6000; чешск., польск. и серб. у Челяк. 407—408.

³⁾ M. Ter. Varr. sat. Menipp. A. Riese Lips. 1865 p. 267, sent. 58 a. См. еще Otto № 1770, гдѣ приведена цитата изъ Филона, ученаго еврейскаго писателя I вѣка по Р. Хр. съ тою же сентенціей на греч. языкѣ.

⁴⁾ S. Aur. August. de civ. Dei I 3 ed. Domb. Lips. 1877 p. 7.

на Югѣ Россіи (въ Херсонской губерніи). Тоже сравненіе мы находимъ у двухъ латинскихъ писателей: Варрона — *ut dicitur-homo bulla* и Петронія: *nos non pluris sumus, quam bullae* (Varro г. г. I 1, 1; Petron. 42). Изъ греческихъ писателей сравненію людей съ водяными пузырями, большими и малыми, которые то и дѣло лопаются, посвящена цѣлая тарада у Лукіана (Luc. Char. s. contempl. 19).

146. Ноній Марцеллъ, римскій грамматикъ III, по другимъ IV вѣка по Р. Хр., цитируетъ изъ Варрона слѣдующую поговорку: *novum cribrum novo paxillo pendere*¹⁾, т. е. „новое сито на новомъ колкѣ вѣшать“. Замѣчательно, что это изрѣченіе, сохранившееся изъ какого то (извѣстнаго только по имени) сочиненія Варрона и оставшееся незамѣченнымъ позднѣйшими лексико- и пареміографами, вошло во всеобщее употребленіе у славянъ и проникло къ намъ; мало того, оно послужило образцомъ для образованія другихъ поговорокъ. Общій смыслъ этихъ поговорокъ состоитъ въ томъ, что новое и молодое цѣнится, а старое забрасывается и забывается. Кромѣ нашей поговорки — снова, *ситце на колочкѣ нависится, а околочится, по подмачочью наволочится* (Даль IV 193), мы имѣемъ нѣсколько славянскихъ, буквально соотвѣствующихъ латинской, напр., польск. *Nowe sitko na nowem kolku wieszaja*, серб. *Ново сито о клину виси*; малорусскую, хорватскую и болгарскую см. у Челяк. 379; тамъ же приводится русская поговорка: *новое сито на полкѣ виситъ*, очевидно, ошибочно, вмѣсто *на колкѣ*. Другія поговорки того же типа о плеткѣ, о ложкѣ и т. п. см. у Даля 300.

147. Въ сборникѣ Челяковского приводится сентенція Варрона: *Amici divitum paleae sunt circa granum*, соотвѣтствующая русской пословицѣ: *друзей у богатыхъ, что макины околю зерна* (Челяк. 234).

XLIII. Цицеронъ.

148. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ нашемъ литературномъ языкѣ существовало одно характерное выраженіе, заимство-

¹⁾ Non. Marc. comp. doct. p. 153. Merc. 222. Muell.

ванное съ греческаго; но затѣмъ оно исчезло: въ 1806 году нашъ знаменитый баснописецъ въ одной изъ первыхъ своихъ басенъ, „Старикъ и трое молодыхъ“, напечатанной въ „Московскомъ Зрителѣ“ (февр. ч. 2), употребилъ выраженіе: „Къ трудамъ *отъ* мягкихъ я ногтей моихъ привыкъ“; въ послѣдующихъ изданіяхъ басенъ Крылова этотъ стихъ исправленъ такъ: „Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ“. *Ив. Снегиревъ* (Русскіе въ своихъ посл. I 87) вспомнилъ о старинномъ выраженіи „отъ молодыхъ ногтей“, но не указалъ источниковъ; *В. Кеневичъ* ¹⁾ указываетъ на „Посланія Никифора, митр. кievск. къ в. к. Володимиру“ и на „Повѣсть объ Ульяніи Муромской“, въ которыхъ встрѣчается выраженіе „изъ младъ ногтей“. Намъ остается указать классическіе источники. Соотвѣтствующее греческое выраженіе — ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων, „отъ мягкихъ ногтей“, т. е. съ самаго нѣжнаго возраста, раньше встрѣчается въ латинскомъ переводѣ: *a teneris, ut Graeci dicunt, unguiculis* у Цицерона (ad. fam. I 6, 2), или *de tenero ungui* у Горация (сатм. III 6, 24). Изъ греческихъ авторовъ мы находимъ его у Плутарха (de educ. puer. 5), позднѣе — у византійскаго писателя XII вѣка *Михаила Глики* ²⁾ и, наконецъ, у Апостолія-Арсенія (VII 51 а ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων ἀντὶ τοῦ νηπιόθεν, какъ объясняетъ Еразмъ adag. I 7, 52: *translatum a catulis, quorum unguiculi nondum duruerunt*).

149. Какъ съ неба свалился (Даль II 518), говоримъ мы о чемъ нибудь внезапномъ, неожиданнымъ, напр., при появленіи чело-вѣка, котораго мы совершенно не ожидали, или о неожиданно — негаданно привалившемъ счастьи. Но и у римлянъ подобныя поговорки были въ большомъ ходу. Въ книгѣ *Отто* (подъ № 287) приведенъ длинный рядъ цитатъ изъ латинскихъ авторовъ, у которыхъ встрѣчается проverbsальное выраженіе: *quasi (sicut, ut) de caelo delapsus*, или *de caelo decidit*. Къ нашему выраженію наиболѣе подходятъ по смыслу своему мѣста Цицерона (de imp. Сп. Pomp. 14 § 41), Ливія (XXII 29, 3), Ювенала (2, 40), далѣе — Тертуліана (apolo-

¹⁾ Библиограф. и истор. примѣчанія къ баснямъ Крылова, Спб. 1878, стр. 17.

²⁾ *Krumbacher, Mittelgriech. Sprichw.* S. 55.

get. cap. 10: ex consuetudine humana .qua ignoti velex inopinato apparentes de caelo supervenisse dicuntur) и Лактанція: solemus eos,— qui repentino advenerint, de caelo decidisse dicere ¹⁾).

150. Что бумагъ мы часто доврѣяемъ такіа мысли, которыя по чувству стыда мы не рѣшимся высказать открыто, это выражается нашей поговоркой: *бумага все терпитъ* (Даль IV 412). Прототипомъ ея служить выраженіе Цицерона: *epistula non erubescit* (ad fam. V 12, 1), которое, кажется, лишь позднѣе вошло въ пословицу ²⁾. Нѣмцы также говорятъ: *Das Papier wird nicht rot*.

151. Выраженіе, подобное нашему—*съ молокомъ матери воспитать* (предразсудки, порочныя наклонности и т. п.), находится только у Цицерона: ut paene cum lacte nutricis errorem suxisse videamur (Cic. Tusc. III 1, § 2).

152. У насъ существуетъ повѣрье, что *мыши изъ дому выбираются* предъ несчастьемъ (особенно предъ пожаромъ, Даль II 374), и замѣчено, что крысы покидаютъ корабль, когда ему угрожаетъ опасность. У римлянъ существовало тоже повѣрье. Плиній говоритъ, что мыши переселяются изъ дому, которому грозитъ разрушеніе: *ruinis imminetibus muscoli permigrant* (Plin. h. n. VIII 42). Но еще раньше Плинія Цицеронъ въ одномъ изъ писемъ къ Аттику жалуется, что двѣ принадлежащихъ ему лавки (*tabernae*) совсѣмъ развалились, а остальные дали трещины, и потому не только жильцы, но и мыши переселились (Cic. ad. Att. XIV 9).

XLIV. Лаберій.

153. Можетъ быть, не всякому извѣстно, что происхожденіе нашей поговорки—*сидеть на дудѣ стульяхъ* (славянскія поговорки у Челяк. 49) тѣсно связано съ именемъ :наменитаго римскаго оратора, Цицерона, хотя она и не встрѣчается въ его многочисленныхъ

¹⁾ Lact. div. inst. de falsa relig. I 11 ed. Valch. Mosq. 1851 p. 74.

²⁾ Отто подъ № 602 приводитъ цитату изъ сочин. Амбросія: *liber enim non erubescit*.

сочиненіяхъ. При Цезарѣ, въ 45 году до Р. Хр., Децимъ Лаберій, римскій всадникъ, исполняя желаніе диктатора, былъ принужденъ выступить на публичное состязаніе съ извѣстнымъ въ то время мимографомъ Публиліемъ Сиромъ и исполнить сочиненный имъ мимъ; между тѣмъ, по римскимъ обычаямъ, выступленіе на сцену влекло за собою потерю гражданскихъ правъ. Но Цезарь, тотчасъ послѣ состязанія, возвратилъ ему званіе всадника, вручивъ золотой перстень, и приказалъ ему занять мѣсто между всадниками. Но когда Лаберій, проходя со сцены чрезъ оркестру, приближался къ одному изъ 14 рядовъ креселъ, отведенныхъ всадникамъ, всѣ, сидѣвшіе тамъ, стѣснились для того, чтобы не дать ему мѣста. Цицеронъ, бывшій въ числѣ зрителей и сидѣвшій между сенаторами, съ насмѣшкой сказалъ проходившему Лаберію: „я бы тебя пустилъ, если бы самому не было тѣсно“ (— это былъ колкій намекъ на то, что Цезарь сильно увеличилъ число сенаторовъ); но Лаберій очень ловко отвѣтилъ: „но, вѣдь, ты имѣешь обыкновеніе сидѣть на двухъ стульяхъ“ (*atqui soles duabus sellis sedere*). Всѣмъ было извѣстно, что Цицеронъ игралъ двусмысленную роль между партіями Цезаря и Помпея и льстилъ тому и другому; а потому всѣ присутствовавшіе отлично поняли смыслъ отвѣта. — Разсказъ этотъ находится у Старшаго Сенеки и у Макробія¹⁾).

XLV. П. Сиръ.

154. За двумя зайцами погонишься, и одного не поймаешь (Даль I 693) — у насъ весьма популярная пословица, но очень мало извѣстная въ литературѣ. Изрѣченіе приписывается Публилію Сирю: *leporos duo qui insequitur, is neutrum capit*, хотя, кажется ошибочно²⁾; на греческомъ языкѣ оно приводится у Апостолія (XII 33) и Еразма (adag. III 3, 36), но безъ указанія источника: 'Ο δὲ

¹⁾ Sen. contr. VII 3, 9 ed. Müll. Vind. 1887 p. 303. Macrobian. Saturn. II 3, 10; II 7, 2; cf. Suet. Caes. 39.

²⁾ Leutsch въ Corp. par. græc. II p. 551 даетъ указаніе: Publ. Syri sent. 404, но въ изданіи G. Meyer — a (P. Syri mimi sent. Lips. 1880) и въ изд. Auctores lat. min. Lips. 1790 (P. Syri sent.) этого изрѣченія нѣтъ.

πρώτης διώκων οὐδέτερον κατалаμβάνει. Вульгарный характер пословицы засвидѣтельствовалъ Апостолій припискою: αὐτῇ δυνάμει καὶ δῆλῃ. Дѣйствительно, она не принадлежитъ къ числу „ученыхъ цитатъ“, и этимъ народнымъ характеромъ ея, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что никакихъ другихъ литературныхъ слѣдовъ ея мы не имѣемъ. Намъ извѣстна еще чешская параллель: *Kdo dva zajíce honí, zadneho nechytí*¹⁾. Только въ смыслѣ нашей поговорки — *разомъ двухъ зайцевъ поймать* у Плавта встрѣчается proverbialное выраженіе: *uno in saltu apros capere duos* (Plaut. Cas. 476), т. е. „въ одной лѣсной долигѣ разомъ двухъ кабановъ поймать“, или какъ нѣмцы говорятъ: *Zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen*.

155. Наша пословица — *дорогі милостыня во время скудости* (Даль 752) напоминаетъ извѣстное изрѣченіе Публилія Сира: *Inopi beneficium bis dat, qui dat celeriter* (P. Syri sent. 235)²⁾, но малорусская параллель — *хто сразу дав (или хто в біді дав) той два рази дав* (Ном. 2322) представляетъ довольно близкій переводъ латинской сентенціи. Чешскую, польскую и сербскую параллели, а также испанскую, французскую, англійскую и нѣмецкую пословицы можно найти у Челяк. 45.

156. У насъ есть нѣсколько пословицъ, обозначающихъ тѣсную связь между дымомъ и огнемъ (какъ между слѣдствіемъ и причиною): нѣтъ дыма безъ огня; гдѣ дымъ, тамъ и огонь (Даль 173); подобныя поговорки существуютъ у нѣмцевъ (*Wo Feuer ist, da ist auch Rauch*) и другихъ народовъ. У грековъ не было этой пословицы; прототиномъ современныхъ поговорокъ служитъ сентенція П. Сира: *Numquam ubi diu fuit ignis, defecit vapor* (P. Syri sent. 389). У Плавта сказано только, что „къ дыму весьма близко пламя“: *flamma fumo proxima* (Curcul. 53).

¹⁾ Челяк. 220; см. еще Hulakovsky *Česka příslovi* N 954 sq.

²⁾ Нѣкоторые приводятъ латинскую поговорку: *bis dat, qui cito dat* съ указаніемъ на Сенеку, какъ на источникъ, вѣроятно, основываясь на словахъ Еразма: *Memini, nisi fallor apud Senecam alicubi leg. re: Bis dat, qui cito dat* (adag. I 8, 91); но у Сенеки этой сентенціи нѣтъ.

157. Наша поговорка — *нужда свой законъ пишетъ* (или *нужда закона не знаетъ, нужда крѣпче закона и т. п.* Даль II 576) соответствуетъ одной изъ сентенцій П. Сира: *Necessitas dat legem, non ipsa accipit* (P. Syri sent. 399). У грековъ были только общія выраженія, напр. Δεινὴ ἀνάγκη οὐδὲν ἰσχυρότερον Zenob. III 9). — Кроме того, мы имѣемъ поговорку: *нужда и въ праздники* (и въ Великъ-день) *постится* (Даль III 356), аналогичную латинской, приводимой Палладіемъ, писавшимъ объ агрономіи въ IV вѣкѣ по Р. Хр. *necessitas feriis caret*, т. е. „нужда не знаетъ праздника“; нѣмцы также говорятъ: *die Not hat keinen Feiertag*.

158. Русская поговорка — *добрая слава дороже* (вѣрнѣе) *богатства* (Даль I 456) и чешск. *Dobre jméno nejlepsi dedictví* (Челяк. 104), т. е. „честное имя лучше наслѣдства“ заимствованы изъ П. Сира, именно, представляютъ переводъ слѣдующихъ его сентенцій (62 и 217): *Bona opinio hominum tutior pecunia est* и *Honestus rumor* (или *honesta fama*) *alterum est patrimonium*.

159. У Даля (120 и I 493) приведена пословица, имѣющая всѣ признаки ученой цитаты: *даръ принялъ тотъ, кто достойному далъ*. Дѣйствительно, пословица эта не болѣе, какъ буквальный переводъ сентенціи П. Сира: *Beneficium dando accepit, qui digno dedit* (P. Syri sent. 55, cf. 493). Переводный характеръ нашей пословицы замѣчается и въ размѣщеніи словъ, несвойственномъ русскому языку; порусски придаточное предложенье съ логическимъ удареніемъ слѣдовало бы поставить на первомъ мѣстѣ: „кто достойному далъ, тотъ и самъ принялъ даръ“ (анапестами). По смыслу только, а не по формѣ подходятъ отчасти слова Плавта: *bonis quod bene fit, hau perit* (Plaut. Rud. 939), т. е. „благодѣяніе, оказываемое достойнымъ, не пропадаетъ“; срнн. нѣм. *Wohlthun trägt Zinsen*.

160. Русская поговорка, приведенная въ сборникъ Челяковского (стр. 48): *кто даетъ, давать учитъ*, заимствована изъ сентенціи П. Сира: *Beneficium saepe dare docere est reddere* (P. Syri sent. 60).

161. Наша пословица — *убогій во многомъ нуждается, а скупой во всемъ* (Даль 89) и чешская — *Chudemu se nedostava vseliceho, lakomci vseho* (Челяк. 52), т. е. „бѣдному не хватаетъ много

кой-чего, а скрягѣ—всего“, представляютъ переводъ сентенціи П. Сира: *Inopiae desunt multa, avaritiae omnia* (P. Syri sent. 236); срви. Sen. ер. XVІІІ 5 (108), 9.

162. Поговорка—*бѣшеному* (т. е. запальчивому, раздраженному) *не давай ножа въ руки* (Даль І 160) соотвѣтствуетъ сентенціи П. Сира: *Eripere telum, non dare irato decet* (sent. 157), а другая наша поговорка—*бѣшеному и дѣтями ножа не давати* къ сентенціи Сира присоединяетъ еще очень распространенную греческую поговорку: Μὴ παιδί μῆχαίρα, которая у пареміографовъ объясняется въ томъ смыслѣ, что неопытнымъ людямъ не слѣдуетъ поручать важныхъ, особенно, государственныхъ дѣлъ¹⁾. Въ полномъ видѣ поговорка, подобно нашей, находится у Діона Кассія: παιδί—χαῖ μαινομένῳ ξίφος ὀρέγει²⁾.

XLVI. Вергилій.

163. Многія выраженія Вергилія уже рано получили значеніе пословицъ, подобно гомерическимъ ἀποφθέγματα (Macrob. V, 16, 7) и перешли въ новѣйшіе языки; нѣкоторыя изъ нихъ и у насъ употребляются, какъ общепринятія поговорки, напр., *omnia vincit amor* (Verg. buc. X 69): *любовь преодолеваетъ все*; также *labor omnia vincit* (Verg. georg. I 145): *тѣпннне и трудъ все перетрутъ* (Даль IV 448).

164. Поговорка—*доить козла*³⁾, ведетъ начало, какъ кажется, изъ греческихъ источниковъ; покрайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ сборникахъ приводится выраженіе τράγον ἀμῆλειν⁴⁾, употреблявшееся для

¹⁾ Diog. VI 46; Greg. Cyr. III 9; Mac. V 94; Apost. XI 51, cf. Suid. II p. 835 изъ Евмолпиды: μὴ παιδί τὰ κοινά.

²⁾ Dio. Cass. LII 14, 2; cf. еще Clem. Alex. Stromm. I 1 p. 119 Sylb. (Migne VIII p. 704) и Cic. pro Sext. 10, 24.

³⁾ Какъ *отъ козла*; *ни шерсти, ни молока* Даль 80; Ном. 7582. Въ нашей литературѣ поговорка встрѣчается уже въ „Моленіи Даниїла Заточника“ (XII—XIII стол.): „не вдалъ есмь... отъ козла млека“ по изд. Ундольскаго). Нѣмцы также говорятъ: *Den Bock melken*. Вѣсто козла, у насъ ради рѣзны говорится про быка: *засотмъз молочка отъ бычка* и т. п. Даль II 340.

⁴⁾ Plut. provv. Boisson. 20; Diog. VII 95; Apost. Ars. XVII 32 a.

означенія глупаго и безплоднаго занятія. Изъ писателей греческихъ поговорку эту приводитъ только Лукіанъ въ жизнеописаніи Демонакта: „увидѣвъ однажды двухъ совершенно невѣжественныхъ философовъ, спорившихъ между собою, причемъ одинъ предлагалъ нелѣпные вопросы, а другой давалъ не идущіе къ дѣлу отвѣты, Демонактъ сказалъ: не правда-ли, друзья, что одинъ изъ этихъ господъ *доитъ козла*, а другой подставляетъ сито“¹⁾? Болѣе раннихъ слѣдовъ существованія греческаго выраженія нѣтъ, такъ что древнѣйшимъ литературнымъ источникомъ нашей поговорки нужно признать буколики Вергилія, гдѣ встрѣчается *mulgere hircos*, какъ proverbіальное выраженіе (Verg. bucol. III 91). Наконецъ, нужно отмѣтить еще одинъ изъ позднѣйшихъ источниковъ—сочиненія Григорія Назіанзина, въ сентенціяхъ котораго находится proverbіальный стихъ (цитируемый Шнейдевиномъ къ Diog. VII 95): ποιμὴν ἀμείλει, εἰ θέλει, καὶ τοὺς τράγους.

165. Пословица—*крадетъ волкъ и считанную овицу*, или *волкъ и изъ счету овецъ крадетъ* (Даль I 236), существующая, кажется, во всѣхъ новѣйшихъ языкахъ²⁾, произошла изъ VII буколики Вергилія, гдѣ сказано: *Hic tantum boreae curamus frigora, quantum Aut numerum lupus, aut torrentia flumina ripas* (Verg. buc. VII 51 sq.), т. е. „здѣсь мы также мало обращаемъ вниманія на холодъ, приносимый бореємъ, какъ волкъ на считанныхъ овецъ, или стремительный потокъ на берега“. Еразмъ перефразировалъ слова Вергилія: *lupus non veretur etiam numeratas oves devorare*, и этотъ перифразъ уже приближается къ новѣйшимъ поговоркамъ; по объясненію Еразма (adag. II 4, 99), пословица примѣняется къ дерзкому вору, котораго не останавливаютъ ни замки, ни печати, между тѣмъ какъ болѣе трусливый воръ боится брать считанную вещь, чтобы не попасться.

¹⁾ Luc. Demon. 28. Вмѣсто τράγων ἀμείλειν, у Теокрыта V 26—27 παρεύσας (= παρούσας) αἰγὸς κακὰν κόνα ἀμείλειν.

²⁾ Нѣм. *Wolf frisst auch von gezählten Schafen*; франц. и итал. приведены у М. Мигельсона стр. 52, славянскія у Челяк. 143.

XLVII. Гораций.

166. Для выражения крайней степени нищеты, мы говоримъ: *ему неначто купить веревку, чтобы удавиться* (срвн. Даль 6б, 647 и IV 484), и греки также говорили: *Ὅδ' ὀβολὸν ἔχει πρίασθαι βρόχον*, т. е. „у него неначто купить даже петлю (веревку)“. Пословица приводится только у Апостолия—Арсения (XIII 15 h), но встрѣчается уже у Лукіана въ „Тимонѣ“, гдѣ Меркурій говоритъ: „я могъ бы указать многихъ, которые еще вчера не имѣли гроша за душой, чтобы купить петлю (*οὐδὲ ὀβολὸν ὥστε πρίασθαι βρόχον ἐσχυρότας*), а сегодня вдругъ разбогатѣли и утопаютъ въ роскоши“ (Luc. Tim. 20). Что пословица принадлежитъ къ очень древнимъ и лишь случайно не вошла въ болѣе ранніе сборники, доказывается тѣмъ, что на латинскомъ языкѣ она приводится уже Горациемъ: *deerit egenti As, laquei pretium* (Hor. sat. II, 98): „у бѣдняка не найдется даже мѣднаго гроша, чтобы купить веревку“¹⁾. Въ новѣйшихъ языкахъ, кромѣ русскаго, сколько намъ извѣстно, этой поговорки нѣтъ.

167. Что натуру или природный характеръ трудно измѣнить или передѣлать,—эта мысль проводится во множествѣ древнихъ и новѣйшихъ поговорокъ. Здѣсь мы хотѣли только сопоставить нашу очень извѣстную поговорку: *они природу въ дверь, она влетитъ въ окно* (Даль III 454) съ неменѣе извѣстнымъ горацианскимъ стихомъ: *Naturam expellas furca, tamen usque recurret* (Hor. ep. I 10, 24)—„вылой природу гони, она вернется обратно“ (Фетъ).

168. Наше выраженіе—*голая истина* (Даль I 381), кажется, ведетъ начало изъ античнаго представленія и соответствуетъ горацианскому выраженію *nuda Veritas* (Hor. carm. I 24, 7), означающему откровенную правдивость человѣка, въ словахъ котораго нѣтъ ничего скрытнаго.

¹⁾ Срвн. у Плавта (Pseudul. 85 sqq.) сцену, гдѣ Калидоръ проситъ взаимны драхму на покупку веревки, чтобы повѣситься, а его собесѣдникъ отвѣчаетъ: „а кто отдастъ мнѣ эту драхму? Ужъ не хочешь ли ты нарочно повѣситься съ цѣлю ввести меня въ убытокъ?“

XLVIII. Проперцій.

169. Пословицу—далеко из очей, далеко из сердца (разумѣется: уйдетъ предметъ нашей любви) можно было бы выразить такъ: „съ глазъ долой, изъ сердца вонъ“, согласно съ польской поговоркой: *Co z oczu, to i z serca*, или чешск. *S očí, z mysli* (Челяк. 185, гдѣ приводится и русскій вариантъ). Поговорки эти довольно близко подходятъ къ одному стиху Проперція: поэтъ говоритъ, что для того, чтобы излѣчиться отъ любви, онъ вынужденъ прибѣгнуть къ единственному средству (*unum auxilium*)—предпринять дальнее путешествіе къ „ученныя Афинъ“, и прибавляетъ: *Quantum oculis, animo tam procul ibit amor* (Проп. IV 21, 10), т. е. „насколько отъ очей (съ глазъ), на столько же изъ сердца удалится предметъ любви“. Греческія поговорки отступаютъ отъ этого способа выраженія, напр. *Τηλοῦ φίλοι ναίοντες οὐκ εἰσὶν φίλοι* (т. е. „далеко живущіе друзья—не друзья“—ямбическій стихъ, принадлежащій неизвѣстному трагическому поэту ¹⁾). Французская и нѣмецкая пословицы принадлежатъ къ одному типу съ нашей. *Loin des yeux, loin du coeur*, *Aus den Augen, aus dem Sinne*.

XLIX. Овидій.

170. Наши поговорки—*съ маѣ жениться—съ маѣ маяться; съ маѣ добрые люди не женятся; радъ бы жениться, да маѣ не велитъ* (Даль 982; Ном. 450; Челяк. 448) основаны на суевѣріи, котораго держались древніе римляне: послѣдніе вѣрили, что браки, заключенные въ маѣ, бываютъ несчастны, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ (9, 11 и 13 числа) у нихъ совершались *Lemuria*—обряды, учрежденные для умилостивленія и удаленія душъ умершихъ, или привидѣній (*Lemures*). Овидій въ своихъ *Фастахъ* даетъ намъ описаніе этихъ обрядовъ (Ov. Fast. V 427 sqq.); онъ же говоритъ далѣе о

¹⁾ Anonym. frag. frgm. 47 ed. Wagner, Append. provv. III 99.

происхожденіи *Лемурий* и относитъ ихъ начало къ эпохѣ Ромула и Рема (*Lemuria* изъ *Remuria*, отъ *Remus*), когда духъ убитаго Рема, явившись Фавстулу и Аккѣ Ларенціи, потребовалъ учрежденія поминальныхъ дней и обрядовъ. Въ эти дни храмы у римлянъ запирались, и время это считалось неудобнымъ для заключенія браковъ, такъ что въ народѣ составилось убѣжденіе, что женщины, выходящія замужъ въ май, бываютъ недолговѣчны и вообще несчастны: *has quoque de causa (si te proverbia tangunt) Mense malas Majo nubere vulgus ait* (Ov. ib. 489—490). Впрочемъ, это была не болѣе, какъ попытка объяснить существовавшій предрасудокъ и съ свойственною поэтамъ вольностью связать его происхожденіе съ баснословной исторіей основателей Рима. Позднѣе, Плутархъ въ своихъ „Римскихъ вопросахъ“ пытался объяснить тотъ же предрасудокъ. Но, коснувшись вопроса, почему римскія женщины въ май не выходятъ замужъ, Плутархъ не даетъ положительнаго отвѣта, а предлагаетъ нѣсколько догадокъ или соображеній по этому поводу. По его словамъ, кромѣ поминаненія усопшихъ, въ этомъ мѣсяцѣ совершалось *великое очищеніе* (τὸν μέγιστον ποιοῦνται τῶν χαδαριῶν) съ умиловительными жертвами въ видѣ человѣческихъ фигуръ, которыя бросались въ рѣку въ воспоминаніе существовавшихъ нѣкогда человѣческихъ жертвъ. Далѣе, май приходится между апрѣлемъ и іюнемъ, а оба эти мѣсяца посвящены богинямъ—покровительницамъ браковъ, первый Афродитѣ, а второй Герѣ, и потому-де предпочитается заключать браки до мая, въ апрѣлѣ, или откладывать ихъ до іюня. Наконецъ, май—мѣсяцъ стариковъ (*Majus* будто бы отъ *majores, seniores*), а іюнь принадлежитъ юношамъ (*juniores*), а потому-де іюнь считается болѣе удобнымъ для браковъ, чѣмъ май (Plut. quaest. Rom. 86). Мы не будемъ касаться вопроса, насколько основательны эти соображенія; отъ чего бы ни произошелъ римскій предрасудокъ, для насъ интересно только то, что онъ проникъ въ Россію и выразился въ нѣсколькихъ поговоркахъ. Когда и какъ онъ перешелъ къ намъ? Вѣроятно всего, съ распространеніемъ французскаго образованія въ высшихъ слояхъ нашего общества онъ перешелъ къ намъ изъ Франціи; французы говорятъ: *Noces de Mai, noces mortelles*. „Предрасудокъ

этотъ, говоритъ г. *Максимовъ* (*Крылатые слова*, Спб. 1890, стр. 468), особенно сильно распространенный въ образованномъ обществѣ, чрезъ дворню проникъ и въ среду простаго народа. Намъ полюбилась по-ловица по созвучію: въ маѣ жениться—вѣкъ маяться“.

171. Выраженіе—*запутаться въ собственныхъ сплетяхъ* употреблялось у грековъ и у римлянъ въ томъ же смыслѣ, какъ и у насъ, напр. у Овидія: *in laqueos, quos posuere, cadant* (art. am. I 646): *in laqueos auceps decideratque suos*, (remed. am. 502) и у блаженнаго Іеронима: *proprio captus es laqueo* (dial. adv. Pelag. I cap. 11 p. 703). Соотвѣтствующая греческая поговорка встрѣчается только въ сборникѣ Макарія (III 85): *Εν τοῖς ἐμαυτοῦ δίκτυασι ἀλώσονται ἐπὶ τῶν ἰδίων πανουργιῶν ἀλισκομένων*, Срвн. N 39.

172. Наше proverbialное сравненіе—*ржа желѣзо ѣстъ, а печаль сердце* (Даль IV 96), встрѣчающееся уже въ „Моленіи“ Даниїла Заточника, соотвѣтствуетъ словамъ Овидія: *Roditur ut scabra positum rubigine ferrum: Sic mea perpetuos curarum pectora morsus—habent* (Ov. ex Ponto I 1, 71).

173. Выраженіе—*изъ чернаго дѣлать бѣлое* (Даль I 155) и, наоборотъ, изъ бѣлаго черное, употребляемое о ловкихъ и беззащитныхъ людяхъ, умѣющихъ ложь представить истинною, (въ каковомъ смыслѣ Платонъ о софистахъ употребляетъ выраженіе: *τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν*) находится у Овидія, который говоритъ объ Автоликѣ: *Qui facere assuerat candida de nigris et de candentibus atra*¹⁾.

L. Сенека.

174. Поговорка— *и пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрѣ²⁾* принадлежитъ теперь къ очень распространеннымъ, но литературныхъ источниковъ, изъ которыхъ она произошла, немного: одинъ византийскаго періода, именно, сборникъ Плянуда; другой гораздо древнѣе

¹⁾ Ov. met. XI 314; cf. Iuven. I 3, 30 *nigrum in candida vertere*.

²⁾ Даль 679, ср. 412 и 686; малорусск. у Ном. 9618; южно—и западно—славянскія параллели, также англ. и нѣм. у Челяк. 119, франц. и итал. у Михельсона стр. 68.

(I вѣка по Р. Хр.), это—*Ludus de morte Claudii*—сатира философа Сенеки, написанная имъ на импер. Клавдія. Византійская пословица по своей формѣ довольно близко подходитъ къ нашей: Καὶ ὁ ἀλέκτωρ ἐν τῇ οἰκείᾳ κοπρίᾳ ἰσχυρός ἐστι (Plan. 264 ed. Kurtz)—„и пѣтухъ силенъ на своей навозной кучѣ“. У Сенеки про импер. Клавдія, уроженца Галліи (*gallus* также пѣтухъ), сказано: Claudius intellexit... *Gallum in suo sterquilinio plurimum posse* (Sen. lud. de m. Cl. 7, 3). Нѣкоторые ошибочно приписываютъ это изрѣченіе П. Сиру; вообще трудно сказать, существовало ли у римлянъ и раньше подобная поговорка, или же это просто „крылатое слово“ Сенеки. Но это чисто латинское изрѣченіе принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, которыя потомъ переведены были на греческій языкъ и перешли къ современнымъ грекамъ. Отметимъ еще разницу, представляемую параллелями: въ латинской, византійской, во всѣхъ славянскихъ (кромѣ болгарской и чешской) и въ западно-европейскихъ поговоркахъ пѣтухъ или силенъ, или смѣлъ или храбръ; но въ чешской, болгарской, а также въ новогреческой говорится, что пѣтухъ на своей навозной кучѣ поѣтъ: *Kohout na svet smetisti nejradji kokrha; вской пѣтелъ на купн-цето си пѣе; Κάθε πετεινός 'ς τὴν κοπρίαν του κράζει*.

175. Сентенція—„всю жизнь (даже въ старости) учись“ очень стара: литературные слѣды ея восходятъ ко временамъ греческихъ трагиковъ; по крайней мѣрѣ, стихъ—Καλὸν δὲ καὶ γέροντα μακράνειν σοφᾷ приписывается Эсхилу (Aschyli frgm. 331 Ahrens, 278 Dind.). Но наша пословица—*отъкъ жижи, отъкъ учиси* (Даль IV 543) по формѣ своей ближе подходитъ къ латинской, приводимой Сенекой: *tamdiu descendum est,—si proverbio credimus, quamdiu vivis*¹⁾.

176. Что у смерти на глазахъ все равно, какъ гласитъ русская пословица (Даль IV 2), это высказано было еще Сенекой: *aequat omnes cinis; impares nascimur, pares morimur* (Sen. ep. 91, 16, или XIV 3, 16) и повторено позднѣйшимъ латинскимъ поэтомъ. *omnia mors aequat*²⁾.

¹⁾ Sen. ep. 76, 3 или IX 5, 3; cf. Cat. distich. IV 27 *Discere ne cessa*.

²⁾ Claud. Claudian. rapt. Pros. II 302; послѣднюю цитату приводимъ по Otto № 1142.

177. Замѣчательно, что чисто римская поговорка—*Quot servi, tot hostes*, сохранившаяся у Сенеки, Феста и Макробія¹⁾ и характеризующая суровое отношеніе римлянъ къ своимъ рабамъ, какинъ-то образомъ попала въ число русскихъ поговорокъ: *сколько рабовъ, столько враговъ* (Даль I 263).

178. Наша поговорка—*онъ трехъ словъ не въ состояніи связать* буквально соответствуетъ латинской, приводимой Сенекой: *Quomodo istum disertum dicatis nescio: tria verba non potest jungere* (Sen. ep. 40, 9, или IV 11, 9), т. е. „не понимаю, какъ вы можете называть его краснорѣчивымъ: онъ трехъ словъ не въ состояніи связать“²⁾.

LI. Валерій Максимъ.

179. У Пушкина въ одномъ стихотвореніи³⁾ приводится древняя пословица: „суди, дружеъ, не свыше сапога“, извѣстная намъ изъ Валерія Максима, а еще болѣе изъ Плинія Старшаго. Послѣдній рассказываетъ про знаменитаго живописца Апеллеса, что онъ имѣлъ обыкновеніе выставлять свои оконченныя работы въ мастерской на судъ публики, а самъ, сидя за полотномъ, выслушивалъ отзывы разныхъ лицъ; и вотъ, однажды онъ услышалъ упрекъ изъ устъ какого то сапожника или башмачника за то, что на одномъ башмакѣ нарисованной фигуры петли сдѣланы были меньше, чѣмъ на другомъ; художникъ исправилъ ошибку; когда же на другой день тотъ же сапожникъ, уже не ограничиваясь обувью, началъ разсуждать о ногѣ или голени и находить недостатки въ рисункѣ, художникъ выглянулъ изъ-за картины и съ негодованіемъ сказалъ: *ne (sutor) supra crepidam judicaret* (Plin. h. n. XXXV 36 § 12), т. е. „сапожникъ не долженъ судить *свыше сапога*“, у Валерія Максима (VIII 12, 3): *supra plantam ascendere*—„подниматься *выше подошвы*“. Греческій

¹⁾ Sen. ep. V 6 (47), 5 proverbium jactatur: *totidem hostes esse, quot servos*; Fest. p. 261 Muell.: *Quot servi, tot hostes* in proverbio est; Macrob. sat. I 11, 13.

²⁾ Cf. Mart. VI 54, 2 *junget vix tria verba miser*. Arist. Nub. 1402 οὐδ' ἂν τρι' εἰπεῖν ῥήμαθ' οἷός τ' ἔν (A. Sonny).

³⁾ „Притча“ въ изд. Суворина Спб. 1887, IV 277.

оригиналъ пословицы намъ неизвѣстенъ: сохранившаяся въ нѣкоторыхъ сборникахъ (Append. grœv. III 90 и Масар. V 88) поговорка— Μηδὲν ὑπὲρ τὰ (лучше τὸν) χαλὰ ποδα— „ничего сверхъ колодки“ имѣеть другой смыслъ, именно, предписываетъ не переступать мѣры или соблюдать мѣру, между тѣмъ какъ латинское изрѣченіе можно перевести: „сапожникъ, знай свою колодку“, (а о томъ не суди, что выходятъ изъ области твоего ремесла).

ЛII. Петроній.

180. Если кто не можетъ наказать виноватаго и, вмѣсто него, наказываетъ невиннаго, мы говоримъ: *коли не по коню, такъ по олоблямъ* (т. е. хлестнуть); *не попалъ по кобылѣ, инъ хоть по олоблямъ; не справясь съ коровой, да подойникъ обз-земъ* и т. п.¹⁾. Древнѣйшій литературный источникъ пословицы принадлежитъ римской литературѣ; именно, у Петронія (I вѣка по Р. Хр.) встрѣчается поговорка: *qui asinum non potest, stratum caedit* (Petron. 45), т. е. „коли не по ослу, такъ по сѣдлу“. Далѣе пословица извѣстна въ византійской литературѣ, именно, встрѣчается у писателя XII вѣка, М. Глики: Ἐλάτισεν ὁ γάϊδαρος καὶ δέρονσι τὸ σάγμα— „лягнулъ оселъ, и бьютъ (не осла, а) сѣдло“²⁾. Крумбахеръ отмѣчаетъ, какъ интересный фактъ, что византійская пословица извѣстная въ XII вѣкѣ и теперь сдѣлавшаяся вполне интернаціональною, въ древности существовала не въ греческихъ сборникахъ, а у латинскаго автора.

181. Не произошла ли наша поговорка—*большому кораблю большое плаваніе* (Даль 680) изъ выраженія Петронія: *magna navis magnam fortitudinem habet* (Petron. 76)? Въ буквальному переводѣ латинская фраза значить: большой корабль имѣеть большую смѣлость“, (чтобы пуститься въ дальнее плаваніе³⁾).

¹⁾ Даль 51, 117; III 305; Ном. 2818; польск. и галицк. у Челяк. 114.

²⁾ Mittelgriech. Sprichw. v. K. Krumbacher, S. 236; тамъ же приведены новогреческія, арабская, испанская и итальянская параллели; нѣмцы говорятъ: *Man sühlt auf den Sack und meint den Esel*.

³⁾ Проф. А. Н. Соини (Neue Sprichwörter.. въ Archiv f. lat. Lexic. u. Gramm. 1893, 4) также сравниваетъ мѣсто Петронія съ русской пословицей.

182. Откуда произошло наше выраженіе—*разбить горшокъ* въ смыслѣ разорвать дружбу? ¹⁾ Не въ родствѣ ли оно съ древними поговорками, въ которыхъ *горшокъ* (*хѹтра*, *olla*) какъ очагъ и столъ, является атрибутомъ, или символомъ дружбы? Древнѣйшія изрѣченія въ этомъ родѣ принадлежать аттической комедіи; но для объясненія нашего выраженія болѣе важны позднѣйшія поговорки, въ которыхъ „кипящій горшокъ“ служитъ символомъ пылкой дружбы: *Zeī хѹтра*, *Zeī* (или *ζῆ*) *φιλία* (Zenob. IV 12; Diog. IV 96; Suid. I 2, p. 217; Масар. IV 30); но если горшокъ плохо кипитъ, значитъ, дружба непрочна: *sociorum olla male fervet* (Petron. 38); когда же содержимое въ горшкѣ съѣдено, или винный сосудъ опорожненъ (—и разбитъ), друзья расходятся, и—дружбѣ конецъ: *diffugiunt cadis Cum faece siccatis amici* ²⁾. Въ сельскихъ школахъ на Югѣ Россіи въ старину существовалъ обычай, по которому школьникъ, прошедшій, напр., азбуку и переходящій въ старшую группу, обязанъ былъ, кромѣ подарка учителю, принести въ школу горшокъ заши, которая тутъ же сообщала съѣдалась, послѣ чего виновника торжества выводили на дворъ съ завязанными глазами и давали ему въ руки палку; онъ долженъ былъ найти горшокъ, поставленный посреди двора, и разбить его; въ последнемъ актѣ дѣятельное участіе принимали и его товарищи. Не означаетъ ли этотъ обычай символически разрыва связей съ прежними *contubernales* и перехода въ среду другихъ товарищей?

183. Въмѣсто нашей *мокрой курицы*, для обозначенія вялаго, жалкаго и ничтожнаго человѣка, римляне говорили: „мокрая мышь“, какъ видно изъ Петронія: *et omnes redibant udi tanquam mures* (Petron. 44). Впрочемъ, у насъ тоже говорится: *естъ на меня, какъ на мокрую мышь* (Даль 184; II 374).

184. *Рыба хочетъ плавать*, говоримъ мы за столомъ въ смыслѣ: рыба возбуждаетъ жажду и требуетъ питья. Тоже выраженіе встрѣчается въ „Сатириконтѣ“ Петронія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Три-

¹⁾ Ср. малорусск. *лек розбить* у Ном. 9589.

²⁾ Ног. сарт. I 35, 26; срвн. поговорки: *дружба ихъ разбила* (Даль IV 9) и *Tesseram hospitem confringere* (Plaut.).

мальхионъ послѣ рыбнаго блюда приглашаетъ гостей сдѣлать честь вину и прибавляетъ: *pisces natare oportet* (Petron. 39). Французская поговорка — *poisson sans boisson est poison* отступаетъ отъ этого типа, а другая наша (чисто народная) поговорка, крожѣ того, выходитъ изъ границъ умѣренности: *ней передъ ухомъ, за ухомъ, послѣ ухи и поминаючи уху* (Даль 907).

185. *Солнышко на всѣхъ равно свѣтитъ* (Даль IV 161), говоримъ мы, чтобы выразить, что драгоценнѣйшій даръ природы, свѣтъ солнца, подобно воздуху, всѣмъ доступенъ и не составляетъ частной собственности, какъ говоритъ Овидій, *Nec solem proprium Natura, nec aëra fecit* (Ov. met. V 350). Наша поговорка буквально соответствуетъ словамъ Петронія: *sol omnibus lucet* (Petron. 100). Что это было въ древности proverbіальное выраженіе, доказы-вается тѣмъ, что оно встрѣчается и въ другихъ источникахъ, напр., въ Ев. Матѣ. 5, 45: *яко солнце свое сіяетъ на змыя и бланія*, откуда это выраженіе перешло и въ нашъ обыденный языкъ: *солнце сіяетъ на бланіе и змые* у Даля IV 271.

ЛШ. Плиній Старшій.

186. Нашу общераспространенную поговорку — *нѣтъ худа безъ добра* очень напоминаетъ одно мѣсто у Плинія, который по поводу употребленія аконита, какъ примѣси въ глазныхъ лекарствахъ, замѣтилъ: *malum quidem nullum esse sine aliquo bono* (Plin. h. n. XXVII 2).

187. Русская поговорка — *ежеденъ не будешь* (или никто не будетъ) *уменъ* (Даль I 531) очень близко подходитъ къ латинскому выраженію, приводимому Плиніемъ (h. n. VII 41): *Nemo mortalium omnibus horis sapit*; вся разница здѣсь въ томъ, что вмѣсто латинскаго — *ежечасно*, у насъ говорится: *ежеденъ*, т. е. ежедневно.

188. Другая наша поговорка, принадлежащая, однако, не народному, а литературному языку, — *нѣтъ такой плохой книги, которая въ какомъ нибудь отношеніи не была бы полезна*, взята изъ одного мѣста Плинія Младшаго, который приписываетъ своему

дядѣ слѣдующее изрѣченіе: *dicere etiam solebat nullum esse librum tam malum, ut non aliqua parte prodesset* (Plin. ер. III 5, 10).

LIV. Венеціанскія схоліи.

189. Въ слѣпомъ царствѣ кривой—король, или промежъ слѣпыхъ кривой—первый вождь, или промежъ слѣпыхъ и кривой въ чести (Даль 82, 507). Древнѣйшій источникъ этой пословицы—венеціанскія схоліи къ Иліадѣ, представляющія остатокъ комментаріа въ александрійской эпохѣ¹⁾; здѣсь (именно, ad Hom. II. XXIV 192) приводится пословица: 'Εν τυφλῶν πόλει γλαυρὸς ἐμβασιλεύει—„въ государствѣ слѣпыхъ человѣкъ съ гноящимися глазами—царь“ (см. Leutsch къ Apost. VII 23). Въ византийскихъ источникахъ, у Планиды и Апостолія, пословица приняла слѣдующій видъ: 'Εν τῇ τῶν τυφλῶν πόλει καὶ ὁ ἐτερόφθαλμος ὥρατος δοκεῖ (Planud. v. Ed. Kurtz 253)—„въ государствѣ слѣпыхъ и одноглазый кажется красавцемъ“. У Апостолія (VII 23): 'Εν τοῖς τόποις τῶν τυφλῶν Λάμων βασιλεύει²⁾. Новогреческая параллель приведена г. Куртцомъ; кромѣ того, пословица существуетъ у французовъ: *Au royaume des aveugles les borgnes sont rois* и чеховъ: *Mezi slepými jednoooký (silhavy) kráľ jest* (Челяк. 217). Латинская версія—*inter caecos regnat strabulus* принадлежитъ Еразму (adag. III 5, 96). Откуда заимствована наш пословица, неизвѣстно. То обстоятельство, что у насъ она существуетъ въ нѣсколькихъ вариантахъ, указываетъ, можетъ быть, на разные ея источники, и нельзя отрицать, что наши варианты ближе къ французской и чешской, чѣмъ къ греческимъ пословицамъ.

190. Русская пословица—*посла ни спкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ*, приведенная въ сборникъ Челяковского (стр. 342), замѣчательна тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ параллелей въ другихъ

¹⁾ Эти схоліи открыты въ рукописи X вѣка и изданы Виллазеномъ въ Венеціи въ 1788 году, затѣмъ Беккеромъ въ Берлинѣ въ 1825 г.

²⁾ Λάμων собств. имя, вѣроятно, изъ γλάμων—γλαυρός *glamiosus*, какъ λήμη изъ γλήμη *gramia*.

новѣйшихъ языкахъ; происхожденіе же ея изъ греческихъ источниковъ не подлежитъ сомнѣнію. Такихъ источниковъ два: 1) венеціанскія схоліи къ Ном. II. IV 394, гдѣ схоліастъ, говоря о неприкосновенности герольдовъ, прибавляетъ: ὁθεν καὶ παροιμία ἐλέχθη τὸ Πρέσβος οὐ τόπτεται οὐδὲ ὕβριζεται (см. Leutsch къ Mant. provv. II 69) и 2) позднѣйшій сборникъ пословицъ, составляющій приложение къ Геттингенскому Корпусу: Mant. provv. II 69, гдѣ приводится та же самая пословица: Πρέσβος οὐ τόπτεται οὐδὲ ὕβριζεται— „посла не бьютъ и не оскорбляютъ“. Изъ Исторіи Госуд. Росс. Карамзина (изд. 1834 г., т. IX стр. 38) извѣстно, что пословицу—*посла ни съкутъ, ни рубятъ* привелъ Іоаннъ Грозный въ 1563 году въ переговорахъ съ Польшою.

LV Фэдръ.

191. Въ глубокой древности (въ героическій періодъ) существовало представленіе, по которому за грѣхи царей поплачиваются народы; такъ, у Гомера за преступленіе Агамемнона (удержаніе Хрисеиды и оскорбленіе Хриса) Аполлонъ насылаетъ моровую язву на Ахейцевъ; и у Гесіода встрѣчается выраженіе: ὅφρ' ἀποτίσῃ Δῆμος ἀτασθαλίᾳς βασιλῆων (Hes. Opp. 260): „чтобы поплатился народъ за беззаконія царей“; ср. Ног. ер. I 2, 14. Въ позднѣйшихъ представленіяхъ мѣсто эпическихъ царей и народовъ заступаютъ вообще сильныя и слабыя, такъ у Фэдра: *Humiles laborant, ubi potentes dissident* (Phaedr. I 30, 1),—изрѣченіе, которое можетъ считаться прототипомъ русской, польской и малорусской поговорокъ, въ которыхъ являются князья и бояре, помѣщики и крестьяне, пацы и мужики: *князья бьются, у бояръ шеи болятъ; Gdy panowie za lby chodzą, u poddanych włosy trzeszczą; пацы бьются, а в мужиків чуби болятъ* (Челяк. 326; Ном. 1304)-

LVI. Персій.

192. Изъ одного тѣста (испечены, или вылѣплены), говоримъ мы о людяхъ одинаковаго характера (обыкновенно въ дурномъ смыслѣ),

сравнивая людей съ хлѣбами. Такое же выраженіе было у римлянъ, которые употребляли для этого сравненія слово *farina* (мука), какъ видно изъ одного мѣста у Персія: *cum fueris nostrae paulo ante farinae*¹⁾. Нѣмцы также говорятъ: *Wir sind alle aus demselben Teige*. Но чаще древніе заимствовали метафору изъ гончарнаго искусства и говорили: „изъ одной и той же глины“ — Ἐξ ἐνὸς πηλοῦ, или ἐκ τῆς αὐτῆς κεραμίας (Append. provv. II 68; Масар. III 94 и VIII 15; Apost. XVI 46 а). Тоже у блаж. Иеронима: *et nos de eodem luto sumus* (dial. adv. Pelag. II 4 p. 745, epist. 79, 10 p. 507).

193. По стариннымъ (допетровскимъ) русскимъ понятіямъ борода считалась (и теперь считается у раскольниковъ) не только образомъ и подобіемъ Божиимъ, но и символомъ ума и мудрости; послѣднее представленіе само по себѣ понятно: умъ развивается съ лѣтами. Древніе греки и римляне бороду (и плащъ, *barba et pallium* у Gell. XIII 8, 5 и Apul. метам. XI 8) считали характеристическимъ признакомъ философовъ²⁾ и въ безбородомъ не предполагали много ума; прѣтъ τῆς γενηαδὸς διδάσκεις τοὺς γέροντας, гласитъ греческая поговорка (у Apost. XVI 94), т. е. „бороды еще нѣтъ, а учишь старыхъ людей“. Въ другихъ (вѣроятно, позднѣйшихъ) русскихъ пословицахъ замѣчается противоположное представленіе (*умъ не въ бородѣ, а въ головѣ*) и даже ироническое отношеніе въ бородѣ; къ одной изъ этихъ пословицъ — *умъ бороды не ждетъ* (Даль I 117) довольно близко подходит одно мѣсто у Персія: *scilicet ingenium et rerum prudentia velox Ante pilos venit* (Pers. sat. IV 4): „умъ и опытность приходятъ раньше бороды“.

LVII. Квинтилианъ.

194. Книжный характеръ нашей поговорки — *живому надо памяту быть* (Даль 189), разумѣется, чтобы не противорѣчить себѣ, въ сравненіи съ другою, чисто народною поговоркой — *ври, да помни*,

¹⁾ Pers. sat. V 115; ср. малорусск. у Ном. 2883: *не доброї муки и той зіплен*

²⁾ Cf. *sapientem pascere barbam* Hor. sat. II 3, 35.

ни подлежит сомнѣнію. Дѣйствительно, первая поговорка есть точный переводъ латинской: *mendacem memorem esse oportet*, которая встрѣчается впервые у Квинтилиана (inst. or. IV 2; 91), затѣмъ у Апулея (de magia 69) и блаж. Иеронима (apol. adv. libr. Ruf. III 13, § 543: *oblivus es veteris proverbii Mendaces memores esse debere*). Ср. нѣм. *Ein Lügner muss ein gutes Gedächtnis haben*, славянскія поговорки у Челяк. 65—67.

LVIII. Тацитъ.

195. Въ 22 году по Р. Хр., въ царствованіе Тиверія, умерла знатная римлянка, жена Кассія и сестра Брута, оставивъ завѣщаніе въ которомъ она распредѣлила свое значительное состояніе между всѣми почти выдающимися лицами въ государствѣ, поименовавъ ихъ всѣхъ cum honore, но ни слова не упомянувъ о Тиверіѣ. Это завѣщаніе возбудило много толковъ въ Римѣ; но Тиверій, тѣмъ не менѣе, разрѣшилъ всѣ обычныя погребальныя почести; впереди процессіи несли фамиліевы бюсты знаменитыхъ римлянъ „но Кассій и Брутъ блистаи, именно, благодаря отсутствію своихъ изображеній“: *sed praefulgebant Cassius atque Brutus eo ipso, quod effigies eorum non visebantur*. Такъ рассказываетъ Тацитъ (анн. III 76). Не отсюда ли наша поговорка: *блистаютъ своимъ отсутствіемъ?*

LIX. Плутархъ.

196. Пословица—*что у трезваго на умъ (на сердцѣ), то у пьянаго на языкъ*, извѣстная въ западноевропейскихъ и славянскихъ языкахъ (Челяк. 138), представляетъ буквальный переводъ греческой: *Τὸ ἐν τῇ καρδίᾳ τοῦ νήφοντος, ἐπὶ τῆς γλώσσης τοῦ μεθύοντος*, которую приводитъ Плутархъ (de garrul. 4) и нѣкоторые пареміографы (Diog. VIII 43; Greg. Сург. III 75; Масар. VIII 40 и Apost. XVII 4). Латинскій переводъ греческой пословицы—*Quod in animo sobrii, id est in lingua ebrii* даетъ Еразмъ (adag. II 1, 55). Другія пословицы, касающіяся вина, см. подъ №№ 265 и 290.

197. Наша пословица — *коня въ рати, узнаешь, а друга въ бѣдѣ*¹⁾ представляет буквальный переводъ изрѣченія, приписываемаго Плутарху и находящагося въ числѣ его *fragmenta incerta* (Plut. op. vol. V, p. 54. fr. L ed. Dübner): Ἴππου μὲν ἀρετὴν ἐν πολέμῳ, φίλου δὲ πίστιν ἐν ἀτυχίᾳ κρίνομεν. Объясненіе такого сопоставленія кони съ другомъ въ нашей, какъ и въ греческой сентенціи случайнымъ совпаденіемъ было бы невѣроятно. Но какимъ образомъ сентенція Плутарха попала въ число русскихъ пословицъ, — остается загадкой. Известно только, что подобная же сентенція — Φίλος καὶ ἵππος ἐν ἀνίχῃ δοκιμάζονται — „другъ, какъ и конь въ нуждѣ познаются“ находится въ одномъ кодексѣ московской синодальной бібліотеки XV вѣка, напечатанномъ проф. Еришtedтомъ въ Ж. М. Н. Пр. 1893, кн. 4. Параллели въ другихъ языкахъ намъ неизвѣстны. Ср. № 55.

198. Наше выраженіе — *и во снѣ не видывалъ* (*и во снѣ не презишлося* и т. п. Даль IV 276) соответствуетъ греческому οὐδ' ὄναρ (adv.) съ какимъ нибудь глаголомъ, напр. у Плутарха: οὐδὲ ὄναρ ἂν ποτε παθεῖν ὑπὸ Δ. ταῦτα προσδοχέσαντος (Plut. Philop. 18 sub. fin.) — „который и во снѣ не ожидалъ испытать это отъ Д.“, и у Лукіана: οὐδ' ὄναρ λευκοῦ ποτε ἄρτου ἐμφορηθεῖς (Luc. de merc. cond. 17, cf. Hermot. 2) — „даже во снѣ никогда не ѣдавшій досыта бѣлаго хлѣба. Тоже выраженіе встрѣчается у Климента Александрійскаго и Юліана (см. Leutsch ad Apost. XIII 15 i).

199. Въ сборникѣ Челяковского (стр. 236) приводится русская пословица: *мертвая собака не кусаетъ*; тоже гласитъ малорусская пословица: *пес здохлий не куса* (Ном. 1250), т. е. опасный чловѣкъ по смерти безвреденъ. Подобное выраженіе мы находимъ у Плутарха. Когда бѣжавшій Помпей присталъ къ Египту, ища убѣжища у молодого царя Птолемея, послѣдній созвалъ совѣтъ, въ которомъ самыми вліятельными членами были египетскіе Поеинъ и учитель царя, Θεοδότη хіосскій. Здѣсь одни совѣтовали принять Помпея, другіе считали за лучшее отказать. Тогда Θεοδότη заявилъ, что и то, и дру-

¹⁾ Даль 859; варианты (изъ (негирева) приведены проф. Еришtedтомъ въ Ж. М. Н. Пр. 1893, 4; тамъ же греческій вариантъ изъ Антоніевой Пчелы.

гое рѣшеніе одинаково опасно: можно-де нажать себѣ врага въ лицѣ или Цезаря, или Помпея, а самое лучшее—принять бѣглеца и умертвить; это-де и Цезарю будетъ пріятно, да и Помпея имъ нечего будетъ бояться, „потому что, прибавилъ онъ съ улыбкой, мертвый, по пословицѣ, не кусается“ (Plut. vit. Pomp. 77 fin: Προσπεῖτε δὲ διαμεδιάσας, ὥς φασιν, ὅτι νεκρὸς οὐ δάχνει). Выраженіе — Некрὸς οὐ δάχνει вошло въ сборникъ Apost.-Arg. XII 4 а.

200. У насъ есть поговорка: на чужой совѣтъ не ходи; пока позовутъ, походи (Даль IV 263 и Челяк. 272). Еразмъ (adag. I 2, 90) приводитъ греческую пословицу: Μὴ πρότερον εἰς βουλὴν προσέλθης, πρὶν ἂν κληθεῖς съ латинской версіей: *ad consilium ne accesseris, antequam voceris*, и говорить, что эта сентенція извѣстна подъ именемъ Катоновой, а у Челяковского она приписывается Цицерону. Но ни между *apophthegmata Catonis*, ни въ сочиненіяхъ римскаго оратора такого изрѣченія, кажется, нѣтъ. Но что у грековъ существовала подобная поговорка, хотя она не вошла ни въ одинъ сборникъ, это не подлежитъ сомнѣнію и явствуетъ изъ одного мѣста у Плутарха: Ἀτοπος μὲν οὖν καὶ παροιμιώδης Μενέλαος, εἰ γε σύμβουλος ἑγένετο μὴ παρακχεκλημένος, т. е. „атакъ, ноумѣстно поступилъ Менелай и даже въ пословицу вошелъ тѣмъ, что явился на совѣтъ безъ зову“ (Plut. Quaest. conv. I 2, 3). Первоисточникомъ поговорки служить стихъ Илиады (II 408): αὐτόματος δὲ οἱ ἦλθε βοῇν ἀγαθὸς Μενέλαος ¹⁾).

201. Согласно одному изъ нашихъ хозяйственныхъ наставленій, рожь слѣдуетъ сѣять въ золу или песокъ (т. е. въ сухую почву), а овесъ въ грязь (Даль 1010, 1011). Подобное же правило, но только въ обратномъ видѣ (можетъ быть, въ силу климатическаго различія), существовало и у грековъ: Плутархъ въ числѣ своихъ *Quaestiones naturales* (№ 16) рѣшаетъ вопросъ, почему говорится: Σίτον ἐν πηλῷ φτεῦετε, τὴν δὲ χριθὴν ἐν κόνει, т. е. „жито (рожь, пшеницу) сѣйте въ грязь, а ячмень (овесъ) въ песокъ“. Не слѣдуетъ ли отсюда, что

¹⁾ Cf. I. Teuffer De Homero in apophthegmatis usurpato. Lips. 1890, p. 21.

и на нашихъ хозяйственныхъ поговоркахъ отразилось вліяніе книжныхъ наставленій, заимствованныхъ изъ греческихъ источниковъ?

202. Нѣкоторыя наши поговорки представляютъ или буквальный переводъ, или передѣлку сентенцій Плутарха, сохранившихся въ видѣ фрагментовъ неизвѣстныхъ сочиненій этого автора, напр., *ни конь безъ узды, ни богатство безъ ума* (Даль 62): Οὔτε ἵππῳ χωρὶς χαλινῶ, οὔτε πλούτῳ χωρὶς λογισμοῦ δυνατόν ἀσφαλῶς χρῆσασθαι—„ни конемъ безъ узды, ни богатствомъ безъ ума нельзя безопасно воспользоваться“ (последнія три слова остались непереведенными): Plut. fragm. inc. LIV p. 54 ed. Dübн.

203. Какъ примѣръ передѣлки или перифраза можно привести XXIX фрагментъ изъ того же Плутарха (p. 53 ed. Dübн.): Χαίρειν ἡρὴ τοῖς ἐλέγχουσιν, οὐ τοῖς κολαχεύουσιν (scil. φίλοις)—„нужно любить обличающихъ, а не лстящихъ (потакающихъ) друзей“; въ нашей поговоркѣ сентенція Плутарха приняла слѣдующій видъ: *не люби друа потаковищика, люби встръчника* (Даль 859); *встръчникъ* значитъ: спорщикъ, обличитель и т. п.

LX. Светоній.

204. Пословица—*шерсть стриги, а ткуры не дери* (Даль 637; IV 348) встрѣчается впервые на латинскомъ языкѣ, у Светонія, влагающаго ее въ уста импер. Тиверію, который на убѣжденія намѣстниковъ, совѣтовавшихъ увеличить подати, поступавшія съ провинцій, отвѣчалъ: *boni pastoris est tondere pecus, non deglubere* (Suet. Tib. 32), т. е. „добрый пастухъ долженъ стричь овецъ, а не драть съ нихъ шкуру“. Это рѣдкій примѣръ латинской пословицы, переведенной потомъ на греческій языкъ, именно, у Діона Кассія (LVII 10): *χεῖρεσθαι μοι τὰ πρόβατα, ἀλλ' οὐκ ἀποξέρεσθαι βοῦλομαι*. Cf. Suid. II 2 p. 1116 и Mant. provv. III 16. У Сербовъ латинская сентенція употребляется въ буквальномъ переводѣ: *доброга е пастыра овце стричи, а не дерати* (Челяк. 323).

205. Светоній (Vespas. 16) приводитъ другую латинскую пословицу—*vulpes pilum mutat, non mores*, т. е. „лисица шерсть мѣ-

няеть, но не характер". Въ греческой пословицѣ, сохранившейся въ позднѣйшихъ сборникахъ, вмѣсто лисицы, является волкъ: Plapud. 178 'Ο λύκος τὴν τρίχα ἀμείβει, τὴν δὲ γνῶμην οὐκ ἀμείβει и Apost. XII 66 'Ο λύκος τὴν τρίχα οὐ τὴν γνῶμην ἀλλάττει (см. еще Krumbach. № 95). Наша пословица, согласно съ греческою, гласитъ: *волкъ и каждый годъ линяетъ, да обычая не мѣняетъ* (Даль 799). Изъ параллелей, приведенныхъ Челяковскимъ (стр. 223) и Крумбахеромъ (S. 211—212), видно, что въ чешской, сербской, также турецкой и тосканской пословицахъ фигурируетъ волкъ; напротивъ, въ нѣмецкой, венеціанской и пьемонтской—лисица, въ испанскихъ—волкъ, лисица и оселъ, а въ новогреческой—волкъ, свинья и собака.

LXI. Авлѣ Гелліи.

206. Наша пословица—*спѣши, да не торопись* (Даль 615) очень подходитъ къ извѣстной классической формулѣ: *σπεῦδε βραδέως* — „спѣши не торопясь“, которая, какъ кажется, находится въ связи съ изрѣченіемъ Теогида: *Μηδὲν ἄρα σπεῦδειν* (Theogn. 335. Th. Bergk p. 507) и хотя не приводится ясно, но подразумѣвается у Платона ¹⁾. Въ сборники пареміографовъ это классическое выраженіе не вошло, и мы находимъ его впервые у латинскихъ писателей II вѣка по Р. Хр., Авла Геллія (N. A. X 11, 5) и Светонія (Aug. 25). Первый изъ нихъ даетъ даже историческую иллюстрацію по поводу греческой поговорки: объясняя значеніе слова *mature* и приводя слова П. Нитидія (ученаго современника Цицерона): *mature est, quod neque citius neque serius, sed medium quiddam et temperatum est*, Гелліи прибавляетъ, что мысль Нитидія о надлежащей мѣрѣ отлично выразилъ Августъ двумя греческими словами: *σπεῦδε βραδέως*, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе повторять въ разговорѣ и приписывать въ письмахъ, побуждая этимъ не только къ быстротѣ дѣйствій, но и къ осмотрительности. Что касается латинской поговорки—*festina*

¹⁾ Plat. Rep. 528 D. Polit. 264 AB; cf. Eug. Grünwald Sprichwörter—bei Plato, Berl. 1893 p. 14.

lente, то она не принадлежит къ классическимъ, а представляетъ позднѣйшую попытку¹⁾ передать греческій *оксиморъ*, и если принять во вниманіе основное значеніе глагола *festinare*—безтолково торопиться, начинать разомъ многое и не оканчивать, какъ понимали это слово еще древніе (A. Gell. XVI 14), въ противоположность *properare*—спѣшить, вслѣдствіе энергіи, то едва ли можно признать латинскую версію особенно удачною. Другая наша пословица—*тише ѣдешь, дальше будешь* произошла изъ византійскаго источника, именно, представляетъ перифразъ пословицы *Плянуда* (въ изд. Куртца № 42): "Ὁς πορεύεται βραδύον, πορεύεται τάχιον, т. е. „кто тише ѣдетъ, ѣдетъ быстрее“.

207. Мы употребляемъ поговорку: *пускать пыль въ глаза* (Даль III 568) въ значеніи хвастать, щеголять и этимъ морочить или обманывать кого, какъ бы не давать ему возможности видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ²⁾; въ этомъ же значеніи встрѣчается и латинское выраженіе: *pulverem ob oculos adspargere*, именно, въ одномъ мѣстѣ у Геллія, гдѣ говорится про какого то ритора или грамматика, который своими жалкими декламациями (*inauditiunculas*) *пускалъ* всѣмъ встрѣчнымъ *пыль въ глаза* (Gell. N. A. V 21, 4). (Глукда произошло это выраженіе, отъ Олимпійскихъ ли игръ, на которыхъ мчавшаяся впереди колесница, поднимая столбъ пыли, застилала дорогу ѣхавшимъ позади, или отъ обычая въ драгѣ и на пединкахъ бросать противнику горсть земли въ глаза³⁾, или отъ чего нибудь другаго, трудно сказать. Но вѣдь, всегда на всѣхъ немощенныхъ дорогахъ (не только на Олимпійскихъ играхъ) приходилось и приходится испытывать тоже неудобство отъ ѣдущихъ впереди экипажей. Кроме того, мы имѣемъ другую, почти тождественную по смыслу погов-

¹⁾ Авторъ ея, вѣроятно, Бразмъ, который объясненію греческой формулы посвящаетъ нѣсколько страницъ: *adag.* II 1, 1.

²⁾ Срви. поговорку: *не пыли, глаза запорошишь* (т. е. полно врать, не хвастай): Даль I 639.

³⁾ См. у М. Мисельсона (Мѣткия и ходячія слова, стр. 413) цитату изъ хроники Рафаэля Варберини и ссылку на Fleury de Bellinghen. Ср. Даль 152 и Erasmi. *adag.* II 9, 43; по словамъ Бразма, поговорка встрѣчается въ письмахъ блж. Іеронима.

ворку: *пустить туману въ глаза* (Даль IV 454), которую нельзя производить ни отъ Олимпійскихъ игръ, ни отъ судебныхъ поединковъ; аналогичное выраженіе находится у Плавта: *Glaucumam ob oculos obiciemus eumque ita Faciemus, ut quod viderit, ne viderit* (mil. glor. 148), т. е. „мы напустимъ ему такого туману (собств. приставимъ бѣлмы), что онъ не будетъ видѣть того, что увидитъ“.

LXII. Павсаній.

208. У насъ есть пословица: *за чужими канунами своихъ родителей* (или покойниковъ) *поминаетъ* (Даль 90 и 673). Кануномъ (κάνωνъ правило) въ простонародьи называется молебенъ, или панихида наканунѣ дня памяти какого нибудь Святаго, а также поминальный столъ ¹⁾ и напитки, особенно поминальная кутья, называемая *коливомъ*. Пословица говорится о скупомъ, справляющемъ свои дѣла на чужой счетъ. Начало ея относится къ классической древности; затѣмъ въ другой формѣ она является въ византійскій періодъ, у Пλανуда; наконецъ, у современныхъ грековъ она сохранилась, еще разъ измѣнивъ свою форму, такъ что представляется возможность сравнить выраженіе одной и той же пословицы въ три различныхъ историческихъ момента. Въ языческую эпоху греки говорили: ἀλλοτρίοις θυμᾶσαι τὸ θεῶν σέβεται, т. е. „чужими куреніями воздаетъ почести божеству“. Пословицу эту приводитъ Павсаній, примѣняя ее къ Суллѣ, который поставилъ на Геликонѣ статую Діониса, работы Мирона, но не на свой счетъ, а отнявъ ее у Орхоменянъ (Pausan. IX 30). На второй ступени, византійско-христіанской, пословица уже приблизится къ нашей: ἀλλοτρίαις χοαῖς τοῖς γονεῦσιν αὐτοῦ ἐναγίζει (Planud. 105): „чужими возліаніями приносить жертву за упокой своихъ родителей“. У нынѣшнихъ грековъ существуетъ пословица, вполне соотвѣтствующая нашей: Μὲ (=μετὰ) τὰ κόλυβα τὰ ξένα μα-

¹⁾ Срвн. малорусск. *Якъ чужими пирогами та свого батька поминать* (Ном. 9670).

καρίζει τοὺς γονεῖς τοῦ—„чужимъ коливомъ поминваетъ (ублажаетъ) своихъ родителей“¹⁾).

LXШ. Ф е с т ь.

209. Наша поговорка—*житье, что гороху при дорогѣ* (кто ни пройдетъ, тотъ и скубнетъ—Даль I 392), неизвѣстная въ новѣйшихъ языкахъ, кромѣ русскаго, оказывается, была и у римлянъ, но сохранилась только у одного писателя, именно, у грамматика II вѣка по Р. Хр., Феста, въ слѣдующемъ видѣ: *tam perit, quam extrema faba, in proverbio est, quod ea plerumque aut proteritur, aut decerpitur a praetereuntibus*²⁾, т. е. „пропалъ, по пословицѣ, какъ горохъ при дорогѣ (собств. бобы на краю поля), потому что здѣсь онъ обыкновенно затаптывается, или срывается прохожими“. Подобное, но не тождественное выраженіе находится у Катуллы: *Qui illius culpa cecidit velut prati Ultimi flos, praetereunte postquam Tactus aratro est* (Catull. 11, 22); здѣсь, вмѣсто гороха или бобовъ, рѣчь идетъ о цвѣтѣ, росшемъ на краю луга и задѣтомъ сохою, съ чѣмъ можно сравнить нѣмецкую пословицу: *Schöne Blumen stehen nicht lange am Wege* (Otto № 619).

LXIV. Лукіанъ³⁾.

210. Поговорка—*изъ мухи слона дѣлать* (Даль 813), т. е. сильно преувеличивать значеніе ничтожной вещи, принадлежитъ къ довольно распространеннымъ⁴⁾, но древнѣйшіе литературные источники

¹⁾ О греч. κολλυζα, κολλαζος сказано нами въ статьѣ „Визант. пословицы и слав. параллели къ нимъ“ стр. 20—21.

²⁾ Festi de verb. sign. p. 363 Muell. Что латинская пословица соотвѣтствуетъ русской, замѣтилъ уже А. Sonny въ Archiv. f. lat. Lex. u. Gramm. 1894, 1, S. 61

³⁾ См. Sprichwörter und sprichw. Redensarten bei Lucian v. Th. W. Rein. Tubing. 1894.

⁴⁾ Нѣм. *Aus einer Mücke einen Elephanten machen*. Славянскія параллели у Челяк. 632.

ея не восходятъ раньше II вѣка по Р. Хр. именно, она приводится Лукіаномъ: ἐλέφαντα ἐκ μούσας ποιεῖν (Luc. Muscae eps. 12) и затѣмъ въ сборникахъ пареміографовъ, которые объясняютъ ее въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется наша поговорка: ἐπὶ τῶν τὰ ἐλάχιστα ἐπαίροντων τῷ λόγῳ καὶ μεγαλοποιούντων ¹⁾).

211. Наша поговорка — *дай, Боже, нашему теляти волка поймать* (Даль IV 407), выражающая нѣчто невозможное, неисполнимое, довольно близко подходитъ къ греческой пословицѣ: ὁ νεβρός τὸν λέοντα (scil. αἶρετ, какъ объясняется въ словарѣ Пассова, или, вѣрнѣе, ἔλοι), т. е. „о если бы молодой олень (поймалъ) льва!“ Эта пословица принадлежитъ къ довольно рѣдкимъ, именно, встрѣчается только у Лукіана (dial. mort. 8), а изъ пареміографовъ у Діогеніана (cod. Vind. III 42) съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν ἀδυνάτων εἰληπται. Русская пословица окажется болѣе близкой къ греческой, чѣмъ представляется на первый взглядъ, если принять во вниманіе, что *теленкомъ* у насъ называется и дѣтенышъ лани (Даль IV 407); такимъ образомъ, вся разница состоитъ въ замѣнѣ греческаго *льва* нашимъ *волкомъ*, что замѣчается и въ другихъ proverbіальныхъ выраженіяхъ; напр., вмѣсто „львиной и лисей шкуры“ (λεοντῆ—ἀλώπεκῆ Zenob. I 93 и др.), для обозначенія, съ одной стороны, силы, а съ другой, хитрости, у насъ говорится: *волчій зубъ и лисій хвостъ* (Даль II 259).

212. Нѣкоторые наши сравненія людей съ животными соотвѣтствуютъ греческимъ выраженіямъ: напр., *нѣмъ, какъ рыба*—ἰχθύων ἀφωνότερος у Лукіана (sompn. s. Gall. 1; adv. indoct. 16); вмѣсто этого, древніе говорили также, какъ и мы: *нѣмъ, какъ статуя*—statua taciturnior (Hor. epist. II 2, 83); тоже у Лукіана (vitar. auct. 3): ἐγὼ γὰρ λάλος, οὐκ ἀνδρὶς εἶναι βούλομαι. Далѣе — *трусливъ, какъ заяцъ*—δειλότερος τῶν λαγῶν у Лукіана (piscat. 34) и Апостолія (V 90 n); *слѣпъ, какъ крокъ*—τυφλότερος ἀσπίλακος (Diog. VIII 25; Suid. II 2, p. 1252; Apost. XVII 35; cf. Verg. Georg. I 183);

¹⁾ Zenob. III 68; Diog. IV 46; Suid. I 2 p. 182—183, Greg. Cyr. II 31; Apost. VII 5.

любимая кротость — *πρῶτερος περιστερᾶς* (Diog. VII 64; Масар. VII 37 и Apost. XIV 97). Древние, именно, думали, что у голубей нет желчи. Сравнение высоких, неуклюжих и безтолковых людей со слонами встрѣчается какъ въ нашихъ, такъ и въ греческихъ поговоркахъ напр. Ἐλέφαντος διαφέρεις ὁδὲν (Diog. IV 43; Suid. I 2 p. 183: ἐπὶ τῶν μεγάλων καὶ ἀναισθητῶν. Apost. VII 4)—выражение, приписываемое *Епанику*, писателю новой комедии (Bothe p. 687). У насъ говорится: *экій верзила парень: слонъ слономъ шатается* (Даль IV 229). Понятие безчувственности и глупости у насъ выражается также названіемъ *толстокожій*, съ чѣмъ можно сравнить одно мѣсто у Плавта: Mil. gloriol. 235 Egus meus elephantis corio circumtentus. Интересно сравнить нашу поговорку—*глухъ, какъ тетерева* (глухая тетерева) съ греческою, въ которой, вмѣсто нашего тетерева, является дроздъ, — *χωφότερος κίχλης* ¹⁾—выражение, приписываемое *Евбулу*, писателю средней комедии (Bothe p. 441). Сравнение—*юрдъ, какъ павлинъ, равное superbior* принадлежитъ классическому періоду, именно, встрѣчается у Овидія (met. XIII 802). Употребительное у насъ сравнение болтливой женщины съ *стрекозою*, или съ *сорокою* встрѣчается во фрагментахъ *Алексида*, писателя средней комедии: σοῦ δ' ἐγὼ λαλιστέραν ὀπώποτ' εἶδον οὔτε κερκώπην, γύναι, ὃ κίτταν (Th. Kock II p. 326 изъ Athen. IV p. 133. c) и у Петронія: *pica pulvinaris* (Petron. 37). Другія сравнения см. подъ № 44, 132.

213. *Воду толочь въ ступѣ*, говоримъ мы въ смыслѣ: въ пустякахъ или въ какомъ нибудь безплодномъ занятіи проводить время. Метафора эта заимствована изъ домашняго способа приготовления крупы, или пшена посредствомъ толченія въ ступѣ: если, вмѣсто зерна, толочь воду, то, конечно, крупы не получишь, а время потеряешь. Думаютъ (С. Максимовъ Крылатые слова), что это выражение произошло у насъ отъ того, что въ старину въ монастыряхъ заставляли провинившихся монаховъ, въ видѣ епитиміи, толочь воду въ ступѣ.

¹⁾ Zenob. IV 66; Suid. II 389; Greg. Cypr. Leid. II 49, cod. Mosq. IV 6; Масар. V 45; Apost. X 33.

Но не говоря уже о невѣроятности этого предположенія, можно указать совершенно тождественное греческое выраженіе у писателя II вѣка по Р. Хр., именно, у Лукіана (Hermot. 79): τὸ ὁμοίον ποιεῖν ὥσπερ εἰ τις ἐς ἄλμον ὕδωρ ἐκχέας ὑπέρω σιδηρῷ πτίττοι, т. е. „вы поступаете подобно тому, какъ если бы кто нибудь, наливъ воды въ ступу, вздумалъ толочь ее желѣзнымъ пестомъ“. У Апостолія—Арсенія (XVII 66 d) въ числѣ пословицъ находится: ὑπέρω ὕδωρ πλῆττειν, и можно съ увѣренностью сказать, что наша поговорка есть просто переводъ греческой: что она не самобытна, лучше всего доказывается тѣмъ, что она извѣстна въ Сербіи (*воду у авану тучи*) и въ Пьемонтѣ: Челик. 571. Кромѣ того, у грековъ отъ классическаго времени сохранилась другая, въ томъ же смыслѣ употреблявшаяся поговорка: ἄλλως ἀναλίσκεις ὕδωρ (Diog. II 61; Suid. I 246; Масар. I 76 и Apost. II 50)—„напрасно тратишь воду“, т. е. попусту (въ пустыхъ рѣчкахъ) убиваешь время: такъ какъ время для судебныхъ рѣчей опредѣлялось водяными часами (κλεψύδρα), то для грека ὕδωρ значило тоже, что χρῖνος. Отсюда же произошла и другая поговорка; ὕδωρ παρρηεῖ (Zenob. VI 24), соотвѣтствующая нашей; *время не стоитъ* (Даль IV 341).

214. Наше образное выраженіе—*туго натянутая струна лопнула* мы употребляемъ, когда противъ насилія и притѣсненій поднимается протестъ, или долго сдерживаемыя чувства (напр. негодованіе) внезапно прорываются; такъ же точно выражались и греки: Ἀπορραγήσεται τεινόμενον τὸ χαλῳδίον ἐπὶ τῶν βίᾳ τι καὶ ἀνίγκη ποιούντων (Diog. II 89; Apost. III 47). Изъ авторовъ пословицу приводитъ только Лукіанъ (dial. meretr. 3 sub. fin): ὅρα μὴ κατὰ τὴν παροιμίαν ἀπορρήξωμεν πᾶν τεῖνονσαι τὸ χλωδίον. Объясненіе греческой поговорки нѣмецкою—*Der Brag geht so lange zu Wasser, bis er zerbricht* (Th. Rein Sprichw. bei Lucian. S. 51), скорѣе соотвѣтствующею нашей: *повадился кувшинъ по воду ходить—тамъ ему и голову слоमितъ*, нужно признать неудачнымъ.

215. Некогда даже за ухомъ почесаться (ср. *недосугъ носа утереть* Даль II 572), говорить нашъ простолюдинъ, желая выразить, что онъ такъ сильно занятъ, что не можетъ ни на минуту отор-

ваться для удовлетворенія настоящей нужды; такая же точно поговорка была и у греков: οὐδ' ὅσον κηρύσσειαι τὸ οὖς σχολήν ἄγω. Выраженіе это находится у одного Лукіана (Vis. assens. § 1), именно, какъ proverbium, что явствуетъ изъ прибавки φασί. Изъ пареміографовъ его приводятъ Макарій (VI 59) и Апостолій—Арсеній (XIII 68 а) съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν πρῶτασι πολλοῖς συμπεπλεγμένων.

216. Поговорка—τῆς ῥινὸς ἔλκειν, буквально соответствующая нашей—*водитъ кого за носъ* (Даль II 572), въ смыслѣ обманывать и управлять кѣмъ по произволу, принадлежитъ къ любимымъ поговоркамъ Лукіана, напр., въ одномъ мѣстѣ его „Діалоговъ“ Юнона говоритъ Юпитеру: „Амуръ—твой повелитель и, по пословицѣ, *водитъ тебя за носъ*, а ты слѣдуешь за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ тебя“¹⁾. Изъ пареміографовъ поговорку эту приводитъ только Апостолій—Арсеній (XVI 44 d). Въ томъ же смыслѣ (водитъ за носъ, обманывать) въ аттической комедіи (Ферекратъ и Менандръ) встрѣчается глаголъ ῥινᾶν, также у позднѣйшихъ писателей, напр. у Эліана (nat. an. IX 7). Что касается происхожденія поговорки, то по объясненію Еразма, метафора заимствована отъ способа управлять нѣкоторыми животными, которыхъ водятъ при помощи кольца, продѣтаго въ ноздри. Не знаемъ, есть ли эта поговорка въ новѣйшихъ языкахъ, кромѣ русскаго, и можно ли нѣмецкія выраженія—*an der Nase führen*, или *bei der Nase herumführen* считать proverbialными. Th. W. Rein (S. 34) приводитъ изъ Диккенса англійское выраженіе: *to lead one by the nose*.

217. *Въ ушахъ звенитъ—кто нибудь поминаетъ (лихомъ); въ правомъ ухѣ звенитъ—добрый поминъ, въ лѣвомъ—худой* (Даль IV 540)—суетвѣріе это, общее у новѣйшихъ народовъ, существовало у древнихъ грековъ, какъ видно изъ одного мѣста у Лукіана: Ἦ ποῦ—ἐβόμβει τὰ ὦτα ὀπί; ἀεὶ γὰρ ἐμὲ μνητο ἢ κηττημένη μετὰ δακρυῶν (Luc. dial. meretr. IX 2), т. е. „не звучало ли у васъ въ ушахъ? Вѣдь, госпожа моя вспоминала (о васъ) со слезами“. На латинскомъ

¹⁾ Luc. deor. dial. 6, 3; cf. Hermot. 68 и 73; Piscat. 12; Philops. 23; adv. indoct. 20.

явнѣ о звонѣ въ ушахъ говорится въ слѣдующихъ стихахъ, цитируемыхъ Рейномъ (S. 40) изъ Anthol. lat. (452 ed. Riese): garrula, quid totis resonavit mihi noctibus aures? Nescis quem dicis nunc meminisse mei.

218. Поговорка—*одною ногою стоять въ могилѣ* (Даль II 568) заимствована съ греческаго; у Лукіана (Hermotim. s. de sectis 78) мы читаемъ: γέρων ἤδη καὶ — τὸν ἑτερον πόδα, φασίν, ἐν τῇ σορῷ ἔχων (соросъ урна съ останками умершаго, гробъ, могила). Отсюда у Плутарха (de educ. рпег. 17) сородаίμωνъ называется глубокой старикъ, стоящій одной ногой въ могилѣ. Другое подобное выраженіе встрѣчается также у Лукіана: стоять уже одною ногою въ лодкѣ Харона“ (τὸν ἑτερον πόδα ἐν τῷ πορθμείῳ ἔχειν Luc. Apolog. 1).

LXV. Діогенъ Лаертскій.

219. *Старая крыса ловушку обходитъ, старую воробья на макинѣ не обманеши* (Даль 530); въ греческихъ пословицахъ фигурируетъ или старая обезьяна, или старая лиса (и та, и другая подходитъ подъ разнѣръ стиха): Γέρων πίθηκος οὐχ ἀλίσχεται πάγῃ¹⁾ и Γέρων ἀλώπηξ οὐχ ἀλίσχεται (πάγῃ)²⁾. Особый номеръ представляетъ пословица: Ἄλλ' οὐκ αὖτις ἀλώπηξ (т. е. πάγαις ἀλώσεται): „въ другой разъ лиса не попадется въ ловушку, (если разъ побывала въ ней). Zenob. I 67 и др. Cf. Hor. sat. II 7, 70—71.

LXVI. Зеновій.

220 Поговорка—*не ионяется слонъ за мышью* (Даль IV 229), такъ какъ презираетъ ее, представляетъ буквальный переводъ греческой: Ἐλέφας μὲν οὐχ ἀλίσχει ἐπὶ τῶν τὰ μικρὰ καὶ φαῦλα ὑπερ-ορώντων³⁾.

¹⁾ Diog. Laert. V 93 и Apost. V 37 a.

²⁾ Zenob. II 90; Diog. IV 7; Suid. I 1094; Greg. Cyr. II 10 (cod Mosq. II 63); Apost. V 31.

³⁾ Zenob. III 67; Diog. IV 45; Масар. III 75: Ἐλέφας μὲν οὐ διώκει, cf. Greg. Cyr. II 48 и Apost. VII 8. Срвн. № 296.

221. Замѣчательно, что въ греческой, какъ и въ русскихъ поговоркахъ луку (и чесноку) приписывается цѣлбная сила: *лукъ—это чуть не панацея отъ всѣхъ болѣзней: лукъ отъ семи недуговъ; лукъ семь недуговъ лечитъ; лукъ да баня все правятъ* (Даль 906; II 277). Греческая поговорка гласитъ: Ζωὸς γενήσῃ χρομμίου μόνον (μοῖραν) λαβών (Zenob. IV 15; Diog. IV 99; Suid. I 2 p. 737; Greg. Cyr. II 57)—„будешь живъ (оживешь), только прими (поѣшь?) немного луку“. Пареміографы даютъ довольно странное толкованіе этой поговоркѣ: πρὸς τοὺς ἀπὸ μικρᾶς αἰτίας μεγάλην δόξαν καρπουμένους—„противъ тѣхъ, которые изъ маленькаго дѣла (по незначительной причинѣ) получаютъ большую славу“ (?). Но въ этомъ толкованіи позволительно видѣть просто неудачную попытку объяснить непонятное выраженіе; между тѣмъ, греческая поговорка, подобно русскимъ, какъ кажется, основывается на первобытномъ вѣрованіи, общемъ многимъ народамъ. Дѣло въ томъ, что всякій недугъ, по основному вѣрованію первобытнаго человѣка, есть слѣдствіе вліянія влаго духа, а послѣдній, по повѣрью, общимъ всѣмъ славянамъ и нѣмцамъ, а также, вѣроятно, и древнимъ грекамъ, не терпитъ луку и чесноку и улетаетъ, слышавъ ихъ запахъ. Поэтому, у всѣхъ славянъ лукъ и особенно чеснокъ считается предохранительнымъ средствомъ отъ нечистой силы и отъ всѣхъ болѣзней¹⁾. Можно думать, что и греческая поговорка произошла изъ того же представленія, какое существуетъ у славянъ.

222. У древнихъ была пословица, не встрѣчающаяся, впрочемъ, раньше пареміорафовъ II вѣка: Νόμος καὶ χώρα²⁾—„что страна, то и законъ“, т. е. въ каждой странѣ свои законы. Апостолій (XVШ 46), кромѣ того, приводитъ еще варіантъ: Πόλις καὶ τύπος—„что городъ, то и *типъ* (образецъ, характеръ, *норовъ*)“. Таковы прототипы пословицы, которая въ сборникѣ Пялнуда находится въ формѣ, буквально соотвѣтствующей нашей пословицѣ: Πόλις καὶ νόμος, κώμη καὶ

¹⁾ См. А. Адамскаго Поэт. возр. слав. на прир. II 571; А. Потебня О мненч. знач. образовъ и повѣрій. М. 1865, стр. 305.

²⁾ Zenob. V 25; Diog. VI 77; Suid. II 1006; Macar. VI 11 и Apost. Ars. XII 14 a.

ἔθος (Planud. 199),—что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай (Даль 689). Г. Куртцъ приводитъ еще новогреческую параллель: Κάθε τόπος καὶ ζαχόν, κάθε μαχαλάς (кварталъ) καὶ τάξι. Въ другихъ языкахъ этой пословицы, кажется, нѣтъ.

223. Мы говоримъ: брось дѣло съ камнемъ въ воду (Даль II 80), т. е. покончи съ этимъ дѣломъ и забудь о немъ; тоже выражается греческою поговоркой: Βάλλ' εἰς ὕδωρ (Zenob. II 72; Diog. III 51; Suid. I 943).—Въ другомъ смыслѣ говоритъ Гораций (sat. II 3, 242): *ac si—in rapidum fluvium jaceret* и Петроній (sat. 42): *ac si in puteum conjicias*, какъ у насъ говорится: все равно, что въ воду бросилъ, т. е. бесполезно истратилъ.

224. Пословица—Λαγὼς καθεύδων „спящій заяцъ“, по объясненію древнихъ¹⁾, означаетъ людей, притворяющихся спящими: παροιμία ἐπὶ τῶν προσποιουμένων καθεύδων. Но это объясненіе нужно признать неточнымъ или несовсѣмъ правильнымъ. Известно, что заяцъ спитъ съ открытыми глазами (Plin. h. n. XI 54 oculis patentibus dormiunt leporos); слѣдов., о притворствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ притворяющійся спящимъ долженъ закрыть глаза. Гораздо естественнѣе предположить, что рѣчь идетъ о чуткости заячьего сна, обусловливаемой признанною всѣми трусостью этого животного, и это подтверждается нашими поговорками, напр. *спать заячьимъ сномъ; у вора заячье сердце: и спитъ и видитъ* (Даль I 693).

225. Въ сборникѣ Зеновія и еще въ лексиконѣ Свида приводится поговорка: Ἐρεβίνδινος Διόνυσος (гороховый Діонисъ) · παροιμία ἐπὶ τῶν μηδενὸς ἀξίων (Zenob. III 83; Suid. I 2 p. 509); при чемъ здѣсь имя Діониса, бога вина и покровителя виноградныхъ лозъ, не объясняется. Фотій даетъ объясненіе: ἀντὶ τοῦ ζωμός (Schneidew. ad Zenob. III 83), и между пословицами Макарія встрѣчается Ἐρεβίνδινος ζωμός—„гороховый супъ“ (Mac. IV 15), но этимъ нисколько не объясняется употребленіе имени Діониса, такъ какъ между Διόνυσος и ζωμός не можетъ быть никакого отношенія, и очевидно, что

¹⁾ Zenob. IV 84; Diogen. VI 1; Suid. II 485; Greg. Cyr. Mosq. IV 81; Macar. V 46; Apost. X 40.

„гороховый Діонисъ“ и „гороховый супъ“ — двѣ разныхъ поговорки, хотя онѣ и могли означать одно и тоже, т. е. дешевую, ничего не стоящую вещь, какою считался горохъ. (Но позднѣйшіе толкователи иногда ошибаются въ объясненіи старинныхъ поговорокъ). Гораздо естественнѣе было бы подѣ Διόνυσος разумѣть оѣнос, если бы было извѣстно что нибудь о приготовленіи изъ гороха вина или какого либо напитка ¹⁾, но этого нѣтъ; стало быть, Διόνυσος здѣсь означаетъ нѣчто другое. Изъ одного отрывка Пиндара (Poet. lug. Graeci Th. Bergk Lips. 1866, I p. 340, fr. 130), приводимаго Плутархомъ (de Is. et Osir. 35; Qu. conv. IX 14, 4; Amator. 15), мы знаемъ, что Діонисъ былъ покровитель не только виноградныхъ лозъ, но и вообще деревьевъ и всякаго рода плодовъ (ὀπωράς), а изъ одного мѣста въ сочиненіи неоплатоника II вѣка по Р. Хр., Максима Тирскаго, извѣстно, что статуи этого Божества, какъ и статуи Пріапа, ставились поселянами въ садахъ, виноградникахъ и на огородахъ просто въ видѣ необдѣланнаго чурбана, или шеста, воткнутаго въ землю ²⁾. Эти шесты были, конечно, предметомъ религіознаго почитанія, (что, однако, не исключало возможности ироническаго, а подѣ часть и презрительнаго отношенія къ нимъ въ обыденной жизни); но не имѣли ли они и практическаго назначенія — охранять садовые и огородные пло-

¹⁾ Дѣйствительно, такъ пытался объяснить поговорку Еразмъ (adag. II 6, 47), ссылаясь на Плинія; но послѣдній, перечисляя сорта поддѣльныхъ винъ или напитковъ, приготовлявшихся изъ всевозможныхъ овощей, и посвятивъ нѣсколько главъ описанію этихъ напитковъ, которые, однако, употреблялись почти исключительно какъ лекарства (*omnina ad medicinae usum pertinentia* Plin. h. n. XIV 18), о гороховомъ винѣ нигдѣ не упоминаетъ; притомъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія собственно о горохѣ говоритъ довольно обстоятельно. Цитируемое Еразмомъ остроумное стихотвореніе Импер. Юліана, въ которомъ вину, пахнущему нектаромъ, противопоставляется овсяный напитокъ Кельтовъ, смердящій козломъ, доказываетъ только то, что изъ овса приготовлялся какой-то напитокъ, но это не относится къ рассматриваемой поговоркѣ. Впрочемъ, Еразмъ готовъ допустить и другое объясненіе, по которому поговорка имѣетъ будто бы отношеніе къ φαλλήφωρα, и приводитъ мѣстныя Сервія относительно упоминаемыхъ Вергиліемъ *oscilla*, которыя были ничто иное, какъ *phalli*, сдѣланные изъ цвѣтовъ (и изъ гороха?). Но натянутость такого толкованія очевидна.

²⁾ См. цитату изъ Максима Тирскаго у L. Preller — a Griech. Mythologie. Berl. 1872, S. 591: καὶ ὑσμῖνοι Διόνυσου τιμῶσι πῦρροντες ἐν ὀρχήτῳ αὐτοφύεις πρέμνον, ἀγροικῶν ἄγαντα.

ды, въ родѣ гороха, отъ хищныхъ птицъ? ¹⁾). Для этого, вѣдь, требовалось только къ такому шесту привязать пучокъ соломы, или какуюнибудь травку, и тогда ἐρεβίνθινος Διόνυσος не будетъ ли нѣчто въ родѣ *горохового чучела*? На такое предположеніе даетъ нѣкоторое право и другое наше выраженіе—*шутъ гороховый*: слово *шутъ* первоначально означало какое то божество, домового или лѣснаго, какъ показываютъ нѣкоторыя поговорки ²⁾). Нѣтъ ли въ этомъ выраженіи указанія на то, что и у славянъ былъ обычай ставить на огородахъ статуи или фигуры боговъ—покровителей и защитниковъ огородныхъ овощей? По крайней мѣрѣ, о Вѣлоруссахъ извѣстно, что у нихъ было божество—*Чуръ*, пѣчто въ родѣ пената, охранявшаго границы земельныхъ владѣній; отсюда *чур-банъ*, деревянный столбъ, разграничавшій владѣнія родовыхъ пенатовъ (А. Аванасьева Поэт. возвр. слав. на прир. II 90—91). Нѣкоторыя поговорки, какъ остатки языческой эпохи, повидному, указываютъ на обычай наряжать пни и молиться имъ: *наряди пня—и пень будетъ хороши; въ лѣсу живутъ, пенью Богу молятся* (Даль III 26). Можно, поэтому, думать, что и *гороховое чучело* (изъ *кукелъ*? Срвн. корень *куд*, *чуд* и *курлика чурилка*), имѣло первоначально религіозное значеніе, какъ 'Ερεβίνθινος Διόνυσος.

226. Мы говоримъ: *разводитъ бобы* въ смыслѣ морочить кого пустыми разсказами; выраженіе это произошло отъ обычнаго способа ворожить и гадать по положенію раскидываемыхъ (разводимыхъ) бобовъ, при чемъ болтается всякій вздоръ (Срвн. С. Максимовъ Крылатые слова, стр. 132). Соответствующее греческое выраженіе—*Ἄλα καὶ χῆμων* (Zenob. I 25; Diog. I 50; Greg. Cyr. I 11; Apost. II 41) произошло также отъ обычая раскладывать при гаданіи кусочки

¹⁾ Что статуи Пріапа ставились въ садахъ съ цѣлю пугать воровъ и птицъ, на это мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ: Verg. Georg. IV 110; Hor. sat. I 8, 3; Tibull. I 1, 18; Lactant. div. inst. (de orig. err.) II 4.

²⁾ См. Даль IV 670. О *шутахъ* и *шутоскахъ* по уральскимъ повѣрьямъ см. А. Потебня О мненч. значеніи обрядовъ и повѣрій. М. 1865, стр. 299.

боли и бобы и употребляется почти въ такомъ же смыслѣ, какъ и наше выраженіе ¹⁾).

227. Нашему выраженію—*кровавыми слезами восплакаться* (Даль IV 224) вполне соответствуетъ греческое αἵματι (αἵμασι) κλαίειν) (Zenob. I 34; Diog. I 32; Greg. Cyr. I 35; Mac. I 49; Apost. I 63). Не произошло ли это выраженіе изъ гомерическаго языка? Когда Сарпедонъ, сынъ Зевса, долженъ былъ пасть отъ руки Патрокла, „отецъ людей и боговъ, кровавыя капли пролилъ на землю“ (Hom. II. XVI 459 Αἵματοέσσης δὲ ψάδας κατέχευεν ἔραζε Cf. *sanguine plueret*).

228. Выраженіе—*бездонная бочка*, употребляемое нами о ненастныхъ и жадныхъ людяхъ, соответствуетъ греческому Ἀπληστός πῖθος, которое также принималось въ прожорамъ (ἐπὶ τῶν πολλὰ ἐσθιόντων καὶ γαστριμαργούντων ²⁾) съ тою лишь разницей, что мы не соединяемъ съ этимъ выраженіемъ никакого мифологическаго представленія, между тѣмъ какъ греки производили свою поговорку отъ известной бочки Данайдъ. Классическимъ выраженіемъ въ этомъ смыслѣ было ὁ τετρημένος πῖθος (дырявая бочка), у латинскихъ писателей *dolium* или *vas pertusum* (Plaut. Pseud. 369; Lucret. III 936).

LXVII. Діогеніанъ.

229. Наша поговорка—*не учи рыбу плавать* (Даль IV 117) соответствуетъ греческой: Ἰχθὺν νήχεσθαι διδάσκεις (Diogen. V 33; Suid. I 2 p. 1098; Greg. Cyr. Leid. II 31; Apost. IX 19). Заимчивательно, что малорусская параллель—*не учи орла літати, а рыбу плывати* (Ном. 5356) представляетъ буквальный переводъ двухъ греческихъ поговорокъ, какъ онѣ приводятся въ сборникѣ Макарія (IV 83): Ἰχθὺν νήχεσθαι διδάσκεις, ὡς τὸ Ἀετὸν ἵπτασθαι διδάσκεις.

¹⁾ Cf. Erasmi. adag. I 1, 12 и III 5, 20.

²⁾ Zenob. II 6; Diog. I 95 и VII 27; Suid. I 585; Greg. Cyr. I 50; Macar. II 20; Apost. III 55.

230. Наша пословица—*кривое веретено не выправишь* (Даль 799), выражающая общую мысль: что дурно отъ природы, того не сдѣлаешь хорошимъ (срвн. *горбатого могила исправитъ*), соответствуетъ греческой: ξύλον ἀγκύλον οὐδέποτε ὀρθόν, или въ простонародной формѣ (δημώδης): τὸ скаμβὸν ξύλον οὐδέποτε ὀρθόν, т. е. „кривое дерево никогда не выправится“, διὰ δυσχερὲς ἐκ φαύλων ἀγαθοῦς ἀπεργάζεσθαι¹⁾ Малорусская параллель—*криве дерево не дужо виправитись* (Ном. 3216) еще ближе подходитъ къ греческой пословицѣ. Последняя, можетъ быть, въ силу своего народного характера, не встрѣчается у авторовъ; только у Плутарха по вопросу о воспитаніи дѣтей примѣняются сентенціи, нѣсколько напоминающія разсматриваемую пословицу (Plut. de puer. educ. 4). Такимъ образомъ, литературные источники греческой пословицы не восходятъ дальше II вѣка по Р. Хр., немного древнѣе латинскіе авторы (Сенека и Плиній Младшій), у которыхъ встрѣчается, какъ proverbium, выраженіе *curva corrigere* (Sen. Ind. de morte Cland. 8 § 3; Plin. ep. V 21 § 6). Наконецъ, для исторіи пословицы интересно сравнить византійскія и новогреческую поговорку у Ed. Kurtz—а Die Sprichwörtersammlung des M. Planudes № 146 и Zu den παροιμίαι δημώδεις (Philologus Bd. 49 Götting. 1891) № 148.

231. *И лупый ино молчитъ слово съ ладъ, или: временемъ и дуракъ правду скажетъ* (Даль II 43; III 391)—буквальный переводъ гексаметра, принадлежащаго неизвѣстному поэту: Πολλάκι τοι καὶ μωρὸς ἀνὴρ καταχαίριον εἶπεν. Кромѣ пареміографовъ (Diog. VII 81; cod. Vind. III 68; Greg. Cyr. III 37; Apost. XIV 69), стихъ этотъ приводитъ А. Геллій (N. A. II 6, 9): Πολλάκι καὶ κηπουρὸς ἀνὴρ (садовникъ) μᾶλα χαίριον εἶπεν²⁾ и Макробій (saturn. VI 7, 12): πολλάκι γὰρ καὶ μωρὸς ὁνὴρ μᾶλα χαίριον εἶπεν, оба съ примѣчаніемъ: *hic antiquissimus versus vice proverbii celebratus est*.

¹⁾ Diogen. VI 92; Plut. provv. I 18; Suid. II p. 1044 и II 2 p. 1176; Greg. Cyr. III 16; cod. Mosq. IV 50; Масар. VI 17 и VII 69; Apost. XII 25 и XVI 85.

²⁾ Что κηπουρὸς испорченное чтеніе, вѣсто καὶ μωρὸς, см. Erasmi. adag. I 6, 1.

232. Двѣ одинаковыхъ нашихъ поговорки: *голз, какъ* (осиновый) *голз и голз, какъ нестъ* (Даль I 381) представляютъ буквальный переводъ слѣдующихъ двухъ греческихъ поговорокъ: 1) Γορνόντερος πατάλου ἐπὶ τῶν σφόδρα ἀπόρων, т. е. „о крайне бѣдныхъ людяхъ 1)“, и 2) Ὑπερου γορνόντερος (Greg. Cyp. Leid. III 20 и Apost. XVII 65); послѣднюю пословицу мы нашли еще у византийскаго историка, *Никиты Хониата* въ русск. перев. Спб. 1862, т. II стр. 254.

233. Откуда произошла употребляемая нами для обозначенія глубокой, миенческой древности поговорка: *за царя Гороха?* Говорится, напр: *давно, когда царь Горохъ съ урибами воевалъ* (Даль I 392). У славянъ есть подобныя же поговорки; напр. чешск. *Za krále Holce, kdýž byla za groš ovse*; малорусск.: *при царь Мумрохъ, коли людей було трохи* (Челяк. 630); *за царя Томка* (за короля Сибка), *як була земля тонка* (Ном. 6856—7); польск.: *Za króla Sasa* (Саксонца) *było chleba po pasa* (по поясъ). Эти поговорки понятны: въ нихъ взятъ произвольныя имена (*Сибко* можетъ быть Собѣскій) просто ради риемы; при составленіи же нашей поговорки и этого соображенія не было; откуда же взялось имя *Горохъ*? А. Аванасьевъ (Поэт. возвр. слав. на прир. II 757) поговорку о царѣ Горохѣ приводитъ въ связь съ миенческимъ богатыремъ *Покажи-горошкомъ*, родившимся изъ горошины, проглоченной царицей, и развиваетъ любимую свою теорію о символическомъ значеніи сказокъ, утверждая, что *Горохъ* означаетъ Перуна, или громъ и молнію... Но если поговорка представляетъ воспоминаніе такой отдаленной миенческой эпохи, то почему „царь *Горохъ*“ неизвѣстенъ другимъ народамъ и особенно славянамъ, у которыхъ, какъ мы видѣли, его замѣняютъ другія имена, указывающія на новѣйшую формацию пословицъ? Очевидно, „царь *Горохъ*“ не имѣетъ общеславянскаго значенія и принадлежитъ исключительно намъ, и у насъ имя это не связывается съ какою либо исторической, а тѣмъ менѣе съ доисторической эпохой, такъ что происхожденіе поговорки остается все таки загадочнымъ. Не есть ли это

1) Diog. III 98; Suid. I 1157; Greg. Cyp. II 6; Macar. III 8 и Apost. V 73; Eragm. adag. II 10, 100: nam paxillis corticem quoque detrahimus.

Просто передѣлка греческой очень распространенной поговорки, употреблявшейся также для обозначенія глубокой старины, именно, — *πρεσβύτερος* (или *ἀρχαιότερος*) *Κόδρος* (Diog. VII 45; Suid. Π 2 p. 405; Масар. Π 49 и VΠ 41; Apost. XIV 73). Не передѣлалъ ли какой нибудь грамотѣй имени *Κόδρος* на *Горохъ*, передавая греческое выраженіе порусски и руководясь при этомъ лишь нѣкоторымъ созвучіемъ (*Κο[δ]ρο-Горо-*). Высказываемъ это лишь въ видѣ предположенія, котораго, разумѣется, нельзя доказать. Необходимо, впрочемъ, отмѣтить разницу въ тонѣ: грекъ относился къ имени своего послѣдняго царя съ полнымъ уваженіемъ, чуть не благоговѣніемъ, и употреблялъ свою пословицу вполне искренно; мы же произносимъ имя нашего мнѣшческаго царя иронически, съ полнымъ недоувѣріемъ ко всему, что происходило въ его правленіе.

LXVIII. Импер. Антонинъ Пій.

234. Въ числѣ нашихъ и славянскихъ поговорокъ, относящихся къ юридической сферѣ, одна — *кто पहले, тотъ и правѣ* (Даль III 27)¹⁾, повидимому, заимствована изъ римскаго права: оригиналъ ея находится въ рескриптѣ импер. Антонина на имя А. Вира, вошедшемъ въ кодексъ Юстиніана: *sicut prior es tempore, ita potior es jure* (Cod. Iust. lib. VIII, tit. 18 § 3).

LXIX. Аѳенѣй.

235. Стихъ, приводимый *Аѳенѣемъ*, писателемъ III вѣка по Р. Хр., безъ указанія на источникъ — *οἶνος ἀνωγε γέροντα καὶ οἶκ ἐδέλοντα χορεύειν* (Athen. X 428 A), у насъ существуетъ въ видѣ пословицы: *вино старику* (старухѣ) *ноги подымаетъ* (Даль IV 325), т. е. заставляетъ плясать. Греческое изрѣченіе принадлежитъ къ очень рѣдкимъ: кромѣ Аѳенѣя, его приводитъ еще Макарій (VI 25). Другихъ

¹⁾ Ср. чешск. *Přednější časem, blíží pravem*; польск. *Kto pierwszy, ten lepszy* у Челяк 342.

источниковъ, изъ которыхъ могла быть заимствована наша пословица, нѣтъ; только Плутархъ (de gaitul. 4) цитируетъ стихи неизвѣстнаго поэта, содержащіе общую мысль, что вино даже благоразумнаго человѣка заставляло пѣть, смѣяться и плясать.

LXX. Лампридій.

236. Основное правило христіанской морали—*чего себѣ не хочешь, того и другому не твори*, вошедшее въ число русскихъ поговорокъ (Даль 188: I 510), образовалось на основаніи евангельскихъ словъ;¹⁾ но по формѣ своей наша поговорка соотвѣтствуетъ латинской сентенціи: *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*, которую импер. Александръ Северъ, по словамъ своего историка, Лампридія, услышалъ „отъ Іудеевъ, или отъ Христіанъ“ (тѣхъ и другихъ язычники, какъ извѣстно, смѣшивали) и часто любилъ повторять, даже велѣлъ начертать ее во дворцѣ и на общественныхъ зданіяхъ, (Lamprid. Alex. Sev. 51); она встрѣчается еще у блаж. Іеронима ер. 121, 8 р. 872); V. Szeliński (р. 30) приводитъ ее изъ Corp. Inscr. V 2, п. 8738.

LXXI. Астрампсихъ.

237. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ лексикона Свиды (передъ статьей *Λαγὼς καθεζδων*) находится стихъ, пропущенный въ изданіи Bernhardt (1853), но приведенный имъ въ примѣчаніи. Стихъ этотъ — *Φανείς ὁ λαγὼς δυστοχεὺς ποιεῖ τριβου* — „появленіе зайца предвѣщаетъ несчастье въ дорогѣ“ — интересенъ для насъ тѣмъ, что свидѣтельству о сходствѣ нѣкоторыхъ древнегреческихъ суевѣрій съ русскими; у насъ тоже говорится: *заяцъ дорогу перебѣжитъ, изъ несчастья* (Даль I 693). Авторомъ приведеннаго стиха считается нѣкто *Астрампсихъ* (вѣроятно, псевдонимъ), который носитъ имя одного изъ древне-персидскихъ маговъ, но жилъ, какъ думаютъ, не раньше

¹⁾ Ев. Мат. 7, 12; Лук. 6, 31; болѣе древніе слѣды его показаны у Otto № 69.

IV вѣка по Р. Хр.; ему приписывается небольшой сборникъ ямбовъ подъ заглавіемъ 'Ονειροκρητικόν (снотолкователь). Еразмъ (adag. II 10, 45) переводитъ греческій стихъ: *Inauspicatum iter obvius facit Ierus* и замѣчаетъ, что суетвѣріе это принадлежитъ къ общераспространеннымъ. Галицкую поговорку—*Боятся щобы му зайыз дороги не перебыз* приводитъ Челяк. 496.

LXXII. Блаж. Іеронимъ.

238. Пословица—даровому коню въ зубы не смотрятъ (Даль 692) перешла къ намъ изъ сочиненій Блаж. Іеронима въ буквальный переводъ съ латинскаго: *equi dentes inspicere donati* (vulgare proverbium: Hieronym. comment. in Ephes. praef. t. VII p. 538 Vall.), какъ замѣтилъ уже *Ив. Снегиревъ* (I 98). Славянскія параллели (чешская, польская, галицкая, малорусская, кроатская, хорватская, сербская и болгарская) приведены у Челяковского (стр. 47; ср. Ном. 4615). Крумбахеръ (Mittelgriech. Sprichw. S. 23), рассматривая различные способы выраженія нѣмецкой пословицы—*Einem geschenkten Gaul sieht man nicht ins Maul*, упоминаетъ о многочисленныхъ вариантахъ ея, существующихъ у разныхъ народовъ, въ числѣ которыхъ 65.

239. Поговорка—одна паршивая овца все стадо испортитъ (Даль 169) принадлежитъ къ довольно распространеннымъ и существуетъ на чешскомъ, польскомъ, сербскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (см. у Челяк. 40; малорусскіе варианты у Ном. 5987). Но литературныхъ источниковъ ея немного. Что отъ одной зараженной штуки скота заражается все стадо, это, конечно, фактъ общезвѣстный, и упоминаніе о немъ можно найти и у классическихъ писателей; но собственно какъ пословица, живущая въ устахъ народа, изрѣченіе это приводится, кажется, только у церковныхъ писателей: juxta vulgare proverbium: *Unius pecudis scabies totum commaculat gregem* (Hieronym. Comment. in Galat. 3 p. 489 Vall; cf. еще цитату изъ Амбросія у Otto № 1597).

240. Въ сочиненіяхъ блаж. Иеронима нѣсколько разъ встрѣчается очень популярная пословица (*tritum populi sermone proverbium*): *dignum patella operculum* („крышка достойна горшка“, т. е. приходится по горшке), или *invenit patella operculum* (Hieron. epist. 7, 5 p. 20 Vall; ep. 127, 9 p. 957), что буквально соответствуетъ русской пословицѣ: *на всякій горшокъ найдется покрывало* (Даль I 393). Чешская и нѣмецкая пословицы у Челяк. 38. Греческая форма— εὑρεν ἡ λοπάς τὸ πῶμα приводится у Otto № 1355, какъ заглавіе одной изъ сатиръ Варрона.

240а. Цитируемая Еразмомъ (adag. I 2, 5) изъ сочиненій блаж. Иеронима ¹⁾ провозглашенная пословица—*vulgaris proverbium: malo arboris nodo malus cuneus requirendus est* существуетъ у чеховъ: *Na tvrdy suk (spalec) tvrdeho treba klinu*; у насъ немного иначе говорится: *на крепкій сукъ надобенъ острый топоръ* ²⁾.

LXXIII. Блаж. Августинъ.

241. Интересно узнать источникъ нашей поговорки: *строить воздушные замки*, которую мы примѣняемъ къ человѣку, преданному пустымъ мечтамъ и несбыточнымъ надеждамъ. Французы говорятъ въ томъ же смыслѣ: *bâtir des châteaux en Espagne*. Обращаясь къ древнимъ авторамъ и пареміографамъ, мы находимъ разные метафорическія и образныя выраженія означающія бесплодный трудъ, непрактичныя и сумасбродныя предпріятія, напр., „ловить рыбу въ воздухъ“ (*piscari in aëre* Plaut. Asinar. 99), „бить по воздуху“ (ἀέρα δῆρειν или δαίρειν Посл. къ Коринѣ. I 9, 26; Suid. I p. 116, — метафора, заимствованная изъ кулачнаго боя), „бхать на веслахъ по воздуху“ (αἰθέρα ἰρέσσειν Zenob. I 39), „пахать въ воздухъ“ (ἀνέμους γεωργεῖν Zenob. I 99). „ловить сѣтями воздухъ“ (δίκτυον ἀνέμων θηρᾶν Zenob.

¹⁾ Hieron. ep. 69, 5 p. 416 Vall. А. И. Соколовъ приводитъ еще другое мѣсто: Hier. in Matth. 21, 24: Hoc est, quod vulgo dicitur, *malo arboris nodo malus clavus aut cuneus infligendus est*.

²⁾ Даль IV 368; I. E. Hulakovsky Česka příslovi. № 1109 sqq.

III 17), „ходить по воздуху и носиться въ облаках“ (*κερσάτε·ν χαί μᾶσι·ρος ἀρδαις* Procop. de bello Pers. I 25) и т. п., но ни одно изъ этихъ выраженій не можетъ быть признано прототиномъ нашей поговорки. Наконецъ у блж. Августина встрѣчается очень близко подходящее къ нашему выраженію: *subtracto fundamento in aëre-aedificare*¹⁾. Прибавка *subtracto fundamento* какъ нельзя лучше объясняетъ смыслъ нашего выраженія: строить воздушные замки, или зданіе безъ фундамента, держащееся какъ бы на воздухѣ, т. е. строить планы и питать надежды, для которыхъ основаніе существуетъ не въ дѣйствительности, а лишь въ нашемъ воображеніи.

242. *Куда голова, туда и животы* (Даль I 877): животы собств. пищеварительные органы, здѣсь вообще члены тѣла, все тѣло. Поговорка выражаетъ слѣдующую мысль: какъ члены человѣческаго тѣла находятся въ тѣсной зависимости отъ головы и не имѣютъ самостоятельнаго существованія, такъ связаны хозяинъ и семья, владѣлецъ и подчиненные. Таже мысль выражается въ лат. пословицѣ: *ubi caput, (ibi) et cetera membra*, которую приводитъ блж. Августинъ, называя ее *proverbium antiquum et verum*.²⁾

LXXIV. Макробій.

243. Первые слѣды нашей пословицы — *воронъ ворону глаза не выклюнетъ* (Даль I 299), которую, впрочемъ, скорѣе можно назвать международною, такъ какъ она существуетъ едва-ли не во всѣхъ языкахъ (см. Челяк. 39 и М. Михельсонъ стр. 54), находятся въ сочиненіи грамматика V вѣка, Макробія, у котораго встрѣчается выраженіе: *tamquam cornix cornici oculos effodiat* (Macrobian. VII 5 § 2). Отто подъ № 436 приводитъ изъ Григорія Турскаго (писателя VI вѣка) цитату, въ которой выраженіе это трактуется уже какъ „известная пословица“: *impletur in te „proverbium illud“, quod corvus oculum corvi non eruit*.

¹⁾ S. August. serm. 8 cap. 1 (Migne t. 38 p. 67).

²⁾ S. August. enarr. in psalmum 29, 14 (Migne t. 36 p. 223).

LXXV. Климакъ.

244. Нѣкоторыя proverbіальныя выраженія, приведенныя Крумбахеромъ (Mittelgriech. Sprichw. S. 229 ff.) изъ византійскаго писателя VI вѣка, *Іоанна Климака*, у насъ употребляются въ видѣ пословицъ, напр., *здоровому врачъ не надобенъ* (Даль 701): Οἱ ὑγιαίνοντες ἐν ἰατρείῳ οὐ παραγίγνεται. Первоначальный источникъ изрѣченія—Еванг. Лук. 5, 31: οὐ χρεῖαν ἔχουσιν οἱ ὑγιαίνοντες, ἀλλ' οἱ κακῶς ἔχοντες. Ср. Tac. dial. de orat. 41 *supervacuius—inter sanos medicus* и Ov. ep. ex Ponto III 4, 7.—245. *Огонь да вода суностаты* (Даль 1029): Ἀλλότριον τὸ πῦρ τοῦ ὕδατος. Слово ἀλλότριος въ значеніи: враждебный, непріятельскій (*суностатъ*) употребляется даже у хорошихъ аттическихъ писателей.—246 *Поглядимъ, откуда вѣтеръ подуетъ* (Даль 725): Τὸ πόθεν ὁ ἀνεμὸς πνεῖ πρὸ πάντων ζητήσωμεν.—247. Ὡς κόρην ὀφθαλμοῦ—какъ зѣницу ока (беречь, хранить)—выраженіе взято изъ Второзак. 32, 10, или изъ Псалм. 16, 8¹⁾.

LXXVI. Глика.

О стихотвореніи византійскаго хрониста XII вѣка, *Михаила Глики*, которое цитируетъ Крумбахеръ (Mittelgriech. Sprichw. S. 55 ff.), мы замѣтили (Визант. посл. стр. 11), что по тону своему и обилію proverbіальныхъ выраженій оно сильно напоминаетъ моленіе нашего *Даніила Заточника*. Впослѣдствіи мы ознакомились съ содержаніемъ брошюры *В. Шурата* „Слово Данила Заточника“ (Львовъ, 1896), въ которой проводится мысль о прямомъ заимствованіи, сдѣланномъ авторомъ, или позднѣйшими кописистами „Слова“ изъ греческихъ источниковъ: Глики и Птохопродрома. Мы остановимся

¹⁾ Выраженіе, приведенное изъ I. Климака у Крумбахера подъ № 79—Ἐπαναστρέφοντα εἰς τὸν ἴδιον ἔμετον у насъ не охѣлалось пословицей, и мы ограничимся указаніемъ источника: оно взято изъ II посланія Ап. Петра (гл. 2, § 22): σφραβίζετε δὲ αὐτοῖς τὸ τῆς, ἀληθοῦς παροικίας· ζῶντες ἐπιστρέφοντες ἐπὶ τὸ ἴδιον ἐξέρχεται. Поединѣ эта παροικία (Κόων ἐπὶ τὸν ἴδιον ἔμετον) вошла въ сборники Greg. Cyr. II 83 (cod Mosq. III 90) и Apost. X 30.

здѣсь лишь на нѣсколькихъ стихахъ Глики, представляющихъ для насъ интересъ.

248. Сначала мы приведемъ стихи, свидѣтельствующіе о существованіи у грековъ народнаго повѣрья, по которому *карканье ворона* считалось дурнымъ, зловѣщимъ предзнаменованіемъ:

ὄταν ὁ κόραξ πούποτε χαδίῳ καὶ φωνάξῃ,
ἐκεῖ σημαίνει θάνατον καὶ χωρισμὸν ἀδρόν.

И русскій народъ придерживается того же повѣрья, какъ показываютъ поговорки: *зловѣщій воронъ; старый воронъ не каркнетъ даромъ; воронъ каркаетъ къ несчастью, ворона къ ненастью* (Даль 530; I 248; cf. Plut. de sanit. 14 *κοράκων λαρυγγισμό*! — *σημεῖα πνευμάτων καὶ ὄμβρων*) ¹⁾. Что воронъ предвѣщаетъ смерть, какъ бы слыша запахъ трупа, — повѣрье это ведетъ начало, безъ сомнѣнія, изъ той эпохи, когда трупы непогребенныхъ, особенно висѣльниковъ, оставались въ добычу воронамъ ²⁾, откуда и классическая формула проклятія: *ἐς κόρακας* (лат. *in talam crucet*). Нѣкоторую реминисценцію старины можно видѣть въ нашей поговоркѣ: *спроважу, куда воронъ костей твоихъ не занесетъ*, или, еще яснѣе, въ малорусскихъ формулахъ: *щоб надо мною ворони кракали! Нехай над ним ворони кракають!* (Ном. 6764, 11120).

249. *Съяй слезами радостью пожнетъ* (Даль 99) — буквальный переводъ стиха: ὁ σπείρων γὰρ ἐν δάκρυσι μεθ' ἡδονῆς θερίζει. Первоначальный источникъ и нашего выраженія, и стиха Глики Цсал. 125 § 5.

250. *Какъ постелешь, такъ и поспишь; какъ поспьешь, такъ пожнешъ* (Даль 181); у Глики: Καθεῖς κοιμάται ὡς ἔστρωσεν, ὡς ἔσπερε θερίζει. Славянскія, новогреч. и западно-европейскія поговорки

¹⁾ Первые неясные слѣды этого суевѣрія находятся у Нес. Опп. 747 (745). Также крикъ совы считался зловѣщимъ, какъ и у насъ, о чемъ упоминается въ одномъ изъ фрагментовъ Менаандра: ἄν γλαυὲ ἀνακράγῃ δεδοίκαμεν (A. Meineke Frgm. com. Gr. IV p. 230).

²⁾ Arist. Thestroph. 1027 ἐπρέμασαν (ἐμέ) κόραξι δειπνον. Hor. epist. I 16, 48 *pas cere in cruce corvos*. Petron. 58 *crucis offla, corvorum cibaria*.

см. у Челяк. 160. Сентевція—как поспѣшь, такъ пожнешь встрѣчается уже въ древнѣйшихъ источникахъ, см. № 79.

LXXVII. Никита Акоминатъ.

251. Откуда произошли наши выраженія: *рога приставить мужу и роконосецъ*? По этому вопросу *Из. Снегиревъ* (Русскіе въ своихъ пословицахъ I 89) приводятъ историческую справку изъ сочиненія византійскаго писателя XII—XIII вѣка *Никиты Акомината* слѣдующаго содержанія: импер. византійскій, *Андроникъ Комненъ* (1183—1185), любившій заводить интриги съ женами своихъ вельможъ, какъ бы въ знакъ своей милости позволялъ охотиться въ своемъ паркѣ мужьямъ тѣхъ женъ, которыя пользовались его особымъ вниманіемъ; у тѣхъ, кто имѣлъ право охоты въ придворномъ паркѣ, на воротахъ дома выставлялись олени рога. Отсюда и произошла поговорка. Впрочемъ, Снегиревъ допускаетъ и другое объясненіе, а именно: у германцевъ жены, сваряжая своихъ мужей на войну, надѣвали имъ на голову шлемы изъ звѣриныхъ кожъ съ рогами; поэтому, на языкѣ женщинъ *надѣть мужу рога* (*ihrer Mannes Hörner aufsetzen*) значило снарядить мужа въ походъ и остаться на своей волѣ. Но едвали одно и то же выраженіе можетъ имѣть два различныхъ по мѣсту и времени источника; и не трудно замѣтить, что сравнительно съ исторически засвидѣтельствованнымъ фактомъ изъ исторіи нравствъ византійскаго двора послѣднее сообщеніе, о женахъ германцевъ, имѣетъ характеръ искусственнаго, ad hoc сочиненнаго разсказа.

LXXVIII. Плянудъ и кодексы Крумбахера.

252. Въ сборникѣ Плянуда первое мѣсто занимаетъ пословица: "Ὀλον τὸν βοῦν ἔφαγε, κατὰ δὲ τὴν χέρχον ἀπὴρόρευσεν — „цѣлаго быка съѣлъ и на хвостѣ усталъ“¹⁾). Въ новогреческихъ параллеляхъ, вмѣ-

¹⁾ Кроме того, мы имѣемъ два варианта этой пословицы у *Apocst.—Ars.* XIII 86 а и 97 (cf. *Egasm.* III 3, 68) и третій у *Krumbach.* № 11.

сто быка, является, большею частью, несъдобный осель, а у насъ — собака: *собаку съѣлъ, только хвостомъ подавился* (Даль 455). По словамъ Крумбахера (S. 141—142), изрѣченіе относится къ труднымъ предпріятіямъ, послѣдняя часть которыхъ часто представляетъ наибольшія затрудненія, какъ показываютъ приведенныя имъ итальянскія поговорки. Но наша пословица имѣетъ другой оттѣнокъ: наше выраженіе — *собаку съѣлъ*, по первоначальному своему значенію, сродни латинской поговоркѣ: *linguam caninam comedit* (Petron. 43), которая употреблялась о человѣкѣ способномъ долго болтать безъ устали; отсюда же другая наша поговорка: *когда онъ заговоритъ, то и собака не дастъ слова сказать*¹⁾; затѣмъ наше выраженіе — *собаку съѣлъ* получило болѣе общій смыслъ и значить: *быть докой, мастеровъ*; по этому, *собаку съѣлъ, только хвостомъ подавился* значить: *онъ въ этомъ дѣлѣ опытный мастеръ, а на пустякахъ провалился* (оказался несостоятельнымъ), такъ что *хвостъ* означаетъ не самую трудную, а сравнительно ничтожную часть дѣла.

253. Μωρόν καὶ ἄρχοντι, ὅτι περ ἂν δοῖται. (Planud. 3): „дураку, какъ и начальнику (дозволяется дѣлать) все, что угодно“. Мы имѣемъ довольно близкую малорусскую параллель: *пани, як дурни: що хотять, те и роблять* (Ном. 1156). Родственную мысль поддержать и слѣдующій нумеръ:

254. Μωροὺς καὶ εἰσεστηκότας θεὸς οὐ κρίνει (Plan. 4, cf. Krumb. № 58) — „глупыхъ и сумасшедшихъ Богъ не судить“. И по русскому народному пониманію дураки не вѣняемы, о чемъ говорятъ многія русскія пословицы, напр. *на дурака у Бога милости много; на дурака не взыщутъ* и т. п. (Даль 473); для самой извѣстной нашей поговорки — *дураку законъ не писанъ* греческій оригиналъ найденъ у схолиаста Горациева, *Πορφυριόνα* (III вѣка): *μωρόν — νόμος γραφός*²⁾.

¹⁾ Даль IV 257; срвн. *canina eloquentia* Appian ap. Quintil. XII 9, 9.

²⁾ Scholia Horat q. f. Acronis et Porphyriionis, ed. *Pauly* (vol. II 2 p. 261 u serm. II 3, 188).

255. Δέχα μέτρα χη: ἐν τήμε (Plan. 7)—очень распространенная пословица. Къ новогреческимъ, итальянскимъ и инымъ параллелямъ, приведеннымъ Крумбахеромъ (S. 245), можно прибавить нѣсколько русскихъ вариантовъ, напр. *десять разъ (семь разъ) примръ, одинъ разъ отрѣжь; десятию примръ, одна отрѣжь* (Даль 602 и 736), и славянскія параллели (Челяк. 259, Ном. 5902).

256. Ὁ πτόων εἰς τὸν οὐρανὸν τὰ γένειά του πτῖει (Krumb. 29, cf. Plan. 9 и Apost. VI 57)—„кто плюетъ на небо, плюетъ себѣ въ бороду“; пословица существуетъ у нынѣшнихъ грековъ и у насъ въ нѣсколькихъ вариантахъ, напр. *кверху плевать, свою бороду заплевать, или выше носа плюнешь, себя заплунешь* (Даль 806). Къ турецкой и итальянскимъ параллелямъ, приведеннымъ Крумбахеромъ (S. 164), мы прибавимъ еще чешскую: *Kdo do nebe plije, na jeho vlastní tvar slina bije* (Челяк. 14).

257. Ἐξ ἀνοήτου καὶ μεθύοντος μαθήσῃ τὸ ἀληθές (Plan. 10. Krumb. 7)—„отъ глупаго и пьянаго узнаешь правду“. Въ новогреческихъ параллеляхъ мѣсто пьянаго, большею частью, заступаетъ дитя; тоже въ нашей, нѣмецкой и чешской пословицахъ: *глупый да малый всегда говорятъ правду* (Даль 473); *Kinder und Narren sagen die Wahrheit; Nejspise blazen a deti pravdu mluvi* (другія параллели у Челяк. 64; Ном. 8079).

258. Οἷδὲν ἀνύσεις τυφλῷ διανέων καὶ κοφῷ φιδουρίζων (Plan. 11), т. е. „напрасно будешь кивать слѣпому, или шептать глухому“, — изрѣченіе, составленное изъ двухъ пословицъ, приписываемыхъ Плутарху: *Κοφῷ ὁμιλεῖς* и *Τυφλῷ διανέεις* (Plut. provv. Boisson. 43 и 44 въ Согр. παροισ. гт. I р. 347). Наша поговорка — *не шепчи глухому, не мигай слѣпому* (Даль I 368) гораздо ближе къ Плянудовой, чѣмъ единственная греческая параллель, приведенная г. Куртцомъ: *Τοῦ κοφροῦ καὶ ἂν τουμπανίζης, τοῦ στραβοῦ καὶ ἂν δειχνης* (=δεικνύης) *στράτα* (=Strasze).

259. Ἀλλαχοῦ μὲν καταμένεις, ἐνταυθοὶ δὲ ἄρτοποιῇ (Planud. 18): „въ другомъ мѣстѣ живешь, а здѣсь хлѣбъ себѣ печешь“¹⁾. Въ мно-

¹⁾ У Крумбахера № 31 наоборотъ: Ὡς μὲν καὶ ἄλλου φουρνίζω — „здѣсь живу, а въ другомъ мѣстѣ пеку“.

гочисленныхъ новогреческихъ вариантахъ, приведенныхъ Крumbaхеромъ (S. 165 f.), таже мысль выражается метафорой, заимствованной отъ обычая птицъ, которыя въ одномъ мѣстѣ несутся, а въ другомъ кудачутъ. Точно также и наша пословица гласитъ: *индѣ кудачетъ, а дома яйца кладетъ*—о женѣ, а о мужѣ наоборотъ: *дома кудачетъ, а индѣ яйца кладетъ*¹⁾. Смыслъ нашей пословицы ясенъ: въ ней, очевидно, разумѣется нарушеніе супружеской вѣрности. Г. Куртцъ²⁾ приводитъ найденную имъ (въ Schmalers Jahrbuch. für slaw. Littér. 1854, S. 513) русскую поговорку: „in des Nachbars Ofen backen“ въ *прианейскомъ* смыслѣ.

160. Ὁπου φιλεῖς, μὴ δίνεις καὶ ὅπου ἀγαπᾷς, μὴ σίχναζε (Krumbach. 13)³⁾. У современныхъ грековъ пословица эта разбилась на двѣ самостоятельныхъ части, какъ у насъ: *не давай денегъ, не теряй дружбы* (Даль 855) и *идѣ любятъ, тутъ не учащай* (Даль 872). Въ такомъ же родѣ можно привести двѣ польскіихъ, малорусскую и галицкую пословицы (Челяк 414; Ном. 11941), которыя гораздо ближе подходятъ къ греческой, чѣмъ турецкія параллели, приведенныя Крumbaхеромъ (S. 144).

261. Ὁβω σε ἀγαπῶ, ὥς ὁ κύων τὸ χρόμιον καὶ ἡ γράς τὸ ἀνώφορον (Plan. 40): „такъ тебя люблю, какъ собака лукъ, или старуха крутой подъемъ“. Этой пословицы не сохранили даже новогреки, и если бы не было нашей параллели: *любитъ, какъ собака рыбку* и малорусской: *любитъ, якъ собака цибулю*,⁴⁾ то Плянудова пословица осталась бы совершенно одинокою во всей proverbialной литературѣ. Последнія слова—καὶ ἡ γράς τὸ ἀνώφορον представляютъ искусственную прибавку, можетъ быть, совершенно отдѣльной пословицы.

¹⁾ См. Челяк. 595; ср. Даль 727: *не тамъ курица яйцо снесла, идѣ кудачетъ* и Ном. 5899.

²⁾ Zu den paroemien der Griechen вѣ Philologus Bd. 49. Gött. 1891.

³⁾ У Плянуда № 33 только вторая половина: Ἐνθα ἐρᾷς, μὴ θάμνεις. Иначе выражена таже мысль у Apost. XV 60: Σπάνιον εἰσάγε σὸν πόδα πρὸς σὸν φίλον, ἵνα μὴ πληθεῖς σοῦ μισήσῃ σε.

⁴⁾ Даль 822; Ном. 5079. Древніе имѣли пословицу: Κύων τεύτλα οὐκ ἐσθίει (Apost. X 30 а; XIII 23)—„собака не ѣстъ свеклы“.

262. Ἐνθα πολλοὶ ἀλέκτορες, ἐκεῖ ἡμέρα οὐ γίγνεται (Plan. 45; Kpmb. 42): „гдѣ много пѣтуховъ, тамъ не наступаетъ день“. Въ довольно точномъ переводѣ пословица эта существуетъ у болгаръ: *идъ то пѣютъ много пѣтм, тамъ кусно ся встаета* (Челяк. 381). Общій смыслъ изрѣченія (гдѣ много распорядителей, тамъ дѣло идетъ плохо) у насъ хорошо передается тѣми поговорками, начало которыхъ относится въ Семибоярщинѣ московской (1610 года), напр. *у семи пастуховъ не стадо, у семи нянекъ дитя безъ глаза* (Даль 250); близко къ послѣдней подходитъ одна изъ новогреческихъ пословицъ: Οἱ πολλοὶ μαμμῆς πνίγουν τὸ παιδί. Ср. классическую пословицу: Πρῶλο! στρατηγοὶ Καίρι'αν ἀπώλεσαν (Diogen. VΠ 72; Apost. XIV 51) и предсмертное изрѣченіе импер. Адріана (τὸ δημῶδες): πολλοὶ ἱατροὶ βασιλεῖα ἀπώλεσαν (Dio Cass. LXIX 22).

263. Πολὺς λαός, ὀλίγοι δὲ ἄνθρωποι (Planud. 50) — принадлежить къ тѣмъ нумерамъ, которые не сохранились у современныхъ грековъ, но существуютъ у насъ въ буквальномъ переводѣ: *много народу, да мало людей, или людей-то много, да человека нѣтъ* (Даль 317). Какъ византийскую, такъ и наши пословицы нужно понимать, безъ сомнѣнія, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Диогенъ Синопскій отличалъ „людей“ отъ „толпы“ и среди дня съ фонаремъ искалъ въ толпѣ „человѣка“ (Diog. Laert. VI 2 §§ 40, 41). Въ другомъ родѣ встрѣчается сентенція у Геродота (VII 210 о войскѣ Ксеркса): πολλοὶ μὲν ἄνθρωποι, — ὀλίγοι δὲ ἄνδρες.

264. Φιλοῦσιν ἀλλήλους ὥσπερ γαλῆ¹⁾ καὶ κύων (Planud. 55) соотвѣствуетъ нашей пословицѣ: *какъ кошка съ собакой* (дружны), или *лады, что у кошки съ собакой* (Даль 855; II 185). Одна новогреческая параллель приведена г. Куртцомъ; многочисленныя славянскія мы имѣемъ въ сборникѣ Челяк. 53; франц. *Il s' accordent comme chien et chat*.

265. Ὅταν ὁ θεὸς τὸ γέννημα, ὁ διάβολος τὸ σακκίον (Plan. 59; Kpmb. 67) — оба издателя переводятъ такъ: „если Богъ (дастъ)

¹⁾ γαλῆ ласка, кунница, родъ кошки. Schol. in Ar. Plat. 693: γαλῆς=χάττας (хатта поздн.—αἰλουρος, новогреч. хата, гата, котъ, кошка).

наоды, то діаволъ (отнимаетъ) мѣшокъ“. Признаться при такой передаче смыслъ изрѣченія остается темнымъ и не разъясняется даже отъ сравненія съ новогреческою пословицею: Ὅταν δίνῃ ὁ Θεὸς τῷ ἀγρῷ, παύει ὁ διάβολος τὸ σαχχί, которую сами греки, кажется, толкуютъ вкривъ и вкось (Krumbach. S. 194). Впрочемъ, послѣднюю, при наличности двухъ глаголовъ, еще можно понимать такъ, или иначе¹⁾; но имѣемъ ли мы право для объясненія византійской пословицы подражывать два разныхъ глагола? Это была-бы неслыханная въ реторикѣ *ellipsis*. Естественнѣе предположить, что при обоихъ субъектахъ предикатъ одинъ и тотъ-же, т. е. *даетъ* (ср. нашу пословицу: *Богъ пугъ, а чертъ кроукъ* т. е. даетъ. Даль II 211); при этомъ *саххион* значить не мѣшокъ для хлѣба, а мѣшочекъ для денегъ, калита²⁾; такимъ образомъ, переводъ византійской пословицы будетъ слѣдующій: „когда Богъ (даетъ) урожай, то діаволъ калиту“, разумеется, въ смыслѣ страсти копить деньги, что очень близко подходитъ къ нашей пословицѣ: *скупой собираетъ, а чортъ калиту шьетъ*, или *скупой копитъ, а чортъ машину тачаетъ* (Даль II 78 и IV 615).³⁾

266. Ὅσφ ταρατταῖς τὴν χίτρον, τοσοῦτφ μάλλον ὄζει (Planud. 69) соответствуетъ нашей пословицѣ: *не вороши (не тронь), такъ и не воняетъ* (Даль 684). Къ новогреческой параллели, приведенной г. Куртцомъ, можно прибавить нѣсколько малорусскихъ, столь-же выразительныхъ поговорокъ (см. Ном. 3289).

267. Ἀπὸ κακοῦ δανειστοῦ, καὶν σαχχίον ἀχύρου (Plan. 80): „отъ плохого должника (бери) хоть мѣшокъ половы (мякины)“. Рус-

¹⁾ См. В. К. Ернштедтъ „Забытыя греческія пословицы“ въ Ж. М. Н. Пр. 1893, май, стр. 40, прим. 2.

²⁾ Cf. Aristoph. frgm. 928 (*Th. Kock* Com. att. frgm. I 479): σαχχίον, ἐν οἷσπερ τάρχυριον ταμειεύεται. Plut. de educat. puer. 14: τὰ σαχχία τῶν χρημάτων. Новогреч. *саххион* денежный мѣшокъ.

³⁾ Впрочемъ, при объясненіи этой пословицы возможно еще одно предположеніе: если бы нашлись какія либо палеографическія основанія, вмѣсто τὸ σαχχίον, прочесть въ рукописяхъ τὸ ζῆλον то получился бы совершенно ясный смыслъ; такое чтеніе какъ нельзя лучше соответствовало бы, съ одной стороны, Евангельскому сказанію о діаволѣ, сѣющемъ плевелы среди пшеницы, а съ другой—русской пословицѣ: *Богъ съ рожью, а чортъ съ костромъ* (Даль 1011); *костеръ*—сорная трава.

скія и вообще славянскія пословицы представляют замѣчательное сходство съ греческою: *отъ худого должника хотъ мякиной бери, доми и мякиной (соломой) собираютъ* (Даль 585); польск. *od złego dłużnika i plewi bierz*¹⁾.

268. Ὅς οὖν ἀκούει τῶν γονέων, ἀκούει τῶν ὀρνέων (Plan. 94): „кто во слушается родителей, послушается птицъ“ (разумѣется, на вѣсѣлицѣ). Единственная новогреческая параллель, приведенная г. Куртцомъ, не такъ близка къ византийской пословицѣ, какъ наши: *кто не слушается отца-матери, послушается телячьей шкуры* (т. е. барабана); *не слушался отца, послушаешься кнутца*; малорусск. *хто не слухає тата, послухає ката* (Даль 222 и 695; Челяк. 400; Ном. 7085, 7087).

269. Ὁ φρονεῖ τις ὕστερον, πῶσον ἂν ἦν, εἰ πρότερον τοῦτο ἐφρόνει (Planud. 111): „какъ было бы хорошо напередъ имѣть тотъ разумъ, что приходитъ послѣ“! Изъ нашихъ поговорокъ очень близко подходитъ къ греческой слѣдующая: *кабы мнѣ тотъ разумъ напередъ, что приходитъ опосля* (Даль 463; малорусск. у Челяк. 194).

270. Μετὰ φρονίμου ζημίαν, καὶ μὴ σὺν μωρῷ κέρδος (Plan. 117): „лучше съ умнымъ потеря, чѣмъ съ глупымъ выгода“. Параллели, и притомъ очень близкія существуютъ только въ рускомъ и славянскихъ языкахъ, напр. *лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ глупымъ найти* (потому что съ дуракомъ и найдешь, да не раздѣлишь), или *дай Богъ съ умнымъ потерять, не дай Богъ съ дуракомъ найти* (Даль 479 и 629); ср. серб: *волимъ съ мудрымъ плакати, него съ лудымъ пѣвати* (Челяк. 208).

271. Μετὰ χαχοῦ μῆδ' εἰς τὸν παράδεισον (Plan. 119)—и этотъ номеръ принадлежитъ къ тѣмъ, которые имѣютъ аналогію только въ рускомъ: *лучше съ умнымъ въ аду, чѣмъ съ глупымъ въ раю* (Даль 479; ср. Ном. 6176). Замѣчательно, что этотъ № у Даля приводится рядомъ съ предыдущимъ, почти такъ же, какъ у Пянуда.

272. Εἰ μὴ ἔχης γέροντα, δὸς καὶ ἀγόρασον (Plan. 120): „если ты не имѣешь старика, дай (деньги) и купи его“. У насъ говорится:

¹⁾ Другія славянскія поговорки см. у Челяк. 275; Ном. 10689.

есть старый—убилъ бы его; нѣтъ стараго—купилъ бы его, разумеется, когда нуженъ его совѣтъ (Даль 410; ср. малорусск. *старого чоловіка для поради держи* Ном. 8679 и 9372).

273. Ἐνθα πολλοὶ πτίζουσι, πηλὸς ἐκεῖ γίνεται (Planud. 125): „гдѣ многіе плюютъ, тамъ образуется болото“. Кромѣ новогреческой, и у насъ есть очень близко подходящая параллель: *міръ по слюнкѣ плюнетъ, такъ море* (Даль 432). Въ другихъ языкахъ этой поговорки, кажется, нѣтъ.

274. Ἄν τε φάγῃς, ἄν τε μὴ φάγῃς, ἀκούσεις (φάγος) · καὶ γοῦν φάγε (Planud. 144): „ѣлъ ли, не ѣлъ ли, все равно скажутъ, что ѣлъ; такъ по крайней мѣрѣ, ѣшь“. Изрѣченіе это не имѣетъ близкихъ параллелей въ новогреческомъ, и смыслъ его представляется не вполне яснымъ. У насъ есть нѣсколько аналогичныхъ выраженій, напр. *ѣлъ ли, не ѣлъ ли, а за обѣдъ почтутъ*, или *хоть ѣшь, хоть не ѣшь, а за обѣдъ почтутъ*, или *ѣлъ не ѣлъ, да за столомъ просидѣлъ* (Даль 175, 242, 751). Крумбахеръ (S. 352) въ глаголѣ φαγεῖν предполагаетъ прегнантный смыслъ: „пожирать общественное добро или государственную казну“ и сближаетъ Плянудово изрѣченіе съ древне греческимъ: λίχος ἐν αἰτίᾳ γίνεται, καὶ φέρη καὶ μὴ φέρη (Append. pronv. III 74). Что касается нашихъ поговорокъ, то смыслъ ихъ отлично объясняется изъ организаціи рабочихъ артелей, при которой плата за обѣдъ взимается за всю артель, хотя бы отдѣльные члены ея и не обѣдали; слѣдовательно, *ѣлъ ли, не ѣлъ ли, а за обѣдъ почтутъ*—значить: ѣлъ ли, не ѣлъ ли, а платить придется, а въ общемъ смыслѣ: виноватъ, не виноватъ, а отвѣчать будешь. Подобный смыслъ можно предположить и въ византійской поговоркѣ. Но прибавка—καὶ γοῦν φάγε даетъ право сближить греческое изрѣченіе, какъ по обороту мысли, такъ и по внѣшнему складу съ известной нашей поговоркой, представляющей комическое оправданіе пьяницы: „пить—умереть, не пить—умереть; такъ лучше пить да умереть“ (=пилъ ли, не пилъ ли, все равно умрешь; такъ, по крайней мѣрѣ, пей).

275. Τὸν λίχον οἱ πόδες αὐτοῦ τρέφουσιν (Planud. 147)—пословица сохранилась только у насъ, и при томъ въ буквальномъ пере-

водѣ: *волка ноги кормятъ* (Даль 801; малорусская — *вошка ноги годують* у Челяк. 125 и Ном. 7107). Смыслъ Плянудовой пословицы объясняется другою нашею поговоркою: *волкъ рыщетъ, хлѣба ищетъ* (Даль 801).

276. Εἰ μὲν διώκῃ σε βασιλεὺς, φύγε · εἰ δὲ θεός, κάθου (Planud. 154): „если тебя преслѣдуетъ царь, бѣги; если же Богъ, сиди“ — пословица не имѣетъ другихъ параллелей, кромѣ нашей: *лежи (или молчи), когда Богъ убилъ* (Даль 28 и 318). Смыслъ ясенъ: отъ Бога не уйдешь; предъ испытаніемъ, посылаемымъ Богомъ, остается только смириться. Ср. стихъ, приписываемый Софоклу: Θεοῦ δὲ πληγὴν οὐχ ὑπερπήδη βροτῆς¹⁾.

277. Ἐφίππος καὶ πεζός, ἄφαντος συνοδεία (Planud. 167): „конный и пѣшій — еще невиданное товарищество въ пути“. Кромѣ нашей известной поговорки: *пѣшій конному не товарищъ* (Даль 699) и сербской: *пѣшакъ на коньика у вѣкъ мрзи* (Челяк. 170), мы не знаемъ другихъ параллелей.

278. Ἀνοήτου ῥάπτου μακρὸν τὸ ῥάμμα (Plan. 168): „у глупаго портнаго нитка длинна. Въ новогреческой параллели, вмѣсто глупаго, лѣнивый портной: ὀκνὸς ὁ ῥάφτης μακροὺ ἢ κλώστη τοῦ. У насъ: *длинная нитка — лѣнивая швея* (Даль 554) и у нѣмцевъ тоже: *lange Fädchen, faule Mädchen*. Если у лѣнивой швеи нитка длинна отъ того, что ей не хочется скоро шить и часто вдѣвать, то у лѣнивой пряжи, наоборотъ, нитка коротка: *весною дни долги, да нитка короткая* (Даль 698), потому что не хочется прясть.

279. Μοομενὼ τῷ λύκῳ ἐχέλευον εἰπεῖν ἀμὴν. ὁ δ' ἔλεγεν ἀρνίον (Plan. 179): „при крещеніи волка ему велѣли сказать аминь, а онъ: *арніон* (ягненок)“. Г. Куртцъ приводитъ одну только датскую параллель: *Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch Lamm, Lamm*, т. е. „учи волка отче нашъ, а онъ: бараш'къ, бараш'къ“. У славянъ есть нѣсколько близко подходящихъ параллелей, напр. польск. *tao wilku pacierz, a an woli kozia macierz*, чешск. *uci*

¹⁾ Soph. frgm. 656 Dind. 745 Ahrens; тоже Menandr. mon. 251; Apost. XIII 89 с.

vlky paterum, a oni vŕdy k ovsi и др. (Челяк. 36). У насъ тоже говорится про чорта: *какъ черта ни крести, а онъ все кричитъ: пуси!* (Даль 799).

280. Τὸ κέρδος ἀνδρα ἐξυπνίζει (Plan. 189; cf. Krumbach. 87). Наши пословицы довольно близки къ греческой: *кто до денег охочъ, тотъ не спитъ и ночь; барыша захочешъ, пораньше съ постели вскочишь; наживать, такъ раньше вставать* (Даль 526, 529, 551).

281. Πρὸς τὸ πῆδος καὶ ἡ ἐμπλαστρος (Plan. 210). Наша пословица буквально соотвѣтствуетъ греческой: *по ранъ и пластырь* (Даль 694).

282. Ὅσον ἂν ὄννης ἐκπέσοι, βελόνῃ γοῦν γίνεται (Planud.. 229)— довольно загадочное изрѣченіе. Г. Курциъ, имѣя въ виду испанскую пословицу: „дать иглу и взять сошникъ“, переводить: „у кого пропалъ сошникъ, тому дается, по крайней мѣрѣ, иглока“. Крумбахеръ (№ 17), на основаніи шести рукописныхъ варіантовъ, устанавливаетъ слѣдующее чтеніе: Ὅσον ἐξέπεσε τὸ ὄννιν, πάλιν βελόνῃ σῶζει и переводить: „какъ бы сошникъ ни износился (ни сдѣлался негоднымъ), но его хватаетъ на булавку“. Еще въ первомъ своемъ изданіи византійскихъ пословицъ (Eine Sammlung byzant. Sprichw. 1887, S. 78) онъ объяснялъ этотъ нумеръ слѣдующимъ образомъ: „Der Sinn des Spruches ist offenbar: Eine von Anfang an grosse Summe von Reichtum, Kraft, Einfluss, Verstand u. s. w. reicht, mag sie auch beteutend geschmälert werden, doch für kleine Erfordernisse noch aus“. Въ подтвержденіе своего толкованія, въ изданіи 1893 г. (Mittelgriech. Sprichw. S. 154) онъ приводитъ рядъ ново — и древне — греческихъ пословицъ; но ни въ одной изъ нихъ главныя понятія византійскаго изрѣченія — ὄννης и βελόνῃ — не встрѣчаются, и мысль выражается другими метафорами, такъ что о близкомъ родствѣ этихъ пословицъ съ византійскою не можетъ быть и рѣчи. Но у насъ есть пословица, въ которой оба понятія, сопоставляемыя въ византійской, на лицо и которая, кажется, ведетъ начало прямо отъ византійской, хотя имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, что не мѣшаетъ толкованію Крумбахера быть совершенно правильнымъ: нашъ народъ могъ позаимствовать у грековъ лишь форму и вложить въ нее свою мысль. Чтобы убѣдиться, что это, дѣйстви-

тельно, могло такъ произойти, присмотримся ближе къ византийскому изрѣченію: изъ двухъ противоположаемыхъ въ немъ понятій—*ὄνυς* и *βελόνη*—1-е означаетъ предметъ сравнительно болѣе важный (сошникъ, лемехъ), а 2-е означаетъ булавку, или другой предметъ въ томъ же родѣ, сравнительно ничтожный; далѣе, судя по значенію глаголовъ—*ἐκπίπτειν* выпадать (быть выбрасываему), выходить изъ употребленія, и *σώζει* (= *σώζεται*) остается, существуетъ, или, какъ у Плянуда, *γίνεται* дѣлается, является и т. п., видно, что второй предметъ заступаетъ мѣсто перваго, вышедшаго изъ употребленія, или, что *ὄνυς* переходитъ въ *βελόνη*, словомъ, происходитъ нѣкотораго рода *déscendence*. Если вѣрно такое объясненіе общаго смысла и соотношенія отдѣльныхъ понятій византийскаго изрѣченія, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ генетической связи съ нимъ нашей пословицы: *перекоевалъ лемехъ на свайку* (Даль 260, ср. Ном. 7613), которая говорится про людей, мѣняющихъ трудовую жизнь (соху) на бездѣлье; срвн. *промѣнялъ шило на свайку*. Русскому переводчику византийскаго пословица представлялась въ слѣдующемъ простомъ видѣ: *ὄνυς* (*μὲν*) ἐξέπεσε, *βελόνη* δ' οὖν ἐγένετο—„забытъ (заброшенъ) сошникъ, зато явилась свайка“. Въ тождествѣ греческой *βελόνη* съ нашей свайкой мы не будемъ сомнѣваться, если вспомнимъ, что свайка—также булавка, только въ увеличенномъ размѣрѣ.

283. Βλέπε μητέρα καὶ ἄγου θυγατέρα (Plan. 233): „смотри на мать и женись на дочери“. Пословица эта сохранилась у сербовъ съ буквальной точностью: *гледай майку, а узми шчерцу* (Челяк. 384). У насъ говорится: *первую дочь бери по отцу, по матери, а вторую по сестрѣ* (Даль 384).

284. Τὰ κακὰ πρόσωπα δυσχεραίνονται καὶ οἱ κύνες (Plan. 241): „некрасивыхъ лицъ не могутъ терпѣть даже собаки“. Г. Куртцъ приводитъ только нѣмецкую параллель: *Wenn sein Gesicht an der Küche stände, es ginge kein Hund vorüber*. Наша пословица еще выразительнѣе: *такая красава, что въ окно лянетъ—конь прынетъ, на дворъ выйдегъ—три дня собаки лаютъ* (Даль 322).

285. Μωρὸς ῥίψει λίθον εἰς φρέαρ καὶ δέχα φρόνιμοι τοῦτον οὐκ ἀνελεύσουσιν (Plan. 245)—очень распространенная пословица. У насъ

она существуетъ въ буквальный переводъ: *дуракъ въ воду* (въ колодезь) *камень закинетъ, десять умныхъ не вытащатъ* (Даль 479; Ном. 6178). Одну новогреческую параллель, въ которой является 100 умныхъ, приводитъ г. Куртцъ, а другую, съ 1000 умныхъ, Крумбахеръ (S. 242); серб. и польск. у Челяк. 213. Кроме того, Крумбахеръ упоминаетъ о параллеляхъ нѣмецкой, еврейско-нѣмецкой, французской, итальянской, богемской, польской и венгерской. Это одна изъ тѣхъ немногихъ пословицъ, на происхожденіе и исторію которыхъ мы имѣемъ нѣкоторыя указанія. Источникъ ея—арабская сказка изъ „Тысячи и одной ночи“, которая подъ заглавіемъ „Синагрипъ, царь Адоровъ и Наливскія страны“ была извѣстна въ русскомъ переводѣ въ спискахъ XIV—XV вѣка ¹⁾). Сказка эта съ Востока зашла въ Византию, откуда проникла въ южно-славянскую письменность, изъ которой, (какъ объ этомъ можно заключать по особенностямъ одного списка XV вѣка) ²⁾, перешла къ намъ.

286. Βασιλεὺς μόλιβδος οὐ καταβύεται (Plan. 249): „царскій свинецъ не тонетъ“. Пословица эта сохранилась только въ новогреческомъ языкѣ (Krumbach. S. 257) и у насъ: *Государево* (казенное) *добро на воду не тонетъ* (Даль 245); въ другихъ языкахъ ея нѣтъ.

287. Χειραγωγή ὁ τοῦ τοῦ τὸν μὴ βλέποντα (Plan. 252). Г. Куртцъ сравниваетъ Ев. Матѳ. 15, 14 и Ног. Epist. I 17, 3—4). У насъ есть нѣсколько подобныхъ поговорокъ, напр. *слѣпой слѣпому путь кажетъ*, или *слѣпой слѣпца водитъ*, а оба зми не видятъ (Даль 680; IV 234).

288. Καὶν ἄγγερον οὐ κλάται (Plan. 262)—„плохой сосудъ не бьется“. Г. Куртцъ приводитъ цитату изъ Апостолія (IX 36): Καὶν ἄγγος οὐ κλάται съ объясненіемъ: „Unkraut vergeht nicht“ (сорная трава не пропадетъ), какъ объяснялъ еще Еразмъ (adag. IV 2, 99). Намъ кажется, что пословица имѣетъ другой смыслъ и соотвѣт-

¹⁾ *Ив. Снегиревъ*, Русскіе въ своихъ пословицахъ. I 54; Исторія госуд. Росс. *Карамзина*, Т. III (1833), прим. 230.

²⁾ *А. Н. Пыпина* Очеркъ лятер. ист. стар. повѣстей и сказокъ русскихъ (Уч. Зап. 2 Отд. Имп. Ак. Н. 1858 кн. IV, стр. 63 слѣд).

ствуе́тъ нашей: *битая* (сколоченная, склеенная) *посуда* *два вѣка живетъ* (Даль 311 и 775): битый (щербатый) горшокъ крѣпче не только прежнихъ своихъ товарищей, которыхъ онъ пережилъ, отдѣлавшись только щербиною, но и новыхъ, еще неиспытанныхъ, какъ люди старые и закаленные надежнѣе молодыхъ. Ср. нашу поговорку: „много новыхъ горшковъ перебито, а *молоstownъ*, (старый горшокъ, повитый берестю) другой вѣкъ живетъ“ (Даль 372). Что *κακός* можно принять въ смыслѣ „битый, щербатый“, видно изъ того, что у Гомера это слово употребляется объ одеждѣ въ смыслѣ „изорванный“ (Odys. XIV 506 *κακὰ*—εἴματ' лохмотья, рубяще=ῥάκος cf. v. 342).

289. Γλοῦν τὸ φαγεῖν, πικρὸν δὲ τὸ χέσθαι (Krumbach. 34)—сентенція въ духѣ Аристофана. Новогреческія и итальянскія параллели, приведенныя Крумбахомъ, также не отличаются пурризмомъ въ выраженіи; наши пословицы приличнѣе: *ино сладко проглотишь, да горько выплюнешь; сладко съешь, да горько отрыгнется* (Даль 23). По теологическому объясненію, греческая пословица имѣетъ въ виду богатаго, котораго послѣ наслажденій здѣшней жизни ожидаютъ муки вѣчныя. Общій, житейскій смыслъ пословицы ясенъ: за удовольствіями слѣдуетъ горькое разочарованіе. Дальше по смыслу стоитъ другая группа новогреческихъ пословицъ, приведенныхъ Крумбахомъ (S. 169) и гласящихъ, что молодые люди кислаго поѣли, а старики оскомины набили: наша пословица говоритъ наоборотъ: *отцы терпкое поѣли, а у дѣтокъ оскомины* (Даль 798), въ смыслѣ: дѣти оплачиваются за грѣхи отцовъ, согласно съ библейскимъ изрѣченіемъ (Иезек. XVIII 2), изъ котораго она, безъ сомнѣнія, и заимствована.

290. Τὸ πρᾶγμα σου ἀσφάλιζε καὶ τὸν γείτονά σου κλέπτῃ μὴν (=μῇ) χίμῃς (Krumb. 55): „вещи свои клади въ безопасномъ мѣстѣ и сосѣда своего не дѣлай воромъ“—соотвѣтствуетъ нашей поговоркѣ: *плохо не клади, вора въ иртыгъ не вводи* (Даль 166).

291. Τὸ καλὸν ἀρνίον δύο μύνας βοζᾷται (Krumb. 97). Ягненокъ ставится въ образецъ кротости также въ новогреческихъ и итальянскихъ пословицахъ; въ славянскихъ его мѣсто занимаетъ теленокъ:

ласковое теля двухъ матокъ сосетъ (Даль 729; польск. и малорусск. у Челяк. 96 и Ном. 3302).

LXXIX. Апостолій и Арсеній.

292. Малорусская и польская поговорки — *лїнивий в своїй хати змокне, leniwy i w domu swet zmokne* (Ном. 10838) находятся въ родствѣ съ греческою: Τὸν οἰκοδὲν βρεχόμενον οὐδὲ θεὸς οἰκτεῖρει (Apost. XVI 91), т. е. „(лѣниваго), который въ домѣ своемъ мокнетъ, и Богъ не жалѣетъ“, а послѣдняя существуетъ, какъ кажется, у чеховъ въ буквальный переводъ: „Kdo doma zmokne, toho, prgu, ani buh nelituje“ (Челяк. 135) — Греческая пословица, которую авторъ сборника отмѣчаетъ какъ народную (δημώδης), находится только у Апостоліа и Еразма (IV 3, 38) и не встрѣчается ни у греческихъ, ни у латинскихъ писателей.

293. Пословица — *юра съ юрой не сходится, а человекъ съ человекомъ столкнется* (Даль I 386), существующая также у славянъ и другихъ народовъ (Челяк. 265), представляетъ переводъ греческой пословицы: Ὅρος ὅρει οὐ μίγνεται, ἀνδρῶνος δ' ἀνδρώπῳ, находящейся только въ сборникѣ Апостоліа — Арсенія (XIII 2). М. Михельсонъ (Мѣткія и ходячія слова, Сиб. 1894, стр. 102) сообщаетъ свѣдѣніе, что эта пословица представляетъ буквальный переводъ изъ Талмуда.

294. Пословица — *и камень лежа мохомъ обростаетъ, или на одномъ мѣстѣ лежа и камень обростаетъ* (Даль 285; II 80) о зажиточныхъ людяхъ, долго сидящихъ на одномъ мѣстѣ, представляетъ не переводъ, а перифразъ греческой пословицы: Λίθος χολιόμενος φόχῳ οὐ ποιεῖ — „перекатываемый камень не обростаетъ мхомъ“, которая также находится у одного Апостоліа — Арсенія¹⁾ и не встрѣчается болѣе нигдѣ. Славянскія параллели и нѣкоторыя западно-европейскія приводитъ Челяк. 379 — 380. Латинская

¹⁾ Apost. X 72 съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν διὰ τὰς συνεχεῖς μεταστάσεις πλοῦτον οὐ χερσυχμένον — „про тѣхъ, которые вслѣдствіе постоянныхъ переселеній не наживаютъ богатства“.

версія — *Musco lapis volutus non obducitur*, приводимая подъ именемъ П. Сира, вовсе не принадлежитъ классической древности.

295. *Рыба отъ головы тухнетъ* (Даль 478), говоримъ мы о корпораціи, имѣющей дурныхъ начальниковъ или представителей. Пословица эта взята буквально съ греческаго: Ἰχθὺς ἐκ τῆς κεφαλῆς ὄζειν ἄρχεται, ἐπὶ τῶν ἐπιστάταις φαύλους ἐχόντων (Apost. IX 18). Чешскую, галицкую, сербскую, болгарскую и новогреческую параллели приводитъ Челяк. 323.

296. *Орелъ мухъ не ловитъ* (Даль II 713); чешск. *Orel much nelapa* у Челяк. 90)—поговорка находится у Апостолия и Еразма: Ἄετος μωίας ὡς θηρεύει, *aquila non captat muscas* (Apost. I 44; Егасм. III 2, 65). Ср. № 245.

297. *Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай* (Даль II 566; IV 324) буквально: Νέους φίλους ποιῶν, τῶν παλαιῶν μὴ ἐπιλανθάνου приводится также у Апостолия (XII 1) и Еразма (III 3, 80); послѣдній замѣчаетъ объ этой поговоркѣ: *usurpat ab Hermolao Barbaro*,—это былъ ученый переводчикъ Аристотеля XV вѣка.

298. Употребительное у насъ въ литературномъ языкѣ выраженіе -- *слезы крокодила*, примѣняемое къ людямъ, притворяющимся сильно огорченными несчастьемъ ближняго, которому они сами готовятъ гибель, заимствовано съ греч.: Κροκοδείλου δάκρυα (Apost. X 17 и Егасм. II 4, 60). Оба пареміографа, Апостолий и Еразмъ, по поводу этого выраженія, приводятъ разныя толкованія. Между прочимъ, цитируется выдержка изъ зоологическаго трактата Эліана, который говоритъ, что крокодилъ, набравъ въ ротъ воды, облиываетъ ею крутыя тропинки, по которымъ люди и животныя спускаются къ рѣкѣ, и затѣмъ подскакиваетъ къ жертвѣ, которая по неосторожности поскользнется и упадетъ, и хватается ее. Но этимъ нисколько не объясняется смыслъ поговорки. Другіе говорятъ, что крокодилъ, проглотивъ туловище человѣка, смачиваетъ голову его слезами и тогда уже проглатываетъ ее. Третьи увѣряютъ, что у крокодила, когда онъ еще издали увидитъ человѣка, текутъ слезы (какъ слюнки?). Послѣднее объясненіе приводитъ только Еразмъ.

LXXX. Тома Кемпійскій.

299. Общеизвѣстная поговорка—*homo proponit, Deus disponit*, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ (Даль IV 69), сдѣлавшаяся почти международною (славянскія и западно-европейскія параллели у Челяк. 13), составлена изъ словъ Соломона (Притч. XVI 9): *Cor hominis disponit viam suam, sed Domini est dirigere gressus ejus*¹⁾ и принадлежитъ Томѣ Кемпійскому (S. Czapinski p. 206).

LXXXI. Еразмъ Роттердамскій.

300. Латинская пословица—*vino vindibili suspensa hedera non opus*, „хорошее (хорошо продающееся) вино не нуждается въ плетеной вѣвѣскѣ“, несправедливо приписываемая Публилію Сиру (въ сборникѣ Челяковского), не имѣетъ ничего общаго съ классическою древностью²⁾ и встрѣчается впервые у Еразма (adag. II 6, 20), по словамъ котораго она возникла изъ обычая выставлять надъ гостиницами или кабаками вѣхи. Пословица существуетъ у англичанъ, испанцевъ и французовъ (*Au bon vin ne fait point de boushon*); на Востокъ она проникла къ чехамъ, полякамъ и галичанамъ, но не перешла къ намъ; чешск. *Dobre vino i bez vichy vuprji*, польск. *Na dobre vino wiechy nie potrzeba*; гал. *Где добре пиво, не треба й вѣхы* (Челяк. 30).

LXXXII. Схоластическія пословицы.

Къ послѣднему разряду отнесемъ латинскія пословицы, которыхъ литературные источники намъ неизвѣстны; это большею частью международныя поговорки, общія славянамъ и другимъ народамъ и переве-

¹⁾ Славянскій текстъ нѣсколько отступаетъ отъ латинской вульгаты: *serdce мужа да мыслитъ праведная, да отъ Бога испраются стопы его* (Притч. Солом. 15, 29).

²⁾ Хотя и напоминаетъ одно мѣсто у Плавта: *Invendibili merci oportet ultro mptorem adducere: Proba mers facile emptorem reperit* (Plaut. Poen. 341).

денныя на латинскій языкъ въ западно-европейскихъ школахъ, въ которыхъ до недавняго времени повсемѣстно господствовалъ этотъ языкъ. Мы ихъ назовемъ, поэтому, *схоластическими*. Когда и какимъ путемъ онѣ проникли къ намъ, неизвѣстно. Что между ними есть чистго русскія поговорки, позаимствованныя у насъ другими народами, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Изъ нихъ будутъ приведены здѣсь только тѣ, которыя находятъ себѣ полное соотвѣтствіе между русскими пословицами.

301. *Quem fata pendere volunt, non mergitur undis*: кому повѣшено быть, тотъ не утонетъ (Даль III 147). Чешск., польск., серб., хорв., англ., дат. и нѣм. см. у Челяк. 34.

302. *Qui sibi malus, cui bonus?* Русскую пословицу—*иному не можетъ быть благу, кто себя худъ*, также чешскую—*Kdo sobe zly, komu dobry?* и др. приводитъ Челяк. 32.

303. *Satius est equo labi, quam lingua*: лучше споткнуться ногою, нежели словомъ (Даль IV 305); серб. *Бољ е поклизнути ногомъ, него езикомъ* (Челяк. 71); франц. *Il vaut mieux glisser du pied que la langue*.

304. *Quod esse tacitum vis, id nulli dixeris*: о чемъ хочешь, чтобъ другіе молчали, прежде самъ умолчи; чешск. и польск. у Челяк. 79.

305. *Multum clamoris, parum lanae*; наша пословица полнѣе: *стригъ чортъ свинью: визгу много, а шерсти нѣтъ* (Даль IV 649); чешск., хорв., нѣм. и англ. у Челяк. 80 и *Hulakovsky Ceska prislovi 1188 sq.*

306. *Non patitur ludum fama, fides, oculus*; у насъ говорится только: *правда шутки не любитъ* (Даль IV 669; серб. *честь, законъ и око не трпе шале* (Челяк. 84).

307. *Dulcia non meruit, qui non gustavit amara*: не при-
нять горькаго, не видать сладкаго, или не видавъ горькаго, не узнаешь сладкаго (Даль 189; IV 322); франц. *Il n' est digne du doux, qui n' a goûté l' amer*.

308. *Equo currenti non opus calcaribus*: на ретивую лошадь не кнутъ, а возжи (Даль 94); славянскія параллели у Челяк. 131.

309. *In tranquillo esse quisque gubernator potest*; въ тихую погоду и баба правитъ; серб. ласно е на доброму времену корманити (Челяк. 154).

310. *Sero venientibus ossa*: позднему гостю кости (Даль I 396). Латинская пословица составлена по выраженію Марціала: *ad ossa coenae venire*; въ древнѣйшее время о людяхъ опаздывающихъ и упускающихъ случай римляне говорили: *coena comesa venire* Varr. г. г. I 2, 11), т. е. „прійти, когда обѣдъ уже съѣденъ“, а греки: *Κατόπιν ἑορτῆς ἔρχεσθαι* (Diogen. V 73 и др.), т. е. „прійти послѣ праздника“.

311. *Praestat sero, quam nunquam* (Челяк. 257 ср. Hulak. 4562): лучше поздно, чѣмъ никогда.

312. *Ferrum, dum in igne candet, cudendum est*: куй же-лѣзо, пока горитъ; славянск. и западно-европ. у Челяк. 260.

313. *Rufus homo raro bonus; quando bonus, valde bonus*, — поговорка, въ буквальноѣ переводѣ перешедшая къ сербамъ: *Рыжъ човекъ рѣдко добаръ, и ако добаръ, врло е добаръ*. Наши поговорки тоже говорятъ не въ пользу рыжихъ: *рыжій да красный чело-вѣкъ опасный; рыжихъ и во святыхъ нѣтъ* и т. п. (Даль 324).

314. *Non procul a proprio stirpe poma cadunt*: яблочко отъ яблоньки недалеко откатывается (Даль IV 692); славянскія и вѣм. поговорки у Челяк. 404 и Гулак. № 1260 sqq.

315. *Veterior canis catenis adsuefieri non potest*: старую собаку трудно къ цѣпи приучить; чешск. и англ. у Челяк. 407.

316. *Insanire facit mures absentia cattì*: коли нѣтъ кота въ дому, играютъ мыши по столу; славянскія, также англ. и дат. у Челяк. 429.

317. *Nulla regula sine exceptione*: нѣтъ правила безъ исключенія.

318. *De gustibus et coloribus non est disputandum*: на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ; о вкусѣ не спорь (Даль I 215).

319. *Diabolus non est tam piger, ac pingitur*: не так страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

320. *Contra vim mortis non est herba in hortis*: отъ смерти нѣтъ зелья (Даль I 699).

321. *Dant saepe parvam magna nubila pluviam*: изъ большой тучи да малая капля (Даль 811).

322. *Quisquis amat dominum, diligit catulum*: когда меня любишь, и мою собачку люби (Даль II 287). Франц. *Qui m' aime, aime mon chien*.

323. *Certum est longos esse crines omnibus, sed breves sensus mulieribus*: у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ; чешск., нѣм. и франц. у Челяк. 392 и Гулак. 5078 sqq.

324. *Hydria tamdiu ad fontem portatur, donec vel tandem frangatur*: чешск., нѣм., англ. и итал. у Гулак. 958 sqq; русск.: повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить (Даль III 141).

325. *Cujus edis panem, illius et adipisce nutum*: чей хлѣбъ ѣмъ, того и вѣмъ (Даль IV 604); чешск., нѣм. и франц. у Гулак. 1156 sq.

326. *Catus amat piscem, sed non vult tangere flumen* (tingere pedes): лакома кошка до рыбки, да въ воду лѣзть не хочетъ (Даль II 185); чешск., нѣм., англ. и франц. у Гулак. 1527 sqq.

327. *Nucleum esse qui vult, is nucem frangat oportet*: не разгрызешь орѣха, не съѣшь и ядра (Даль IV 964); чешск., нѣм. и англ. у Гулак. 4603 sq.

328. *Neque caro, neque piscis*: ни рыба, ни мясо (Даль IV 117); чешск., и нѣм. у Гулак. 4996 sqq.

329. *Съ волками жить, поволямы быть*: Ὑλα σὺν λύκοις, οἷς ὀμιλεῖς, *ulula cum lupis, quibuscunque converseris*; чешск., нѣм. и франц. у Гулак. 5551 sqq.

330. Не все то золото, что блеститъ (Даль I 714): *non crede aurum, quidquid resplendet ut aurum*; чешск., нѣм., англ. и франц. у Гулак. 5635 sqq.

331. Кто другому яму роетъ, самъ въ нее ввалится (Даль IV 698): *incidit in foveam, qui primus fecerit illam*; чешск. и нѣм. у Гулак. 1320 sqq. Первоначальный источникъ: Псал. 7, 16; cf. *Erasm. adag.* I 1, 52.

ПРИБАВЛЕНІЕ 1.

Въ видѣ прибавленія укажемъ здѣсь источники нѣкоторыхъ употребительныхъ у насъ въ литературномъ языкѣ латинскихъ поговорокъ.

1. *Nil novi sub sole* изъ Солом. Екклес. I 9.
2. *Ubi bene, ibi patria* изъ Cic. Tusc. V 37, 108. Древнѣйшіе греческіе источники указаны Шнейдевиномъ къ Zenob. V 74 и A. Otto № 1356.
3. *O tempora, o mores!* Cic. in Cat. I, 1, 2.
4. *Óderint, dum metuant:* Cic. Philipp. I 14, 34, de off. I 28, 97; Suet. Calig. 30.
5. *Nomina sunt odiosa* по Ovid. her. XIII 54.
6. *Non scholae, sed vitae discimus:* Sen. ep. XVIII 3 (106) fin.
7. *Non multa, sed multum:* Plin. ep. VII 10, 15 и Quintil. X 1, 59.
8. *Inde irae:* Iuven. sat. 1, 168.
9. *Mens sana in corpore sano:* Iuven. IV 10, 356.
10. *Sine ira et studio:* Tac. an. I, 1 fin.
11. *Ars longa, vita brevis* — афоризмъ Гиппократъ (Czapinsk. 44).
12. *Tres faciunt collegium:* Digest. lib. L tit. 16, 85.
13. *Sic transit gloria mundi* — слова Юмы Кемпійскаго (Czapinsk. 446).

ΠΡΙΒΑΒΛΕΝΙΕ 2.

Πредъ самыѣ печатаніемъ книги мы ознакомились съ пословицами *Евстаѳіа*, архіепископа Θεσσαλονικскаго (XII вѣка), сводъ которыхъ представленъ г. *Эд. Куртцомъ* (въ *Philologus* v. O. Crusius Götting. 1891 B. VI 1); между ними встрѣчаются слѣдующіе наши №№:

6 σφηκιὰν ἐκίνησας, 8 ἄχθος ἀρούρης (γῆς ἐτώσιον ἄχθος), 10 κακὸν ἐπὶ κακῷ, 12 κατὰ ῥοὴν φέρεσθαι, 14 γέλω ἐκθανεῖν, 15 μελάντερος ἢ τε πίσσα, 18 δῶρα καὶ θεοὺς πείθει, 22 κύων ἐπὶ φάτνῃ, 28 κύων σπεύδουσα τυφλὰ τίχτει, 30 μία χειλιδὼν οὐ ποιεῖ ἔαρ, 32 ὠδινεν ὄρος, Ζεὺς δ' ἐφοβείτο, τὸ δ' ἔτεκε μὺν, 34 οἶνος καὶ ἀλήθεια, 45 δις παῖδες οἱ γέροντες, 48 μὴ λάκτιζε πρὸς κέντρα, 52 καθ' ὕδατος γράφειν, 58 αἱ δευτεραί πως φροντίδες σοφώτεραι, 68 γάλα ὀρνίθων, 73 δῆλον καὶ τυφλῷ, 93 ἦλος ἦλω, 125 ἀργοὺς αἰὲν ἑορτή, 137 ἐπὶ ξυροῦ ἀκμῆς (τριχὺς ἡρτῆσθαι), 182 ζεῖ χύτρα, ζῇ φιλία, 198 οὐδ' ὄναρ, 212 κερκώπης λαλίστερος, 232 γυμνότερος ὑπέρου, 235 οἶνος τοὺς γέροντας πείθει χορεύειν οὐκ ἐθέλοντας.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
IV	5 сверху	на пазухой	за пазухой
14	1 снизу	Эгискаго	Эгискаго
18	13 снизу	Di	Die
26	3 спису	entanté	enfanté
31	2 снизу	1)	2)
34	3 сверху	имѣть	имѣють
46	5 сверху	56	59
46	14 сверху	ἐβλαψε	ἐβλαψε
49	7 сверху	у постовъ	и постовъ
50	8 снизу	864—867 Equ.	Equ. 864—867;
58	15 сверху	Laude	Lande
59	14 сверху	᾽Οποι	᾽Οποι
61	15 сверху	малорусскую	малорусскую
66	2 сверху	Suri	Syri
67	3 и 4 снизу	1) 2)	2) 3)
69	6 сверху	ранше	раньше
69	13 сверху	другими	другими
71	7 сверху	ἀμνημονούτων	ἀμνημονούτων
121	14 снизу	kra	kral
123	11 снизу	въ бородѣ	къ бородѣ
124	5 сверху	oblifus	oblitus
152	4 снизу	γραφος	ἄγραφος

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

3 CANCELLED

SEP 21 '70 974

